

Она & Он

ЛЮБОВНЫЙ БЫТ
В МЕМУАРАХ И ПЕРИОДИКЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

„ОНА“ И „ОНЪ“.

(На мотивъ Беранже).

Плыла въ поднебесьи луна,
Шептался мѣсь со вѣтрѣхъ сторонѣхъ,
Къ нему ласкалася «она»
И также къ ней ласкался «онъ»;
 «Она» шептала: — «первый разъ
 Люблю я въ жизни, милый мой,
 И о любви твоей рассказъ
 Впервые слышу, дорогой;
Горитъ огонь въ груди моей,
Склонись ко мнѣ о, мой кумиръ,
Мы здѣсь подѣ сумракомъ ночей.
Забудемъ этотъ мѣръ...»
 И слышалъ я какъ надѣ рѣкой,
 На томъ же мѣстѣ, черезъ годъ,
 «Она» клялася въ любви святой
 И клялся «онъ» но былъ не тотъ;
На третье мѣто: — «первый разъ
Люблю я въ жизни, милый мой...»
«Она» вела все свой рассказъ,
«Онъ» въ третій разъ все былъ другой.

Сверчокъ.

Объяснаны.

ЕЛЕНА
ЛАВРЕНТЬЕВА

ОНА И ОН
ЛЮБОВНЫЙ БЫТ
В МЕМУАРАХ И ПЕРИОДИКЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 94(47)'' 18/19'' (084/1)

ББК 63.3(2)5я6

Л13

ПРОЕКТ «СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ»

Выражаем искреннюю благодарность за финансовую поддержку в издании книги:

ООО «ТУРИНФО группа РФР»

и

Людмиле Петровне Бельяниновой

Дизайн проекта «Семейные архивы» – Александр Архутик

Компьютерная верстка – Алексей Колганов

Сканирование, обработка фотографий и цветокоррекция – Александр Комаров

Лаврентьева Е.В.

Л13 **Она и Он:** Любовный быт в мемуарах и периодике конца XIX – начала XX века. – М.: Этерна, 2014.– 196 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00226-3

Главная тема альбома – «эти вечные он и она», не выдуманные, а правдивые истории любви конца XIX – начала XX века. Читатели познакомятся также с популярными сюжетами открыток того времени. Их авторы – как наши соотечественники, так и зарубежные художники: итальянский живописец Л. Балестриери, американский иллюстратор К.Ф. Ундервуд, известные карикатуристы А. Гильом и барон Ф. фон Резничек и др.

УДК 94(47)'' 18/19'' (084/1)

ББК 63.3(2)5я6

© Е.В. Лаврентьева, 2014

© Е.В. Лаврентьева, фотографии,
открытки, графика из личной
коллекции, 2014

© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2014

ISBN 978-5-480– 00226-3

*А я – я бросаюсь в россыпь своего нового увлечения:
серия открыток с картин Балестриери* <...>.
Их двое – везде, эти вечные он и она, и от их
«вместе» куда-то падает сердце.
А. Цветаева. Воспоминания*

Ну что я могу поделаться, если моя голова набита цитатами?! Иногда я даже играю с ними, как ребенок с разноцветными кубиками. К примеру, извлекаю из запасников своей памяти цитаты на тему «Эти вечные он и она»:
«У нее было двое друзей. Один любил ее и приносил ей цветы. Другого любила она и давала ему деньги» (Ремарк).

«Она была достойна любви. И он любил ее, но он был недостоин любви, и она не любила его» (Гейне).

«Он и она полюбили друг друга, женились и были несчастны» (Чехов).

В данной последовательности – это краткое содержание одного романа, но стоит изменить порядок цитат – получится другой. Три разных романа!

Мир меняется, а чтение романов по-прежнему остается увлекательным занятием. Вот и я решила навести порядок в своей библиотеке и собрать воедино любовные истории конца XIX – начала XX века. А заодно – пересмотреть старые открытки и фотографии. Кто-то скажет, что читать чужие письма неприлично. И будет прав. Но я уверена, что авторы и адресаты писем из моей коллекции не обидятся на меня: как-никак я спасла эти опусы от букинистической пыли. Смеею надеяться, что мои милые собеседники, напротив, спустя столетие, пожелают передать читателям свой жизненный опыт и тайные знания, которые так или иначе сводятся к истине, что любви все времена покорны.

* Лионелло Балестриери (1872–1958) – итальянский художник.

*Таял сахар, плыл лимон,
Чай бледнел в фарфоре тонком.
Благородной ложки звон
Был едва по перепонкам.*

*Абазур, вечерний круг,
Легкий трепет занавески.
И хрустально-нежный звук
Долгожданной эсэмэски.*

*Нота счастья в тишине
На мгновенье прозвучала.
Ну и ну! Везет же мне
На хорошее начало.*

*Потому что не прошу
И просить любви не стану.
А разлюбит – допишу
Послесловие к роману.*

Елена Лаврентьева

Ф. Резничекъ, Одинъ поцѣлуй.

F von Reznicek, Ein Kuss.

Из мемуаров

Ф. Резнищек. Опасный момент

В эту пору я жестоко влюбился в тонкую, стройную и красивую двадцатилетнюю «разводку» Марусю Емельянову.

И даже специально подружился с ее братом Павликом, и даже снимал с ним пополам комнату за пять рублей в надежде, что Маруся иногда будет заходить к брату и я ее смогу видеть. Но она, увы, так и не зашла ни разу за все время. Она сошлась с противным, толстым, похожим на борова жандармским полковником Ивановым и жила в маленькой гостинице у Золотых ворот. Я ходил, влюбленный, замученный и несчастный, вокруг этой гостиницы в надежде ее встретить и, увы, не встречал! А когда я справлялся о ней у швейцара, он всегда отвечал: «Нет дома!» Очевидно, такой был ему дан приказ.

Однажды утром я прорвался через эту блокаду. Швейцара не было, я постучался в дверь номера и вошел. Дверь была не заперта. Маруся лежала в кровати с жандармским полковником, который так рассвирепел при виде меня, что погнался за мной в коридор в одних подштанниках. После

этого моя любовь тут же скончалась в страшных мучениях.

Все это как будто обыденно просто и даже, может быть, неинтересно, но каких мук мне это стоило! Каких страданий! Каких слез! Каких бессонных ночей!

Да... Если и есть на свете любовь, в чем я очень сомневаюсь, то она бывает только в юности. А теперь, перебирая в памяти все свои многочисленные «любви», которые заполняли когда-то мою жизнь, когда я вспоминаю, из-за каких женщин я страдал, и переживал, и мучился, я изумленно думаю: «Какой же я был дурак! Как я мог так страдать из-за таких обыкновенных, злых, расчетливых и ограниченных женщин? Наваждение какое-то! Да повторись все это еще раз теперь — я бы и глазом не моргнув отвернулся бы от таких чувств». А вот поди ж ты, сколько все это мне стоило здоровья и нервов. И что же? Только вот об этих влюбленностях и бедной юности моей я и вспоминаю нежно и светло...

Александр Вертинский. Дорогой длинную

На курсах подготовки к аттестату зрелости О.И. Духаниной все, и учившие и учащиеся, отличались невероятным разнообразием возраста, от шестнадцати до пятидесяти лет. Никто из учителей меня не заинтересовал, только историю преподавал мальчик с поразившей чем-то внешностью.

Узкое лицо раннего итальянского Возрождения, с темными, страстными глазами и аскетически строгим ртом. Итальянская голова посажена на русскую, плотную, немного коренастую фигуру, с нехолеными, рабочими, широкими руками.

Он, года на четыре старше меня, казался мне «ровней», товарищем, а не учителем, как все прежние преподаватели. Незаметно мы подружились. <...> Стало необходимым, как воздух, чтоб после уроков Николай Васильевич шел со мной по заснеженному Арбату под руку, плечо в плечо, во мгле метели. Под скрип полозьев извозничьих санок, под звон конок мы цитировали и разбирали последние стихи Блока, Брюсова или последнюю постановку Художественного театра. Несмотря на слипающиеся усталостью глаза, мы поднимались

в меблированную мою комнату, встречая негодующие, осуждающие взгляды квартирной хозяйки, как полагается — старой злой ведьмы, живущей сдачей комнат со столом. Николай Васильевич заботливо снимал с меня верхнюю одежду, укладывал на диван, приготавливал чай, не забывая принести что-нибудь вкусненькое — печенье, шоколад, мандарины. Мы просиживались за полночь, иногда совсем молча, рука в руку, потом он крестил мою подушку, шепча:

— Спокойной ночи солнышку моему, — и уходил. <...>

Я не заглядывала в будущее, но надеялась на нашу совместную поездку в Германию, где Николай Васильевич хотел поучиться в Боннском университете. В апреле, когда на всех углах запрыгали в руках мальчишек «морские жители», засветились желтые шарики мимоз, затарахтели вербные «тещины языки», Ник (так я теперь звала Николая Васильевича) прислал мне корзину дивных розоватых роз с красными прожилками.

В тот вечер он был странно взволнован, в темных глазах пробежали золотистые струи, тонкий рот, казалось, разбух, как вербная почка, руки нервно теребили свисающую прядь черных мягких волос. После чая с коньяком, совершенно неожиданно, его рот покрыл мои губы. Я растерялась, рассердилась, не могла понять. Дружба. Тихий Друг — «рыцарь-монах», и такая бурная страсть?

Несколько дней мы молчали, незаметно наблюдая друг за другом, боялись встретиться взглядами. Но когда он сказал, что едет в Бонн вперед, иначе пропустит весенний семестр, я, рыдая, бросилась ему на шею, умоляя не оставлять меня одну на экзамены. Он, так же плача, гладил мои волосы, целуя глаза, губы, руки, обещал в начале июня приехать за мной <...>.

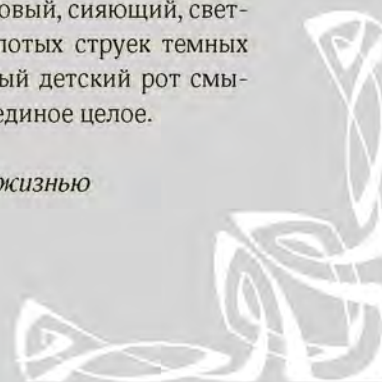
Ник приехал в начале июня, очень встревоженный, утешал, что все пустяки, что можно прожить и без «аттестата зрелости». Когда мы очутились в узеньком двухместном купе мягкого вагона, все действительно показалось пустяками. Огромный, страшный, злой мир остался где-то там, за пределами мчащегося поезда. Новый, сияющий, светлый вливался в меня из золотых струек темных глаз, и нежный, полуоткрытый детский рот смыкал нас плотным кольцом в единое целое.

Н. Серпинская. Флирт с жизнью

Э. Гейлеманъ,
Въ спальномъ вагонѣ.

Ernst Heilemann, Im Schlafwagen.

В романе Лескова «На ножках» одна молоденькая попадая три года «не любила» своего превосходного мужа, измучила и его и себя, потому что все эти три года была влюблена в гусара, с которым она даже не была знакома, а лишь видела его где-то однажды, мельком. Нечто вроде такой трагикомедии пережила в своем девичестве Люба Амфитеатрова — и очень серьезно и болезненно.

Влюбилась она в модного тогда артиста мамонтовской итальянской оперы, португальца Франческо Д'Андреа, певца средних качеств, но эффектного актера с барственными манерами, настоящего «героя плаща и шпаги». Он очень нравился в Москве, особенно Тореадором из «Кармен». Пожирал сердца дам и дев дюжинами, укусил и сердце нашей Любы.

— Что же тут необыкновенного? — скажет читатель. — Заурядная театральная психопатия! Мало ли шальных девчонок вертится, безумствуя, вокруг каждого имеющего некоторый успех артиста, не говоря уже о светилах!

Но в том-то и дело, что Люба никогда не была театральной психопаткой и не сделалась ею, влюбясь. Она не искала знакомства со своим кумиром; не гонялась за ним повсюду, где только была надежда его встретить; не приобретала множества его фотографий и не преследовала его просьбами об автографе; не писала ему писем ни за своей подписью, ни анонимных и псевдонимных; не участвовала в бенефисных подношениях и чествованиях; не бесновалась в бурных овациях, которые визгливою энергией женского энтузиазма часто уподобляют триумфы любимых актеров шабашам на Лысой Горе. Она даже не всегда посещала спектакли Франческо Д'Андреа, зная, что частое хождение дочерей в театр не нравится нашему отцу, а его она обожала и читла с безусловным повиновением.

Итак, никаких внешних признаков обычной театральной психопатии. Но сердцем ее овладела и тихо укоренилась в нем иная психопатия — любовная. Та, что у наших предков слыла «сумасшествием от любви» и что, по-моему, есть видоизменение религиозной экзальтации.

В состоянии такой любви к призраку Люба прожила несколько лет. Прекрасный португалец,

Ф. Резниченко.
Карнаваль.

F. v. Reznicek.
Karnaval.

конечно, и не подозревал, благополучествуя в своей Коимбре, что где-то на дальнем севере, в России, он оставил этакий неугасимый пожар, зажженный им, без своего желания и ведома, в сердце какой-то незнакомой, никогда им не виданной московской девицы. Но если Люба не вышла замуж в своей среде, отвергнув нескольких женихов из профессорского круга, адвокатуры, коммерческой интеллигенции, в этом виноват главным образом «призрак»: все он, «голубой принц Венделин», «герой плаща и шпаги» Франческо Д'Андреа. Борьба близких с этой манией Любы — споры, доказательные уговоры, вызывания к здравому смыслу, стыжение, насмешки, окрики, угрозы одинаково разбивались об ее кроткое упрямство:

— Все, что вы говорите, может быть, правда, но виновата ли я, что его люблю? Оставьте же меня любить. Ведь я никому этим зла не делаю.

Когда и как кончилось Любино «сумасшествие от любви», я не знаю. С переселением в Петербург я отошел от быта и интересов отцова дома в Москве. А может быть, оно и никогда не кончилось.

А.В. Амфитеатров. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих

Как и когда у меня зародилась мысль послать цветы Павловой, не могу теперь вспомнить, но, так или иначе, после ряда колебаний и сильных угрызений совести, я продал свой велосипед и на вырученные деньги, сумму по тем временам не малую, заказал корзину белой сирени и послал ее молодой приме-балерине. Завернутый в большие листы шелковой бумаги, укутанный в ватные чехлы от стоявшего на дворе лютого мороза, отправился мой, перевоплощенный в сирень, велосипед из тепличной атмосферы цветочного магазина Эйлерса на Большой Морской в Мариинский театр. Что я пережил в этот памятный вечер, не поддается описанию...

Точно в чад ушел я, как на первые аплодисменты выбежала на сцену Павлова и, следом за ней, не один, а два театральных служителя вынесли чудовищных размеров куст белой сирени. По первому ряду пробежало негромкое, но внятное «браво»,

театр удвоил свои аплодисменты, и «галерка» завопила. Первый глубокий реверанс (и что это был за реверанс) Павлова сделала в сторону царской ложи, следующие реверансы залу и несколько жестов руками окончательно впавшей в истерику «галерке». На последний вызов Павлова отвечала, держась за мои цветы, и, убегая за кулисы, унесла с собой быстрым движением руки сорванную веточку сирени. Сердце мое теперь уже не билось, лишь приятно и томительно ныло. Никакой суровой каре я за мою наивную выходку, разумеется, не подвергся. Старый же швейцар дома на Песках стал отныне радовать меня лучше всякой музыки звучащими словами: «Барышня дома. Чужих велела не принимать, а вас, барин, значит, можно».

В какое священное негодование впали бы мои строгие тетушки (матери у меня давно уже не было), если бы они каким-либо чудом узнали о том, что их, казалось, вполне приличный на вид племянник по уши влюблен в балерину и, о ужас, бывает у этой ужасной женщины. И как бы они удивились, если бы могли, опять-таки чудом, заглянуть в скромную квартиру Павловой и застать в ней их блудного племянника в обществе околдовавшего его чудовища. Они бы увидели много цветов в крошечной гостиной, зажженную лампу под большим, модным по тем временам, кружевным абажуром; увидели бы очень молодую, стройную, бесконечно грациозную женщину, далеко не красавицу, но окруженную тем ореолом приветливости, чувства меры и врожденного такта, который сами же тетушки называли «шармом». Они бы могли застать ее перебирающей клавиши пианино или вырезавшей при участии их племянника из газет заметки — первые отзывы печати о Павловой, и вклеивающей их в большой альбом. Осудить они, конечно, могли бы, но, право, не за что было судить.

Строго то, что томительные, но до чего сладкие минуты прощания у дверей маленькой прихожей чересчур затягивались, что целовалась не одна рука, а обе, что ответный поцелуй в голову, вместо символического, был похож на настоящий и, вместо виска, губы встречали щеку.

А.Н. Клейгельс. Цветы //
Пажи — рыцари России

Личность нашего будущего преподавателя истории вызывала у нас огромное любопытство. Пессимистки утверждали, что это наверняка будет какой-нибудь старый педант, ничем не лучше нашего прежнего учителя, ушедшего в отставку. Эти мрачные предчувствия не подтвердились. С первой же минуты своего появления новый историк был единогласно признан «душкой». В классе вспыхнула любовь к истории, уроки готовились очень старательно. Мы часто спорили, пытаясь решить, кто из нас станет его любимицей, вплоть до того дня, когда он начал объяснять нам отличительные черты каждой расы. Гипсовые головы эскимосов, африканцев, монголов и европейцев — мужчин и женщин — были сняты с полок, где они, покрытые пылью, провели долгие годы своей жизни. Затем историк перешел к обитателям Балканского полуострова. Рассказывая нам о сербах, он отметил, что они очень красивы, что у них черные волосы и великолепные глаза, и, окинув взглядом класс в поисках примера, добавил: «Как у мадемуазель Карсавиной». Это замечание окончательно определило мой удел «любимицы». Все споры прекратились, и с общего согласия новый учитель был предназначен мне. Пришлось играть выпавшую на мою долю роль, что я и делала с энтузиазмом. Я не имела соперниц: все подружки охотно предоставляли мне возможность блистать. Мы даже нашли способ улучшить вид моего «крысиного хвостика», который, к моему отчаянию, был самым маленьким и тоненьким в классе. Перед уроками истории черная лента, вдвое длиннее обычной, ловко вплеталась мне в волосы, увеличивая толщину и длину косы, а бант с исключительной тщательностью завязывался одной из подруг. От меня часто требовали доказательств любви к новому учителю и подвергали подлинным пыткам: «Если любишь историка, выпей до дна графин воды». И я глотала стакан за стаканом тепловатую воду, пока меня не начинало тошнить, но ни это испытание, ни мои уверения, что меня доведут до водянки, не останавливали моих палачей, пока я не осушала графин до дна. Другие девочки тоже иногда подвергались такому испытанию, чтобы проверить их верность своим кумирам, но я чаще всех бывала объектом подобных шуток.

Т.П. Карсавина. Театральная улица

Я впервые увидел Тамару – выбираю ей псевдоним, окрашенный в цветочные тона ее настоящего имени, – когда ей было пятнадцать лет, а мне шестнадцать. Кругом как ни в чем не бывало сияло и зыбилося вырское лето. Второй год тянулась далекая война. <...> Мы встречались за рекой, в парке соседнего имения, принадлежавшего моему дяде: в то лето он остался в Италии, и мы с Тамарой безраздельно владели и просторным этим парком с его мхами и урнами, и осенней лазурью, и русой тенью шуршащих аллей, и садом, полным мясистых, розовых и багряных георгинов, и беседками, и скамьями, и террасами запертого дома. <...> С наступлением зимы наш безрассудный роман был перенесен в городскую, гораздо менее участливую обстановку. <...> Негласность свиданий, столь приятная и естественная в деревне, теперь обернулась против нас; и так как обоим нам была невыносима мысль встречаться у меня или у нее на дому, под неизбежным посторонним наблюдением, а лукавства у нас не хватало, чтобы предвидеть, как скоро мы бы с этим наблюдением справились, Тамара, в своей скромной серой шубке, и я, с кастетом в бархатном кармане пальто, принуждены были странствовать по улицам, по обледелым петербургским садам, по закоулкам, где как-то разваливалась набережная, и где приходилось сталкиваться с хулиганьем, – и эти постоянные искания приюта порождали странное чувство бездомности <...>.

Из всех моих петербургских весен та весна шестнадцатого года представляется мне самой яркой <...>. Тамара и я всю зиму мечтали об этом возвращении, но только в конце мая, когда мы, то есть Набоковы, уже переехали в Выру, мать Тамары, наконец, поддавшись на ее уговоры и сняла опять дачку в наших краях, и при этом, помнится, было поставлено дочери одно условие, которое та приняла с кроткой твердостью андерсеновской русалочки. И не-

медленно по ее приезде нас упоительно обволокло молодое лето. <...> Многое уже не могу различить и не знаю, например, как и где мы с Тамарой расстались. Впрочем, для этого помутнения есть и другая причина: в разгар встреч мы слишком много играли на струнах разлуки. В то последнее наше лето, как бы упражняясь в ней, мы расставались навеки после каждого свидания <...>.

С раздирающей душу угрюмой яркостью помню вечер в начале следующего лета, 1917 года, при последних вспышках еще свободной, еще приемлемой России. После целой зимы необъяснимой разлуки, вдруг, в дачном поезде, я опять увидел Тамару. Всего несколько минут, между двумя станциями, мы простояли с ней рядом в тамбуре грохочущего вагона. Я был в состоянии никогда прежде не испытанного смятения; меня душила смесь мучительной к ней любви, сожаления, удивления, стыда, и я нес фантастический вздор; она же спокойно ела шоколад, аккуратно отламывая квадратные дольки толстой плитки, и рассказывала про контору, где работала. С одной стороны полотна, над синеватым болотом, темный дым горящего торфа сливался с дотлевающими развалинами широкого оранжевого заката. Интересно, мог ли бы я доказать ссылкой на где-нибудь напечатанное свидетельство, что как раз в тот вечер Александр Блок отмечал в своем дневнике этот дым, эти краски. Всем известно, какие закаты стояли знаменьями в том году над дымной Россией, и впоследствии, в полуавтобиографической повести, я почувствовал себя вправе связать это с воспоминанием о Тамаре; но тогда мне было не до того; никакая поэзия не могла украсить страдание. Поезд на минуту остановился. Раздался простодушный свирест кузнечика, — и, отвернувшись, Тамара опустила голову и сошла по ступеням вагона в жасмином насыщенную тьму.

В. Набоков. Другие берега

Ф. Резниченко.
Въ аванъ-ложѣ.

F. v. Reznicek.
In der Loge.

И вот я впервые влюбился. Мне было двадцать семь лет, я окончил свое образование, инженер, два года прожил за границей. Вернувшись на родину, в Москву, получил первое место. Сладко сознавать, что твои знания, труд оценены и что ты полноценный и самостоятельный член общества.

Я влюблялся в жизни дважды и оба раза до безумия. Часто ходил к Худякову в гости, летом наша семья жила с его [семьей] в одной дачной местности — Салтыковке. Я влюбился в его сестру.

В наших с ним лыжных прогулках принимали участие только мешавшие нам, как мне тогда казалось, его сестры. Одной из них в дороге мне пришлось перевязать лыжный ремень, для чего нужно было стать на колени и взять ее ногу в валенке в руки. Мне запомнилось это мгновение, и оно было началом влюбленности, нараставшей постепенно и выросшей до самозабвения. Нет надобности описывать мои чувства — вероятно, они схожи у всех влюбленных: преклонение перед своим предметом, признание в нем

всех черт бесконечно дорогими, даже при сознании, что в отдельных случаях они являются недостатками, желание пожертвовать всем для него, отдать ему всего самого. Меньше всего тогда думалось о чем-то другом.

Что представляла собой она? Вероятно, недурной образец человеческой породы: молодое, высокое, пожалуй, выше, чем нужно для совершенной красоты, стройное тело, руки с длинными пальцами; горделиво, как у лебедя, посаженная головка с хорошими темно-белокурыми волосами, конечно, по тогдашнему обычаю, с заложенной довольно низко косой. Раздувающиеся ноздри, быстрые, немного мечтательные глаза. Грудной, задушевный голос. Простые, но со вкусом наряды. Курсистка медицинских курсов, мечтающая о работе врачом.

Как влюбленный, я вел себя, наверное, глупо. Довольно долго я держал себя ровно с обеими сестрами, не давая внешне предпочтения ни одной. Примерно через год общения с ними на всякого рода прогулках и в их семье я улучил минуту и сделал ей предложение. Наверное, оно было для нее неожиданным. Не помню, сейчас же или погода она отказала, объяснив это любовью к своей профессии, которой брак помешает. Так ли? Через несколько месяцев опять встретились. Снова стал ухаживать — опять отказ. Я впал в отчаяние и, наверное, думал о самоубийстве; это был огромный удар для меня, тем более что я был самонадеян, жизнь в других отношениях удавалась, и мне казалось, что я счастливчик — мне все удастся, что я задумаю. А тут вдруг я отвергнут той, для которой я только и мог жить. Жизнь казалась бессмысленной, конченной.

Она, насколько я знаю, замуж не вышла. Она, ее сестра и брат так и остались холостяками. Живы ли сейчас, не знаю. Может быть, моих двух предложений было мало; если бы ухаживал и третий год, была бы моя. Просил вернуть мои восторженные письма — отказала.

Так или иначе, расставаясь с ней, сказал себе: надежды рухнули, уйду в разгул...

Н.М. Щапов. Я верил в Россию...

Случалось, что на катке разыгрывались романтические истории, и мы, девочки, горячо переживали все их перипетии. Однажды здесь разыгралась настоящая трагедия. Кумиром девочек на катке был красивый юноша, непременный участник всех гонок. Мы горячо сочувствовали его роману с очаровательной девушкой Лидой, которая приходила на каток со старушкой гувернанткой. Гувернантка обычно сидела в теплушке и клевала носом, а девушка и молодой человек катались, обмениваясь нежными взглядами. С некоторых пор мы стали замечать, что молодой человек стал отдавать предпочтение другой девушке. Однажды в первый день нового года был назначен карнавал. Ртуть на градуснике держалась очень низко. Но вечером костюмированные все же стали съезжаться к Патриаршим прудам. Приехала и наша любимица Лида. Она вышла из теплушки в шубке, оглядела каток и, скинув на скамейку шубку, к ужасу всех катающихся оказалась в легком белом вечернем платье с большим декольте и обнаженной спиной и руками. Движение на катке замерло. Прожектора освещали ее спокойно скользящую фигуру, ноги просвечивали сквозь легкий шелк платья. Она казалась почти обнаженной и необыкновенно красивой. Я не могла оторвать от нее глаз. Сделав несколько кругов, она исчезла в теплушке. Вслед за ней исчез и красивый молодой человек. На катке началось невообразимое волнение, почти все посетители катка знали друг друга, хорошо относились к Лиде и, конечно, сочувствовали ей. А через несколько дней стало известно, что она умерла от крупозного воспаления легких. Таким своеобразным самоубийством кончилась эта романтическая история.

*Алиса Коонен.
Страницы жизни*

Д нажды вечером раздался звонок, и в передней показалась моя кузина Лиза в сопровождении незнакомой мне высокой барышни. Это оказалась старшая дочь тети Кати Ксения. У нее были золотые волосы и очень широкое румяное лицо. Мне она сразу понравилась. Через несколько дней я застал ее вечером в доме дяди Павла. Она вносила жизнь в этот печальный дом и всячески забавляла и веселила трех молчаливых и конфузливых девочек. Были устроены святочные гадания: на столе стояла миска с водой, в ней плавал огарок горящей свечи. Ксения надписывала бумажки. Она призадумалась с карандашом в руке, сказала: «Ну, пусть будет любовь», — быстро написала это слово и приклеила к миске с водой. Скоро этот листочек загорелся...

Через несколько дней я стал навещать Ксению в номерах на Остоженке, где она остановилась вместе с матерью. Придя в первый раз, я застал ее одну. Гостиница была грязненькая: на столе стояли тарелки с остатками обеда, которые Ксения тотчас велела убрать. Мы познакомились и все более интересовались друг другом. Положение троюродного брата давало мне право быть с ней на «ты» и усиливало интимность. В первый раз я соприкоснулся с душой взрослой девушки, уже много пережившей и передумавшей. Это совсем не было похоже на отношения с Люсей или Машей.

Ксения выросла в деревне Волынской губернии и уже девушкой попала в Петербург, где закружилась в вихре новых идей и литературных настроений. Она воспринимала все с исключительной свежестью и жаром: социализм, Ибсена, Мережковского. Она говорила мне, что была раньше религиозна, но теперь это прошло под влиянием некоторых прочитанных ею книг. Я спросил: «Каких?»

— Маркса и Энгельса, — отвечала Ксения.

При этом она очень любила поэзию, душилась духами «Vera Violetta» и, подобно Маше, произносила «р» как «г», только с еще большим треском. Я подарил ей ее любимого поэта Шелли в переводе Бальмонта, и мы стали его вместе читать. Мятежная, страстная, полная поэзии и сострадания к людям душа Ксении покорила меня с каждым днем. Я поставил себе целью вернуть Ксению к религии, но сознавал, что, для того чтобы спорить с нею, у меня было мало аргументов. Скоро я стал засиживаться у Ксении далеко за полночь, а дом дяди Павла приобрел для меня совсем новую прелесть. <...> Любовь к Ксении захватила мою душу, и самое трудное жизненное испытание начинало казаться переносимым.

С. Соловьев. Воспоминания

Раз под вечер, в начале мая, мы с Таней отправились к тому святошинскому пруду, где прошлым летом катались на байдарках. Надвигалась гроза. Над прудом низко скользили стрижи. Вдали слышались глухие раскаты. В лесу стало внезапно тихо. «Гроза будет жуткая! Надо бы домой!» — сказал я нерешительно. Мне очень не хотелось возвращаться. «Вот глупость, что она нам сделает?» — весело возразила Таня. Еще удар грома. Молния прорезала свинцовую тучу, и полил ливень. Мы спрятались в барак, где хранились байдарки. Гроза бушевала. Но бушевала она и во мне: я был охвачен безвестным порывом. Хотелось схватить мою лазоревку и осыпать поцелуями. Мне нужна была большая сила воли, чтобы сдержать свой порыв. Гроза пронеслась по весеннему быстро. Быстро очистилось и небо. Оно стало такое ясное, спокойное, словно омытое грозой. Все прояснилось и во мне.

Я не был Паоло, а Таня — Франческой да Римини.

Через несколько дней мама объявила мне, что она получила письмо от Антонины Николаевны Курбатовой, в котором та приглашает нас к себе в Рязанскую губернию.

Я решительно отказался. Мама настаивала. Она рассказала мне о дружбе тети Нины с моим отцом, о желании отца, чтобы я сблизился с Курба-

товыми: «Знай: это его завещание». Когда я сослался на свою дружбу с Навашиными, мама прямо сказала мне: «Я не могу допустить, чтобы для тебя весь свет сошелся на Навашиных. Кроме того, ты бываешь у Fortunatovых, у Белокопытовых. Неужели же ты и все и вся забыл ради Навашиных?»

Я покорился. С тяжестью на душе поехал в Святошино и рассказал Тане о предстоящей разлуке. Мы сидели на скамье в садике, где в начале зимы смотрели на звезды, такие равнодушные к земным страданиям.

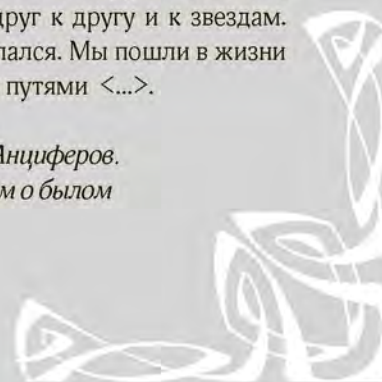
— Нас хотят разлучить, Коля. Но мы должны дать друг другу клятву под этими звездами, на этой земле, что ни у тебя, ни у меня не будет более близкого друга!

И мы поклялись. После этого Таня встала и пошла в дом. Она принесла с собой кипарисный крестик в коробочке. Нагнувшись, достала из-под скамейки, на которой мы сидели, комочек земли, раздавила его и наполнила им коробку. «Вот та земля, на которой ты клялся». После этого мы дали друг другу обещание часто переписываться. Мы, убежденные в том, что нас разлучают, решили, что и за перепиской нашей будут следить. Нам нужен шифр. Как же мы будем писать о нашей дружбе? И решили так: Я². Ведь мы теперь едины, но нас двое. Значит, я в квадрате. Мы простились. Скоро я уехал в Москву.

Так закончилась моя *prima vera*. Я еще не знал тогда, что навсегда покинул тот призрачный замок, из узкого готического окна которого смотрел на мир. <...>

Наша ребячья клятва была отвергнута жизнью. Она не походила на клятву Герцена и Огарева на Воробьевых горах. Она была обращена не к миру, не к людям, а лишь друг к другу и к звездам. И Я² распался. Мы пошли в жизни разными путями <...>.

Н.П. Анциферов.
Из дум о былом

Лето 1914 г. мы жили в Кисловодске, на верхнем этаже очень большого каменного дома на Красной Балке, совсем уж почти за городом. Прокофьев прожил у нас месяца полтора, спал на тахте в гостиной, где стояло пианино и где он по утрам занимался оркестровкой *Симфонетты*. Кто тогда в доме знал о какой-то всепоглощающей любви, которая тут вспыхнула? Думаю, что наша англичанка, *Miss Isaacs*, которая это лето жила у нас и много с нами ходила, особенно в дальние прогулки, в степь, на Синие Камни, и ездила с нами в Пятигорск, — та все знала, но она вела себя по-дружески, маме ничего не сказала; замечала и знала и моя сестра и, кажется, была не очень довольна, она не представляла себе, как это все кончится. Уроки мои с Прокофьевым летом оборвались, но иногда он сажал меня за пианино, заставлял играть какую-нибудь вещь, особенно сонаты Моцарта, и не раз подсаживался к пианино и тут же играл вместе со мной в правой руке импровизации, как бы свой новый аккомпанемент — второй голос к вещи Моцарта... Получалось чудесно, что-то совсем в новом стиле; думаю, что Моцар-

ту понравилось бы. Эти импровизации, конечно, остались незаписанными...

Началась война, и в конце августа мы вернулись в Петербург, а Прокофьев уехал еще раньше. Его пока еще не призывали, как единственного сына, но многие из наших друзей почти сразу пошли на войну <...>.

Эту зиму я начала плохо, по вечерам была небольшая температура, я кашляла и по совету врача стала жить в Царском Селе, у моей старшей двоюродной сестры и ее мужа, но, конечно, часто приезжала в город, а Прокофьев бывал часто в Царском Селе в небольшом деревянном доме, где мои родичи снимали полдома у вдовы художника Каразина. Осенью он ездил в Италию, где его встречали как знаменитого уже композитора «*de la nouvelle vague*» <...>.

Что же было с «романом»? Любовь, взаимная, с провалами и высотами, кружила нас и мучила; мысль о браке уже явилась и до поездки в Италию, но я так боялась, такой для меня был ужас, что надо сказать об этом маме, что этот, с детства все еще не изжитый страх сковывал мой язык, да и сразу было предчувствие, что, если скажу, ничего хорошего не будет <...>.

Мои родители были поражены оба: как это так, они ничего не знали?! Конечно, брак с «артистом» им казался нежелательным. «Но ведь он уже и сейчас известен во всей России!» — говорила я. Этот довод мало на них влиял — сегодня знаменит, а может быть, завтра уже выйдет из моды... Тут, пожалуй, моя мать была сговорчивее; отец же такого жениха вообще не принимал всерьез <...>.

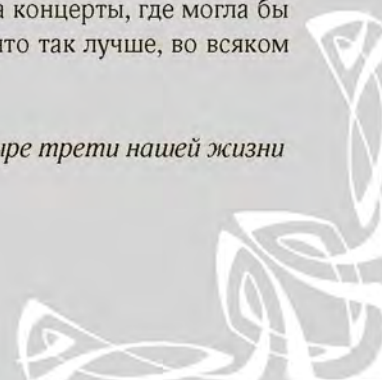
Прокофьев мне сказал, чтобы я убежала из дому, к его матери, что он найдет священника, который нас сразу обвенчает (это мне казалось маловероятным — я без разрешения отца не могла быть повенчана, и вряд ли без всяких бумаг или паспорта — а у меня его не было — кто-либо в Петрограде согласился бы совершать обряд). Но время истекало, и я решила тайком уйти из дома и вечером очень по-глупому вышла в переднюю, чтобы выскользнуть на улицу. Как только я подошла уже к двери, меня сзади схватил наш швейцар Федор, поднял на руки и внес назад в квартиру с какими-то словами, вроде: «Куда это вы, барышня, так поздно, так что барыня не велели выпускать». Дальше уж случилось то, что, наверно, было мне на роду написано:

я сидела неподвижно на стуле, задыхалась, почти без голоса кричала сестре: «Это ты одна знала, как ты могла, как ты могла...» Моя мать была, видно, не на шутку перепугана, старалась мне объяснить, что она узнала с утра, будто Прокофьев призван в армию и, конечно, уехать за границу больше не может; что отец мой оскорблен и будет непреклонен, что она взяла билеты на следующий день в Екатеринослав, куда меня и увезет недели на две, чтобы все успокоилось...

Мы уехали в Екатеринослав, и я там оставалась у кого-то из семьи Малама; за это время Румыния объявила войну России, и проехать в Италию стало вообще невозможно. Меня привезли назад в Петроград, я еще, кажется, раз говорила с Прокофьевым по телефону, но все было кончено.

Больше я никогда в жизни не встречалась с Прокофьевым и позднее, уже живя в Париже (с 1944 по 1948 г.), даже не ходила на концерты, где могла бы его встретить, — считала, что так лучше, во всяком случае для меня...

Н.А. Кривошеина. Четыре трети нашей жизни

Сколько в Москве прелестных женщин — я их вижу всюду: на улицах, в концертах, в театрах, — и ни одна, ни одна из них не любит меня!

Я влюблялся в первую миловидную молодую женщину, которую встречал на улице. Я целый день вспоминал о ней, стараясь подольше удержать в памяти ее образ, и оставался ей верен до вечера, каких бы прелестных женщин ни случилось мне потом встретить. Мое «чувство» всякий день было другим, насколько была другой пленившая меня на этот раз женщина. Если это была нежная девушка, мое чувство было нежным и робким, если это была зрелая красавица, сама бросившая на меня благосклонный взгляд, я чувствовал себя весь день Дон-Жуаном. Ни одну из них я не мог надеяться увидеть еще раз. Наша встреча была единственной, и потому к моим чувствам всегда примешивалась грусть. Только однажды пленившую меня прелестную женщину я видел еще и еще раз. Я встретил ее на Кузнецком мосту. Через день или два я увидел ее на том же месте и в тот же час. Она шла так же, как и тогда, изредка заходя в магазины, а за ней по улице ехала маленькая каретка, запряженная амери-

канским рыжим рысачком, на которые тогда была мода; с ней шел высокий лакей в английской ливрее, который принимал от нее мелкие покупки. Кто была она, я не узнал и не пытался узнать, хотя это было, вероятно, не трудно: по всей видимости, она принадлежала к какой-нибудь известной богатой или аристократической московской фамилии. Она была высока, стройна, исполнена какой-то нежной величавости. Лицо ее было изрыто оспой — густо-густо засыпано рябинами. Я бы сказал, что это ее не портило, нет, без этих рябин она не была бы сама собой; не будь их, с ними, может быть, ушло и ее очарование. И долго потом я не считал ни одну женщину красивой, если она не была рябой.

Когда мама приехала перед Рождеством в Москву спасти меня из «когтей тигрицы», я уже не томился неудовлетворенной страстью. «Тигрица» была кротким, чувственным, немного экзальтированным созданием и происходила из студии Художественного театра.

Я безропотно дал себя увезти домой и так же без протестов остался после Рождества дома.

В.М. Конашевич. О себе и своем доме

Мы должны были уезжать с Лизой в понедельник утром. Лиза уже наняла извозчика до Симферополя.

Я ждал Лену в субботу, но она не приехала. Я несколько раз проходил мимо виноградника, но никого не заметил. И в воскресенье утром ее тоже не было. Я пошел к станции дилижансов. Там было пусто.

Обеспокоенный, я вернулся домой. Лиза подала мне конверт.

— Какой-то парнишка принес, — сказала она. — Должно быть, от Анны Петровны. Чтобы ты пришел попрощаться. Ты пойдешь. Они хорошие люди.

Я ушел в сад, разорвал конверт и вынул полосу бумаги. На ней было написано: «Приходи в шесть часов к трем платанам. Лена».

Я пришел к трем платанам не к шести, а к пяти часам. Это было пустынное место. В каменистом овраге около русла высохшего ручья росли три платана. Все поблекло вокруг. Только кое-где доцветали поздние тюльпаны. Должно быть, на этом месте был когда-то сад. Деревянный мостик был переброшен через ручей. Под одним из платанов стояла ветхая скамья на заржавленных чугунных лапах.

Я пришел раньше назначенного времени, но уже застал Лену. Она сидела на скамье под платаном, зажав руки между коленями. Платок упал у нее с головы на плечи.

Лена обернулась, когда я подошел к самой скамье.

— Ты не поймешь, — сказала она и взяла меня за руку. — Нет, ты не обращай внимания... Я всегда говорю ерунду.

Лена встала и виновато улыбнулась. Она опустила голову и смотрела на меня исподлобья.

— Мама говорит, что я сумасшедшая. Ну что ж! Прощай!

Она притянула меня за плечи и поцеловала в губы, потом отстранила и сказала:

— А теперь иди! И не оглядывайся! Я прошу, иди!

Слезы появились у нее на глазах, но только одна сползла по щеке, оставив узенький мокрый след.

И я ушел. Но я не выдержал и оглянулся. Лена стояла, прислонившись к стволу платана, закинув голову, будто косы оттягивали ее назад, и смотрела мне вслед.

— Иди! — крикнула она, и голос ее странно изменился. — Все это глупости!

Я ушел. Небо уже померкло. Солнце закатилось за гору Кагель. С Яйлы дул ветер, шумел жесткими листьями.

Я не соображал, что все кончено, совсем все. Гораздо позже я понял, что жизнь по непонятной причине отняла тогда у меня то, что могло бы быть счастьем. На следующее утро мы с Лизой уехали в Симферополь.

К. Паустовский. Далекие годы

Она&ОН

Центром шушарской жизни были Саша и Катя, а вокруг них группировалась молодежь разного калибра. Дачная провинциальная молодежь вносила оттенок богемы. Великосветская «приезжая» молодежь носила характер топорности, но и те и другие, попадая в атмосферу простой и безыскусственной шушарской жизни, делались просто людьми с искренними чувствами и серьезными запросами. Это отчасти было влияние мамы, отчасти исключительное умение Саши в каждом выявить все его лучшие человеческие стороны и, сняв с него шкуру его «социальности» (такого слова тогда не знали), сделать из него просто человека. Спектакли, пикники, увлечения, флирты — все это было так типично для помещичьей среды 90-х годов, но в этой, казалось бы, пустой и праздной атмосфере складывались твердые принципы, серьезные взгляды и постоянные чувства. Вот, например, как образчик может служить история одной любви, прошедшей через всю жизнь. У Саши самыми близкими его товарищами по училищу Правоведения были Левушка Иславин и болгарин Руцю Моллов. Оба они были завсегдатями в доме моего дяди А.А. Казембека. Моллов полюбил мою двоюродную сестру Патю, которой тогда было только шестнадцать лет, а она полюбила его. И тот и другой лето провели в Шушарах. Под видом юношеской дружбы эта любовь продолжалась в течение года, но мать ее, М.Л. Казембек, женщина с самыми великосветскими тенденциями, желая для своей дочери кого-нибудь более аристократичного, чем потомка пастушеского племени, показа-

РИТЦБЕРГЪ.

КОГДАБЪ Я ЗНАЛЪ!

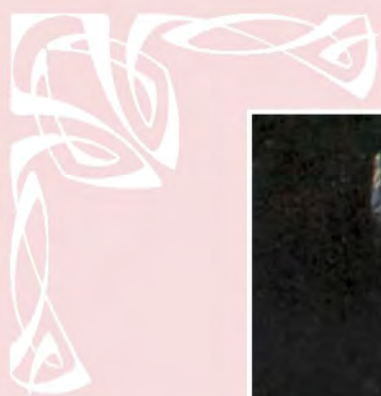

ла ему «от ворот поворот», а Пате запретила с ним видаться и переписываться. Оба они очень тяжело пережили этот разрыв, но в те времена дети подчинялись родителям... Этим, казалось, закончился их роман. Он впоследствии женился на очень хорошей девушке и был, кажется, с ней счастлив. По служебной дороге он продвигался быстро и очень молодым дошел до какого-то высокого поста. М^ария Л^ьвовна, кажется, раскаивалась, что разрушила счастье дочери, но Патя выйти замуж не захотела и полюбить больше никого не могла. Прошло много лет. Она в качестве «сестры» прошла японскую войну, а затем была заведующей общины сестер милосердия в Петербурге. В это время Молову пришлось некоторое время жить в Петербурге, и он стал часто заходить к ней, и они проводили долгие вечера в дружеской беседе. Очевидно, что как у него, так и у нее нахлынуло молодое непрожитое чувство. Но она была «сестрой», он был женат. Вскоре он уехал в Болгарию, и опять пространство и время разделили их. Прогромыхала Первая германская война, Патя была командирована в Германию для обследования положения русских пленных (она оставила записки). Прокатилась революция <и вернула> старенькую, седенькую, но бодрую старушку в Казань. Трудно ей пришлось: не на что было кормиться, но и сюда проник луч юношеской любви. Она стала ежемесячно получать от него боны через Торгсин. Так продолжалось года полтора. Однажды Патя получила от его жены известие о его смерти и вскоре после письма завещанную им для нее небольшую сумму денег... А счастье было так близко, так возможно!

Ксения Николаевна Боратынская. Мои воспоминания

Из мемуаров

К. Ф. Ундервудъ.
Лишь другъ для друга.

C. F. Underwood.
The only two at dinner.

К. Ф. Ундервудъ.

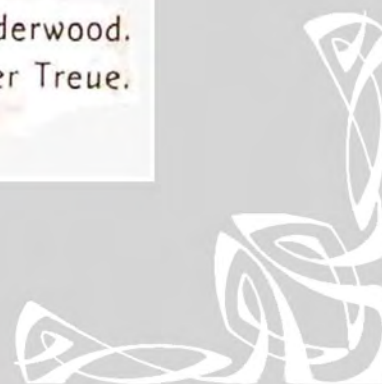
Фіалка — знакъ вѣрности.

C. F. Underwood.

Veilchen — Zeichen der Treue.

Violets for Faithfulness.

Из мемуаров

Моя жажда сближения с женщиной наконец победила всякую робость. Еще весной я сделал попытку. Я ходил вечерами в гимнастическое общество и вдоволь насмотрелся на бульварных фей. Присмотрелся и к способу вступать с ними в знакомство. Раз вечером, под предлогом, что я иду к Станюковичу, я пошел на бульвар и заговорил с одной, сплел ей глупую историю на манер Рокамболя о том, что мне нужно провести с кем-нибудь два часа. Она повела меня в № гостиницы. Я — очень грубо и угловато, конечно, — разыгрывал из себя опытного человека. Например, заглянул за перегородку, где стояла кровать, и сказал:

— А! Обыкновенное устройство.

А я в первый раз в жизни был в № гостиницы. Мне было 13 лет.

Мы выпили с девушкой бутылку портвейна. Потом, заплатив ей 2 рубля, я ушел, к ее удивлению. На большее я еще не решался.

Но желание все жгло.

Осенью того же года отец был в Нижнем на ярмарке. При нем я не решался. Я еще не знал, что все это можно скрыть от родных. Мне казалось, что нужно потратить целую ночь.

Я ездил на скачки и играл на деньги, оставленные отцом, который хотел и в свое отсутствие бороться с тотализатором.

В один из вечеров я преодолел свою робость и решил не вернуться домой на дачу. Я пошел к городу. Одну минуту мною овладело смущение. Я крикнул извозчика.

— В Петровское-Разумовское.

— Два рубля, пожалуйста.

— Рубль.

Если бы он согласился, я бы уехал в Петровское-Разумовское, но извозчик не согласился, и я пошел дальше в город. Я не знал, куда идти, и пошел на Тверской бульвар. Там ходили феи и молодые

люди. Я растерянно ходил взад и вперед. Мужество меня оставило, я ни на что не решался. Может быть, я прошел сорок раз бульвар взад и вперед. Одни женщины казались мне слишком развязными, другие слишком нарядными; я не знал существующих цен.

Становилось поздно. Бульвар пустел. Я уже готов был уйти домой, но одна мучительная мысль остановила меня: все равно дома не поверят, что ты только ходил по бульвару, неужели же терпеть неприятности задаром, лучше уж за что-нибудь.

Я подошел к какой-то девушке, отвечавшей моим — странным, впрочем, — понятиям о милостивидности. Мне жаль, что я забыл ее имя.

— Пойдемте со мной.

Она остановилась и оглядела мое юное лицо.

— Куда?

Мы пошли рядом.

— Вы знаете куда.

— Нет, не знаю...

— Ну, вот, в гостиницу.

— А что мы будем там делать?

— Ну, вы знаете.

— Нет, не знаю...

И так мы бродили по бульвару. И я бесился, бесился от сознания, что она смеется надо мной.

Наконец мы сговорились и пошли. Мы опять пили портвейн, потом я подсел к ней и стал расстегивать ее лиф. Она держала себя со мной как важная дама. Отстранила меня и ушла за перегородку раздеваться.

Я старался внушить себе, что это та минута, какой я ждал так давно, но было все мучительно пусто и глупо.

Прощаясь, я был преисполнен тоской. Я был разочарован до глубины души моей. Я дал девушке семь рублей. Она всячески благодарила меня.

В. Брюсов. Моя юность

О причине смерти Тарасова <Тарасов Н.Л. – меценат, пайщик Товарищества Художественного театра>, ни для кого не объяснимой, непонятной, пронеслась легенда. Она связывала гибель Николая Лазаревича с неразделенной трагической любовью к нему молодой девушки из богатой купеческой семьи Грибовых. Эту фамилию я слышала от Николая Лазаревича, который как-то вскользь рассказал мне о сложившейся чрезвычайно тягостной для него ситуации. Легенда гласила, что Грибова за день до смерти Николая Лазаревича позвонила ему по телефону и сказала, что ей нужен его совет: выходить ли ей замуж за молодого человека (фамилию его я не помню), который давно добивается ее руки. Тарасов ответил, что хорошо знает этого молодого человека, считает, что он обладает большими достоинствами, посоветовал не пренебрегать его чувством и выйти за него замуж. Грибова поблагодарила и повесила трубку. На следующий день в газетах появилось траурное извещение о том, что ночью Грибова, а вслед за ней и ее жених покончили жизнь самоубийством. Николай Лазаревич, как потом рассказывал слуга, пришел домой очень поздно, принял ванну, потом заперся у себя в спальне, сказав,

что будить его не надо. Через некоторое время раздался звонок, когда слуга открыл дверь, он увидел на площадке гроб и венок. Человек из похоронного бюро, спросив, здесь ли квартира Тарасова, сказал, что привез все заказанное, и протянул квитанцию. Сколько ни протестовал слуга, объясняя, что в доме никто не умирал, как ни уговаривал забрать гроб, посыльный и слышать ни о чем не хотел. Заявив, что заказ оплачен, адрес правильный, а до остального ему нет дела, он ушел.

Встревоженный слуга постучал к Николаю Лазаревичу. Ответа не было. Если верить легенде, гроб и венок прислала Тарасову близкая подруга Грибовой, считавшая Николая Лазаревича виновником ее гибели. Страшный подарок опоздал, Тарасов так и не узнал о нем <имеется в виду так называемое тройное убийство, случившееся в Москве в конце октября 1910 года. Причиной были запутанные личные отношения между студентом Н.М. Журавлевым, замужней дамой О.В. Грибовой и Н.Л. Тарасовым. Первым застрелился Журавлев, за ним – Грибова, за ней – Тарасов. Ходили слухи, что такая последовательность была между ними условлена. – Ред. >.

Алиса Коонен. Страницы жизни

В это время у Петровых гостила сводная сестра Любоми Ивановны, которую все звали «тетя Ляля». Она была еще молодая, довольно интересная, очень умная и отличалась наименьшим количеством филистерских предрассудков. Несмотря на свою молодость, она пережила тяжелую душевную драму. Еще когда она прозябала в институте, у нее был платонический роман: молодые люди очень любили друг друга, но он держался всегда на каком-то весьма почтительном расстоянии. История и смысл этой почтительности раскрылись через несколько лет, наполненных глубокой любовью с обеих сторон, раскрылись как настоящая мрачная трагедия. В один прекрасный день молодой еще человек, предмет страстного обожания, внезапно — и как будто без всякой причины — сошел с ума. И тогда обнаружилось, что сошел он с ума на почве *lues*'а, от которого все время тайно лечился. Было ли это наследственным подарком родителей или каким-либо старым грехом — осталось неизвестным. Во всяком случае, он об этой болезни знал, внутренне страшно мучился, и этим-то и объяснялся с его стороны сугубый платонизм по отношению к его возлюбленной. Надеялся ли он вылечиться, не хватало ли у него мужества отказаться навсегда от девушки или он порывался ей открыть свою страшную тайну — неизвестно: он так и умер, не сказавши последнего, прощального слова. Тетя Ляля, узнав все от его сестры, подруги по институту, заметалась, как подстреленная птица. Сердце ее кровоточило. Она была сама теперь близка к душевному краху. Охотники знают: бывает так, что раненная на лугу утка вдруг

сгорбится, задрожит, пойдет штопором вверх, вот-вот упадет, но как-то выпрямляется и вдруг несется уже по горизонтали в неведомую даль: может, где-нибудь далеко и упадет, ставши добычей ястреба, а может, и выправится, рана затянется и только будет ныть иногда, как физическое воспоминание о прошлом.

Так вот и бедная «Лялька», с копной своих кудрей, метнулась в бессарабскую даль, чтобы заглушить боль сердца. Здесь родные относились к ней со всей деликатностью и заботой <...>. Итак, она стала оправляться, была иногда даже весела и, как это часто бывает с людьми после большого пережитого потрясения, напускала на себя внешнее легкомыслие и даже флиртовала. Павел Иванович уже ласково поглядывал на нее своими бархатными горячими глазами и похаживал вокруг, как воркующий голубь около голубки. Уже старики Станевичи не то радостно, не то испуганно исподтишка наблюдали, что-то будет (хотя, вероятно, ничего и не было бы)...

Но тут появилась на сцене Елена Владимировна. Все оси переместились. Лялька собрала чемоданы и, как ее ни упрашивали, уехала в Москву: то ли ей не хотелось быть на вторых женских ролях, то ли ей было больно противопоставление настоящего легкомыслия и веселья напускному, в котором всегда, где-то в глубине души, дрожала маленькая горькая слезинка, но она не сдалась на все уговоры, уверения и заклинания и так же внезапно исчезла, как внезапно появилась.

Николай Бухарин. Времена

К. Ундервудъ.
Первый даръ.

C. Underwood.
Their first weddinggift.
Ihr erster Brautschmuck.

К. Ундервудъ.
Смѣта доходовъ.

C. Underwood.
Das Einkommen.
A problem of income.

К. Ундервудъ.
Послѣдній вальсъ вмѣстѣ.

C. F. Underwood.
Den letzten Walzer beisammen.
The last waltz together.

Медовый мѣсяць.

La Lune de miel.

В конце сентября 1894 года сестра Наташа обвенчалась с С.А. Макаровым. Родители сильно противились этому замужеству, настаивали на том, чтобы Наташа отложила выход замуж, по крайней мере, до окончания Сергеем Антоновичем университетского курса. Где-то в глубине души родители также надеялись, что если дело затянется, то, может быть, оно и совсем не состоится. И чтобы отвлечь Наташины мысли от этой затеи, зимой предыдущего года папа отвез ее в город Слободской к сестре бабушки Александры Васильевны, которая была игуменьей монастыря.

Папа, мама и я в начале лета ездили по Волге, Каме и Вятке в город Вятку, а оттуда на лошадях в Слободской; погостили у маминых родственников и с Наташей вернулись тем же путем домой — железной дороги из Москвы на Вятку тогда не было. Зимой же папе с Наташей пришлось ехать от Нижнего Новгорода на лошадях 600 верст.

Как ни уговаривали Наташу отложить замужество, она от него не отказалась и потихоньку от

родителей обвенчалась. В Дмитровском уезде жил священник, рисковавший венчать «краденые свадьбы» — между родственниками или без разрешения родителей невесты. Делал он это, разумеется, за повышенное вознаграждение. Его-то услугами и воспользовались Наташа и С.А. Макаров. Адрес этого сельского священника указывали чиновники духовной Консистории. Очевидно, и они получали от этого некоторый доход.

Наташа продолжала жить с нами, и ее замужество выяснилось в конце ноября или в декабре, когда папа вернулся из Петербурга после похорон Александра III.

Так как родители не собирались прощать Наташу, она стала жить в семье Сергея Антоновича. Дома от такого положения у всех было неприятное настроение. Выйти из него помогла Софья Петровна Рубцова, мамина приятельница, в ее жизни произошло приблизительно то же самое, что и у Наташи. Перед

Страстной неделей, когда папа собирался говеть, исповедоваться и причащаться, Софья Петровна как бы случайно заметила, что он-де как искренний христианин не может причащаться до тех пор, пока не простит Наташу и не благословит молодых. Родителям и самим было тяжело сносить возникшее разногласие. Они поплакали и решили кончить все по-хорошему; забыв про старые обиды и огорчения, по старинному обычаю — иконой и хлебом — благословили молодых. Так был положен конец семейному раздору, длившемуся несколько лет. Наташа с Сергеем Антоновичем стали жить самостоятельной жизнью. Сергей Антонович вскоре начал работать помощником у очень крупного адвоката Дерюжинского, затем и сам сделался присяжным поверенным и вел крупные гражданские дела, что давало ему хорошее обеспечение. В Дубне папа выстроил им отдельный дом.

В.Д. Зѣрнов. Записки русского интеллигента

Внешность Николая Борисовича <Шереметева. – Е.Л.> была очень сценична: прекрасные голубые глаза, высокий лоб, волнистые, откинутые назад волосы. Несколько неправильный нос, унаследованный от матери, не портил в ту пору его красивого лица. Присущая всем Шереметевым музыкальность сказалась и в нем. Он прекрасно пел цыганские романсы, аккомпанируя себе на гитаре.

Таким был Николай Борисович, когда в 1895 году он приехал в Петербург и поступил на службу в Главное Управление Уделов.

Когда через три года он явился к Сухаревой и объявил о своем намерении жениться на разводящейся замужней женщине, имеющей двоих детей, это известие разразилось ударом грома. Полагаю, что между родителями и сыном был не один тяжелый разговор с цитатами из Священного Писания, увещеваниями и угрозами. Однако Николай Бори-

сович был непреклонен и впоследствии никогда не вспоминал о том, чего ему стоили эти дни. В конце концов победа его была полной: осенью 1898 г. мама получила приглашение от родителей Шереметевых поселиться у них, пока не закончится развод. Ее появление у Сухаревой растопило лед. Она сумела очаровать всех, вплоть до прислуги <...>.

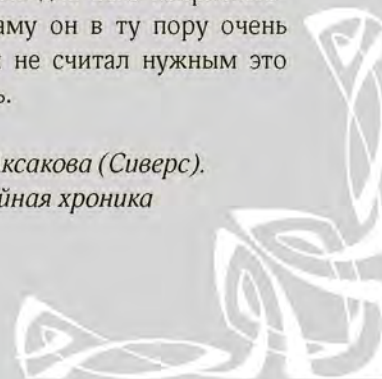
Новая *belle-fille* <невестка (фр.). – Ред. > имела дар оживлять общество, в котором она находилась. Она говорила с собеседником о том, что интересовало его, а не ее самое, и это элементарное правило светскости пленило Москву, которая всегда была большой, милой, но неповоротливой провинцией.

К началу 1899 года развод был закончен, и 21 февраля мама венчалась с Николаем Борисовичем в домовая церковь шереметевского Странноприимного дома. На свадьбе была только своя семья. Из Петербурга приехали, сменившие гнев на милость, бабушка и дедушка. Мама венчалась в светло-сером суконном платье с белыми розами.

Молодые Шереметевы после свадьбы поселились на Пречистенском бульваре в казенной квартире Удельного ведомства, куда к этому времени были доставлены из Петербурга мамини вещи <...>.

Я еще застала тот золотой век, когда, расставаясь на 2–3 часа, дядя Коля так крестил и целовал маму, как будто она уезжала на Северный полюс. Это делалось при всем честном народе, в любой фешенебельной гостиной и подчас вызывало добродушную усмешку присутствовавших; но дядя Коля не выносил никаких чужих норм для своих чувств, и всякое подлаживание к мнению света было для него неприемлемым. Маму он в ту пору очень любил и не считал нужным это скрывать.

Т.А. Аксакова (Сиверс).
Семейная хроника

История графини Брасовой была такова. В нашем полку в течение нескольких лет проходил службу бывший наследник российского престола и младший брат императора, великий князь Михаил Александрович, командовавший нашим лейб-эскадроном. Для полка это было, разумеется, очень лестно, ибо благодаря этому обстоятельству полк приобретал в гвардии видное положение. Великий князь Михаил приковал к полку внимание своей матери — старой императрицы Марии Федоровны, которая с момента поступления своего сына в кирасиры начала выказывать к нашему полку особое благоволение. Синие кирасиры вошли в фавор, приобрели репутацию модного гвардейского полка, и при дворе их в шутку стали называть «маленькие синие Ее Величества».

Все шло хорошо, покуда в один прекрасный день великий князь не почувствовал, что крепко любит жену одного из наших офицеров, а именно жену некоего поручика В. Случилось так, что и мадам В., в свою очередь, крепко полюбила великого князя. Между ними завязался роман.

Несмотря на то что великий князь был человеком весьма застенчивым и вел себя очень скромно, слух о его романе получил распространение, и об этом пошли разговоры как в придворных кругах, так и вообще в большом свете.

От своих старших товарищей я слышал, что командовавший в то время полком генерал Бернов по своему недомыслию и сам покровительствовал этому роману и будто бы даже сводил влюбленных, дабы угодить великому князю. В этом отношении

Бернов поступал прямо против добрых гвардейских традиций, отнюдь не допускавших никаких романов между полковыми дамами и товарищами их мужей. Принцип товарищества настолько культивировался в полку, что считалось крайне предосудительным для всякого гвардейца отбить у полкового товарища жену. Такие дела если не кончались дуэлью, то, во всяком случае, влекли за собой неминуемый выход из полка офицера, посягнувшего на жену товарища.

Тем временем слух об отношениях Михаила Александровича к мадам В. дошел до самой императрицы. Верная семейным заветам покойного Александра III, державшегося в личной жизни самых строгих и незыблемых семейных устоев, императрица потребовала от сына немедленного разрыва с мадам В. Однако великий князь настолько был увлечен своей дамой сердца, что пошел против воли матери. Ввиду того что муж мадам В. относился ко всей этой истории довольно-таки пассивно и к жене своей, как видно, особых чувств не питал, великому князю быстро удалось добиться развода мадам В. и вступить с ней в морганатический брак, узаконив последний церковным обрядом. Поручику В. в виде компенсации великий князь предложил видное место во дворцовом ведомстве, каковое место поручик и не замедлил принять, тотчас же убравшись из кирасирского полка.

Ввиду того что великим князьям полагалось жениться исключительно на принцессах крови и особах, принадлежащих к тому или иному царствующему дому, брак его с мадам В., разумеется, вызвал громкий придворный скандал, весьма расстроивший старую императрицу.

Великому князю, конечно, тотчас же пришлось покинуть наш полк, и на злополучную жену его полились при дворе потоки грязи. Ее обвиняли в умышленном завлечении и соведении скромного, неопытного и нравственного великого князя. В угоду старой императрице бедную даму наградили кличками интриганки и развратницы, хотя вся ее вина заключалась в том, что она полюбила великого князя. Все общество отвернулось от нее. Сам государь был весьма недоволен проступком своего младшего брата, который как бы в наказание был отправлен в провинциальный город Орел, где ему было предложено принять скромный 17-й армейский Черниговский гусарский полк.

Дело, однако, было сделано: как-никак мадам В. оказалась законной супругой великого князя. Однако как на супругу мorganатическую ни на нее, ни на ее детей распространяться все права ее высокопоставленного мужа не могли. Она была рождена простой смертной и поэтому не имела права принять ни титула, ни имени своего мужа. В подобных

случаях обычно предусматривалось жаловать мorganатических супругов высокопоставленных лиц титулом графини или княгини. Для них придумывали какую-нибудь новую фамилию, и таким образом некогда скромная мадам В. превратилась в один прекрасный день в графиню Брасову, каковая фамилия была ей дана по названию крупного имения, принадлежащего великому князю Михаилу Александровичу.

Вся эта история произошла года за три до моего поступления в полк, но и в мое время переживалась она старшими моими товарищами все еще очень остро, в особенности теперь, в 1912 году, когда великий князь вернулся из Орла в Петербург, привезя с собой жену.

Царь в конце концов смиловился над своим младшим братом, и после двух лет изгнания великому князю было предложено принять в начале 1912 года кавалергардский полк.

В.С. Трубецкой. Записки кирасира

Через несколько дней после нашего первого объяснения с Михаилом Викторовичем <Арцимович М.В. – тульский губернатор (1905–1907), муж мемуаристки. – Е.Л.> он поставил мне ультиматум прекратить всякие отношения с Андреем Львовичем <Толстой А.Л., чиновник особых поручений при тульском губернаторе, сын Л.Н. Толстого. – Е.Л.> и в течение шести месяцев не видаться и не переписываться с ним.

Конечно, ультиматум Михаила Викторовича не выполнялся. Мы встречались с Андреем Львовичем у знакомых и на улице и переписывались с помощью преданной мне няни младших детей. Мы оба считали необходимым встретиться и окончательно согласовать наши действия, что возможно было сделать в Москве, куда я собиралась ехать к сыну Виктору, чтобы присутствовать при операции удаления гланд, и мы договорились о дне и часе встречи.

Для приличия Андрей Львович попросил своего друга Николая Леонидовича Оболенского, относившегося к нам очень сочувственно и доброжелательно, присоединиться к нему.

Остановилась я в гостинице «Метрополь», а они в «Славянском базаре». Во избежание всяких толков и сплетен мы были очень осторожны, во всех общественных местах бывали втроем и совершенно открыто обедали в «Славянском базаре». Эти свидания были для нас действительно решающими. Андрей Львович и слышать не хотел, чтобы я проводила в семье какие-то испытательные сроки. Мы должны открыто бороться за счастье. Этого страстно желал он, к этому и я стремилась всем своим существом. Поэтому мы решили немедленно добиваться развода: он со своею женой, я со своим мужем <...>.

Через несколько времени приехал мой отец и увез меня домой <...>.

С детьми <шестеро детей в браке с М.В. Арцимовичем. – Е.Л.> повидаться мне больше не дали, да я и сама считала, что не имею права подвергать

их тяжелым сценам прощания. Чем они скорее меня забудут, тем лучше для них. Но в душе я была уверена, что они никогда меня не забудут, в особенности Михалик <...>.

Вскоре Андрюша приехал сообщить мне, что его развод закончен и что все нужные бумаги уже у него в руках. Мой адвокат Головин тоже обещал скорый конец моего развода, и мы условились венчаться в Москве в первых числах ноября 1907 года. Нам казалось все это так просто <...>.

Оказалось, что ни в одной церкви в Москве ни один священник не решается на наше венчание, так как Святейший Синод издал постановление «не смей венчать графа Андрея Толстого» под угрозой ссылки в Соловки.

Теперь всем кажется очень странным значение, которое тогда придавалось церковному браку, но в то время было по-другому. Только один церковный брак считался законным. Мы оба очень приуныли. Николай Леонидович Оболенский, наш верный друг, приехавший на нашу свадьбу, нас утешал и ободрял, говоря, что еще не все потеряно. До 14 ноября, когда наступает рождественский пост, во время которого запрещается венчаться, еще более недели. Надо будет попытаться обвенчаться где-нибудь в деревне за крупную сумму денег. Деревенского бедного священника это может настолько соблазнить, что он рискнет не подчиниться распоряжению Победоносцева <Победоносцев К.П., в 1880–1905 гг. обер-прокурор Синода. – Е.Л. >.

Было решено послать агентов в дальние окрестности, а самим искать священника в ближних деревнях <...>.

Настало 13 ноября. Мы трое сидели в нашем номере в «Славянском базаре», молчали, как приговоренные к смертной казни. Вдруг в нашу дверь врываются два наших агента, ездившие по уездам, и говорят: «Все готово, священник согласен, надо немедленно ехать на станцию Ока Курской железной дороги и потом сорок верст на лошадях. Поезд уходит через полчаса» <...>.

Через три дня, 17 ноября 1907 года, Андрей Львович послал в Ясную Поляну на имя Льва Николаевича телеграмму: «Моя свадьба состоялась 14. Счастлив, спокоен. Андрюша» <...>.

17 февраля 1908 года у нас родилась дочка Машенька, и прежние дети и мое прошлое подернулись с ними дымкой. Однако Машенька никогда не заменила Михалика в моем сердце, никогда. Михалику принадлежала вся сила моей любви, на какую я только была способна.

Есть женщины-жены и есть женщины-матери. Нормальной женщине, мне кажется, нужен не только ребенок, но и муж, а мужа-то у меня раньше и не было. Поэтому Михалик и не мог удержать меня в прежней семье.

В новой же семье у меня, кроме Машеньки, был страстно мною любимый и страстно меня любящий муж, и потому Машенька не могла занять первого места в моем сердце. Она в нашей жизни с Андреем Львовичем всегда была на втором плане. Она не поглощала всю меня: у нее была хорошая няня, воспитавшая первых детей Андрюши, и я, покормив ее каждые три часа, спешила к мужу.

Мы снова вернулись к нашей жизни с ее занятиями, чтением и даже развлечениями. Любовь наша, казалось, все росла и росла, и мы все более и более сближались. Никаких между нами не было острых углов, все казалось так прочно и так хорошо.

Екатерина Васильевна Толстая.

Записки (1876–1919)

Из мемуаров

О тношение Блока к Волоховой <Н.Н. Волохова, актриса Художественного театра. — Е.Л.> было различным. Одинаковой была только полнота влюбленности.

Мария Андреевна в своих воспоминаниях о Блоке говорит про Волохову: «Кто видел ее тогда, в пору его увлечения, тот знает, какое это было дивное обаяние. Высокая, тонкий стан, бледное лицо, тонкие черты, черные волосы и глаза именно крылатые, черные, широко открытые “маки злых очей”. И еще поразительна была улыбка, сверкающая белизной зубов, какая-то торжествующая, победоносная улыбка... Но странно, все это сияние длилось до тех пор, пока продолжалось увлечение поэта. Он отошел, и она сразу потухла».

Однако последнее неверно. Да, Снежная дева потухла, ушла, но сама Волохова осталась той же яркой индивидуальностью, какой была и до увлечения Блока. Ее сверкающую улыбку и широко открытые черные глаза видели фойе и кулисы Художественного театра, где она училась. Прекрасное лицо, чарующий голос, великолепный русский говор, интересный ум — все это делало ее бесконечно обаятельной. Она сама была влюблена в Петербург, его мглу и огни.

Чувство Волоховой к Блоку было в высшей степени интеллектуальным. Собственно, романтика встречи тут заменяла чувство. Наталья Николаевна бесконечно ценила Блока как поэта и личность, любила в нем мудрого друга и исключительно обаятельного человека, но при всем этом не могла любить его обычной женской любовью. В ней еще не умерло чувство к другому человеку, с которым она только что рассталась. Кроме того, она, вероятно, чувствовала, что Блок любит не столько ее живую, сколько в ней свою мечту <...>.

Однажды Любовь Дмитриевна <Блок, жена поэта. — Е.Л.> приехала к Волоховой и прямо спросила: может ли, хочет ли Наталья Николаевна принять Блока на всю жизнь, принять поэта с его высокой миссией, как это сде-

лала она, его Прекрасная дама. Наталья Николаевна говорила мне, что Любовь Дмитриевна была в эту минуту проста и трагична, строга и покорна судьбе. В ее мудрых глазах читалось знание того, кем был ее муж, и ей было непонятно отношение другой женщины, недостаточно его оценившей. Волохова ответила: «Нет». Так же просто и откровенно она сказала, что ей мешает любить его любовью настоящей еще живое чувство к другому, но совсем отказаться от Блока она сейчас не может. Слишком упоительно и радостно было духовное общение с поэтом.

В.П. Веригина. Воспоминания

Я по сей день благодарна судьбе за то, что она свела меня с Еленой Павловной <Муратовой. — Е.Л.>, умудрила понять ее сердце, ум, благородство — и полюбить.

Очень интеллигентная, образованная, хорошо знающая иностранные языки, Елена Павловна все свои скромные сбережения тратила на путешествия. У нее был иронический, насмешливый ум, заметный всем, и нежная, ранимая душа, скрытая от посторонних. Она была несчастна, одинока и светски-религиозна. Елена Павловна действительно нечеловечески, жертвенно любила своего «идола», но сложнее, чем это представляла себе трезвая Анна Павловна. Не знаю, был ли талантлив профессор в пенсне, Сергей Федорович Дмитриев, как мерещилось Елене Павловне, но она твердо верила, что он гений, и из любви своей сделала культ. Вся жизнь была построена на подборании немногих крох радости, выражавшихся в том, что изредка он приезжал к ней — пить чай и устало рассказывать о своих делах. И какова же была сила ее чувства, если, несмотря на все страдания, на нелепость, оскорбительность этих отношений — Дмитриев любил жену и детей, — она полностью подчинила своей любви всю жизнь.

Думаю, что ее карьере в театре помешал не только обезобразивший лицо карбункул (из-за чего она могла играть лишь сугубо характерные роли, которых не хватало для полного актерского самовыражения), — Елена Павловна внутренне оторвалась от театра, потому что любимый ею человек был ученый. И, несмотря на дружбу с Качаловым и его женой Ниной Николаевной Литовцевой, Ольгой Леонардовной Книппер, душой она была повернута к людям науки, а не к артистам.

В театре ее не очень понимали, но любили за порядочность, доброту, восприимчивость, спокойно-тактичную манеру поведения, ответственное отношение к своим обязанностям. Однако театр уже не мог поглотить ее, поглощенную странной, труднообъяснимой любовью. Когда Дмитриев овдовел, в жизни Елены Павловны ничего не изменилось, но, видимо, вокруг было много разговоров, причинявших ей дополнительную боль <...>.

Туберкулезом легких ей был отпущен короткий срок. Она хворала долго, иногда, казалось, совсем поправлялась, потом снова заболела. В последнее свое лето лечилась в санатории, мы с папой навещали ее — гуляли, катались на лодке, она смешно

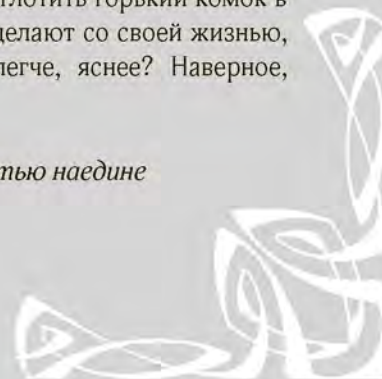
рассказывала об отдыхающих. Знала, что больна непоправимо, не хотела говорить об этом, осенью начала работать, но вскоре ее пришлось поместить в Бакунинскую больницу, из которой она уже не вышла. Ей было немного за сорок.

Я часто навещала ее. Она, грустная, нежная и какая-то светлая (а ее считали веселой, язвительной), подолгу смотрела на свои любимые красные гвоздики — «его цветы». Судьба напоследок порадовала ее: боготворимый ею человек часами сидел рядом, держа за руку, читал, развлекал, шептал ласковые слова — и страдал вместе с ней.

— Я никогда в жизни не была так счастлива, как сейчас, — призналась она мне в очередное мое посещение, сияя улыбкой, не сходявшей теперь с ее лица.

А я смотрела на нее, умирающую, на него, убитого горем, и не могла проглотить горький комок в горле — что же это люди делают со своей жизнью, неужели нельзя проще, легче, яснее? Наверное, нельзя.

С. Гуацинтова. С памятью наедине

Единственный человек, с которым мы были действительно близки в этот период нашей жизни, была Александра Аркадьевна Давыдова. Мы оба горячо ее любили. Александра Аркадьевна была очень несчастлива в личной жизни. Ее старший сын в ранней молодости тяжело заболел, и хотя он пережил мать, но не столько жил, сколько умирал годами на ее глазах.

Старшая ее дочь, Лидия Карловна, с которой мать была ближе всего, была замужем за М.И. Туган-Барановским. И это супружество доставляло вначале матери большую радость. Это была на редкость любящая и совершенно неразлучная пара. Работали они тоже вместе. Лидия Карловна деятельно помогала мужу в его писаниях и самостоятельно сотрудничала в «Мире Божьем». Встретить где-нибудь одного из них было почти невозможно. Если вы видели Лидию Карловну, стоило вам оглянуться, чтобы в двух шагах заметить высокую, худощавую, немного сутуловатую фигуру Михаила Ивановича. Он был сильно близорук и постоянно пугался, теряя вдруг Лидию Карловну, стоящую в двух шагах от него.

Вечером, возвращаясь домой, они имели обыкновение заезжать в булочную Филиппова на Невском. Лидия Карловна оставалась в санках, а Михаил Иванович заходил в булочную. Но и тут не обходилось без недоразумений. Однажды народу около булочной было особенно много, и извозчиков тоже ждало немало. И вдруг Лидия Карловна услышала испуганный женский крик:

— Ай! Что вам надо? Куда вы лезете?

Лидия Карловна приподнялась и увидела то, чего опасалась. Михаил Иванович по своей близорукости принял какую-то даму за Лидию Карловну и настойчиво пытался сесть в ее сани, повторяя успокоительно:

— Лидуся, Лидуся, что ты?

Лидии Карловне пришлось громко позвать его:

— Мишенька, куда ты? Я здесь.

Только тогда он, очень смущенный, высвободил свою длинную ногу из-под полости чужих

саней и под хохот публики пробрался к своему извозчику.

Но у этой нежной пары было одно большое горе. Оба они горячо мечтали о детях, и каждый год судьба посылала им надежду. Но ни разу Лидии Карловне не удалось произвести на свет живого ребенка. Никакие меры, никакие советы врачей не помогали.

Наконец, последний раз, на девятом году брака, последствием преждевременных родов явилось тяжелое заболевание. Сначала никто из врачей не мог поставить диагноз. Но потом оказалось, что это белокровие, болезнь, против которой медицина не знала в то время средства.

Отчаяние Михаила Ивановича не знало границ. Об Александре Аркадьевне и говорить нечего. Со смертью Лидии Карловны в ней что-то оборвалось, и мы все, окружавшие и любившие ее, сразу почувствовали, что она не сможет больше жить.

Казалось, ничто не может потрясти Александру Аркадьевну, но судьба готовила ей новый удар. Через 10 месяцев после смерти Лидии Карловны Михаил Иванович вторично женился, и корректуры его очерков, печатавшихся в «Мире Божьем», возвращались в редакцию, правленные незнакомой женской рукой.

Это окончательно сразило Александру Аркадьевну. Она не могла представить, что ее дочь будет так скоро забыта.

*Т. Богданович. Повесть моей жизни.
Воспоминания*

Ивановы <поэт В.И. Иванов и его жена, писательница Л.Д. Зиновьева-Аннибал. — Е.Л.> уже год жили в Петербурге. Их дети со своей воспитательницей оставались в Женеве, где они учились в школе. Их квартира представляла собой, как я уже говорила, «башню». Во всех комнатах стены были круглые или косые. В комнате Лидии, куда он меня ввел, обои были ярко-оранжевые. Здесь стояли только два очень низеньких дивана и странный, высокий, пестро окрашенный деревянный сосуд, в котором она хранила в виде свитков свои рукописи. Комната Вячеслава была узка, с огненно-красными стенами, так что в нее входили, как в раскаленную печь. Быт их для тогдашней России был очень необычен. Все женщины нашего круга держали, по меньшей мере, кухарку. Лидия же, помимо своих литературных работ и приема множества посетителей, делала все

сама, так как не терпела в своем жилище человека, не разделяющего полностью их жизни.

Придя к ним, я почувствовала себя зайчиком, попавшим в пещеру пары львов. Я видела, что Лидия по оригинальности и силе переживаний не уступает мужу. Они встретили меня с необычайным интересом; этот интенсивный интерес к людям был свойствен им обоим. «Вячеслав и я, — сказала Лидия, — мы любим в лицах людей видеть сны». Казалось, что в моем лице они видят какой-то сон, который им нравится. И я только боялась, чтобы, проснувшись, они не были слишком разочарованы.

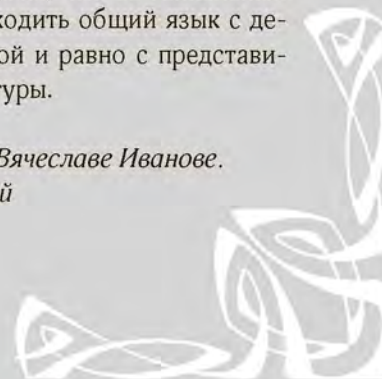
Вячеслав Иванов был тогда центром духовной жизни Петербурга. Легко вдохновляясь и обладая даром проникновения, он умел усиливать творчество других.

М.В. Сабашникова. Зеленая Змея

Доверчиво, щедро рассказывал В.И. о своей покойной жене Зиновьевой-Аннибал <ум. 1907. — Е.Л.>, об ее необыкновенном даровании постигать человека. Вспоминал о ее тяжелой смерти — она задохнулась, заразившись скарлатиной, — волновался, ходил по комнате. Я с замиранием сердца смотрела на большой портрет сильной, властной женщины, висевший в простенке. Позднее мне стало известно о посмертном общении поэта с умершей возлюбленной. Гершензон говорил, что Лидия Дмитриевна была не менее одарена, чем ее гениальный муж. Она умела находить общий язык с деревенской старушкой и равно с представителем высшей культуры.

*О. Мочалова. О Вячеславе Иванове.
Из воспоминаний*

Если я буду продолжать так писать — только об Антоне Павловиче и о себе — только о «тайном», то как же это будет несправедливо по отношению к моему мужу. Всюду, где было примешано имя Чехова, он был груб, даже возмутителен. С первого рукопожатия... до последнего поклона на могиле... Но куда же я здесь вставлю настоящий образ моего мужа? Его образ, каким я любила его. А любила я его как друга, как спутника, как родного человека крепко и горячо, и жалела я его мучительно и прощала ему охотно, потому что понимала в нем все и сама причиняла ему немало страданий своей вечной борьбой с ним за то, что мне было дорого. Но я должна продолжать писать именно так, потому что я пишу о «тайном», а моя супружеская жизнь была явной, и все знали, что мы были примерными супругами.

...Я была страстная мать, любила своих детей тревожно, болезненно, но одна любовь совсем не мешала другой. Эти два чувства тянулись параллельно, не соприкасаясь, оба одинаково сильные и мучительные. Две натянутых, напряженных струны. Дети радовали, огорчали, часто болели, отнимали много времени и заботы. Казалось, жизнь была полна ими, и даже муж, который тоже безмерно любил детей, находил, что я слишком живу в детях, что это ненормально. Пожалуй, это и было так, но как же могло быть, что в то же время я никогда, никогда не расставалась с мыслью об Ант[оне] Павловиче ?

Л.А. Авилова. Из повести «О любви»

Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе: его, меня и М.А. <М.А. Волошин. — Е.Л.>, потому что самая большая моя в жизни любовь, самая недостижимая, это был М.А. Если Н.С. <Н.С. Гумилев. — Е.Л.> был для меня цветение весны, «мальчик», мы были ровесники, но он всегда казался мне младше, то М.А. для меня был где-то вдали, кто-то, никак не могущий обратить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую.

Была одна черта, которую я очень не любила в Н.С., — его неблагоприятное отношение к чужому творчеству. Он всегда [всех] бранил, над всеми смеялся, — мне хотелось, чтобы он тогда уже был «отважным корсаром», но тогда он еще не был таким.

Он писал тогда «Капитанов» — они посвящались мне. Вместе каждую строчку обдумывали мы. Но он ненавидел М.А. — мне это было больно, очень здесь уже неотвратимостью рока встал в самом сердце образ М.А.

То, что девочке казалось чудом, — совершилось. Я узнала, что М.А. любит меня, любит уже давно, — к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: «Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву — я буду тебя презирать». Выбор уже был сделан, но Н.С. все же оставался для меня какой-то благоуханной, алой гвоздикой. Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н.С. уехать, не сказав ему ничего. Он счел это за каприз, но уехал, а я до осени (сентября) жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина. Я вернулась совсем закрытая для Н.С., мучила его, смеялась над ним, а он терпел и все просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за М.А. Почему я так мучила Н.С.? Почему не отпускала его от себя? Это не жадность была, это была тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, другая другого.

О, зачем они пришли и ушли в одно время! Наконец, Н.С. не выдержал, любовь ко мне уже стала переходить в ненависть. В «Аполлоне» он остановил меня и сказал: «Я прошу Вас последний раз: выходите за меня замуж», — я сказала: «Нет!»

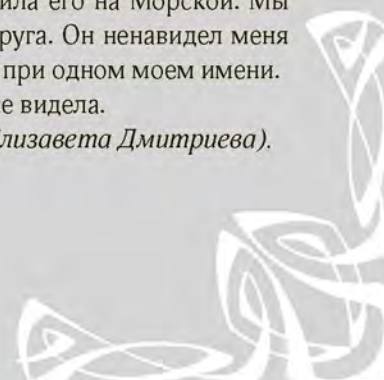
Он побледнел. «Ну, тогда Вы узнаете меня».

Это была суббота. В понедельник ко мне пришел Гюнтер и сказал, что Н.С. на «Башне» говорил бог знает что обо мне. Я позвала Н.С. к Лидии Павловне Брюлловой, там же был и Гюнтер. Я спросила Н.С.: говорил ли он это? Он повторил мне в лицо. Я вышла из комнаты. Он уже ненавидел меня. Через два дня М.А. ударил его, была дуэль.

Через три дня я встретила его на Морской. Мы оба отвернулись друг от друга. Он ненавидел меня всю свою жизнь и бледнел при одном моем имени.

Больше я его никогда не видела.

*Черубина де Габриаки (Елизавета Дмитриева).
Исповедь*

Мы возвращались с дневного концерта оркестра графа Шереметева, с «Парсифаля», где были всей семьей и с Борей <Андрей Белый. — Е.Л.>. Саша <А.А. Блок, муж мемуаристки. — Е.Л.> ехал на санях с матерью, я с Борей. Давно я знала любовь его, давно кокетливо ее принимала и поддерживала, не разбираясь в своих чувствах, легко укладывая свою заинтересованность им в рамки «братских» (модное было у Белого слово) отношений. Но тут (помню даже где — на набережной, за домиком Петра Великого) на какую-то фразу я повернулась к нему лицом — и остолбенела. Наши близко встретившиеся взгляды... но ведь это то же, то же! «Отрава сладкая...» Мой мир, моя стихия, куда Саша не хотел возвращаться, о, как уже давно и как недолго им отдавшись! Все время ощущая нелепость, немыслимость, невозможность, я взгляда отвести уже не могла.

И с этих пор пошел кавардак. Я была возбуждена не менее Бори. Не успевали мы оставаться одни, как никакой уже преграды не стояло между нами, и мы беспомощно и жадно не могли оторваться от долгих и неутрачивающих поцелуев. Ничего не предвещая в сумбуре, я даже раз поехала к нему. Играя с огнем, уже позволяла вынуть тяжелые черепашковые гребни и шпильки, и волосы уже упали золотым плащом (смешно тебе, читательница, это начало всех «падений» моего времени?)... Но тут

какое-то неловкое и неверное движение (Боря был в таких делах явно не многим опытнее меня) — отрезвило, и уже волосы собраны, и уже я бегу по лестнице, начиная понимать, что не так должна найти я выход из созданной мною путаницы.

(Дорогой читатель, обращаюсь теперь к вам. Я понимаю, как вам трудно поверить моему рассказу! Давайте помиримся на следующем: моя версия все же гораздо ближе к правде, чем ваши слишком лестные для А. Белого предположения.) То, что я не только не потеряла голову, но, наоборот, отшатнулась при первой возможности большей близости, меня очень отрезвило. При следующей встрече я снова взглянула на Борю более спокойным взглядом, и более всего на свете захотелось мне иметь несколько свободных дней или даже недель, чтобы собраться с мыслями, оглядеться, понять, что я собираюсь делать. Я попросила Борю уехать. <...>

Как только он уехал, я начала приходить от себя в ужас: что же это? Ведь я ничего уже к нему и не чувствую, а что я выделяла! Мне было и стыдно за себя, и жаль его, но выбора уже не было. Я написала ему, что не люблю его, и просила не приезжать. Он негодовал, засыпал меня письмами, жаловался на меня всякому встречному. Это было даже более комично, чем противно, из-за этого я не смогла сохранить к нему даже дружбу.

Л.Д. Блок. И был и небылицы о Блоке и о себе

M.B.

Крестовская была дочерью известного писателя Всеволода Крестовского, автора «Петербургских трущоб». Ее родители разошлись, когда она была еще ребенком, и девочка была предоставлена сперва старой бабушке, а потом самой себе.

Юность была трудная, заброшенная, скудная... И все-таки она обмолвилась прелестной фразой в одном из своих рассказов: «О, юность, юность! Сколько поэзии в твоей прозе, сколько света в твоих серых днях!» Талантливая, живая девушка лет семнадцати пошла на сцену — поступила в Москве к тому же Коршу. Там — неудачный роман с молодым художником, ребенок. Художник был женат, а кроме того, очень легкомыслен. Он оставил девочку-мать и ребенка на произвол судьбы, исчезнув бесследно.

Надо было знать, что такое было в то время понятие «незаконный ребенок». Но она не испугалась, стала воспитывать ребенка. Сперва билась как рыба об лед. Но скоро выбилась на дорогу. Среди ее знакомых был редактор «Русского вестника» Ключников, обративший внимание на ее литературные способности и поддерживавший ее на этом пути. С тех пор она бросила сцену и ушла в литературу. Переехала в Петербург. Когда ее мальчику было уже лет восемь, она встретила с Е.Э. Картавцевым, бывшим в то время казначеем Литературного фонда. Он сошелся с Крестовской, любил ее глубоко и серьезно, но долго не решался жениться на ней, разделяя всецело предрассудки тогдашнего «общества» — девушка с ребенком, писательница, богема... Ее — при всей любви к нему — оскорбляло его колебание и нерешительность, в которых она видела недостаток любви. Наконец, чувство взяло верх, он женился на ней, усыновил мальчика и этим дал ему возможность поступить в Морской корпус. А ее ввел в свое «общество». Из большой гордости она все сделала, чтобы «быть на высоте», и стала играть

роль «светской женщины» с таким же увлечением, как раньше писала свои романы.

Роль свою она играла мастерски, но это очень мешало ее литературной деятельности, и после на шумевшего романа «Артистка», которым зачитывались с увлечением вся Москва и весь Петербург, гадая, кого она хотела изобразить: Ермолову или Савину (а она никого не хотела изобразить, кроме своих личных переживаний, расцвеченных литературными узорами), — она долго ничего не писала. Слишком много времени и энергии брала роль светской женщины. В ее отношениях с мужем была трещина — она подсознательно не могла забыть его колебаний и связанных с этим своих страданий самолюбия и оскорбленной гордости... Ее горячая душа не способна была долго довольствоваться одним и тем же. Всегда хотелось чего-то нового. Очередным увлечением была вилла Мариоки, построенная ею в Финляндии. Там она как-то залюбовалась красивым видом. Муж скупризом купил ей этот клочок земли и предоставил построить дачу. Она пригласила молодого, талантливого архитектора и стала ему неумело рисовать свои мечты и планы, а он переводил эти мечты на язык цифр и чертежей. В результате получился один из очаровательнейших летних домов, который я видела, — стройный, легкий, полный воздуха и света. Этому уголку я обязана была чудными минутами и ему посвятила целый цикл стихов «Сказки Мариок». Что же удивительного, что создательница Мариок любила их, как нечто живое. Цветы слушались ее, и в июньские белые ночи, когда в цветнике пылали костры огненных азалий, Мариоки казались сказкой. Там она пережила свой короткий, бурный и несчастный роман, от которого так и не оправилась ни нравственно, ни физически. Тяжело заболела, болела с перерывами несколько лет. Во время передышек успела написать «Исповедь Мытищева», о которой профессор Бехтерев говорил, что ее надо читать всем, изучающим психиатрию.

Т.Л. Щепкина-Куперник. Из воспоминаний

Из мемуаров

В жизни Коли <Н.С. Гумилева. — Е.Л.> было много увлечений. Но самой возвышенной и глубокой его любовью была любовь к Маше. Под влиянием рассказов А.И. о родовом имении Слепневе и о той большой старинной библиотеке, которая в целостности там сохранилась, Коля захотел поехать туда, чтобы ознакомиться с книгами. В то время в Слепневе жила тетушка Варя — Варвара Ивановна Львова, по мужу Лампе, старшая сестра Анны Ивановны. К ней зимой время от времени приезжала ее дочь Констанция Фридольфовна Кузьмина-Караваева со своими двумя дочерьми. Приехав в имение Слепнево, поэт был приятно поражен, когда, кроме старенькой тетушки Вари, навстречу ему вышли две очаровательные молоденькие барышни — Маша и Оля. Маша с первого взгляда произвела на поэта неизгладимое впечатление. Это была высокая тоненькая блондинка с большими грустными голубыми глазами, очень женственная. Коля должен был остаться несколько дней в Слепневе, но оттягивал свой отъезд под всякими предлогами. Нянечка Кузьминых-Караваевых говорила: «Машенька совсем ослепила Николая Степановича». Увлеченный Машей, Коля умышленно дольше, чем надо, рылся в библиотеке и в назначенный день отъезда говорил, что библиотечная «...пыль пьянее, чем наркотик», что у него сильно разболелась голова, театрально хватался при тетушке Варе за голову, и лошадей откладывали. Барышни были очень довольны: им было веселее с молодым дядей. С Машей и Олей поэт долго засиживался по вечерам в библиотеке, что сильно возмущало нянечку Караваевых, и она часто бурно налетала на своих питомцев, но поэт нежно обнимал и унимал старушку, которая после говорила, что «долго сердиться на Николая Степановича нельзя, он своей нежностью всех обезоруживает».

Летом вся семья Кузьминых-Караваевых и наша проводили

время в Слепневе. Помню, Маша всегда была одета с большим вкусом в нежно-лиловые платья. Она любила этот цвет, который был ей к лицу. Меня всегда умиляло, как трогательно Коля оберегал Машу. Она была слаба легкими, и, когда мы ехали к соседям или кататься, поэт всегда просил, чтобы их коляска шла впереди, «чтобы Машенька не дышала пылью». Не раз я видела Колю сидящим у спальни Маши, когда она днем отдыхала. Он ждал ее выхода, с книгой в руках все на той же странице, и взгляд его был устремлен на дверь. Как-то раз Маша ему откровенно сказала, что не в праве кого-ли-

бо полюбить и связать, так как она давно больна и чувствует, что ей недолго осталось жить. Это тяжело подействовало на поэта.

*...Когда она родилась, сердце
В железо заковали ей.
И та, которую любил я,
Не будет никогда моей.*

Осенью, прощаясь с Машей, он ей прошептал: «Машенька, я никогда не думал, что можно так любить и грустить». Они расстались, и судьба их навсегда разлучила.

А. Гумилева. Николай Степанович Гумилев

Л. Балестриери. Вдали

Л. Балестриери. Лето

И. Балестриери. Морозить — разладъ.

J. Balestrieri. Il gèle.

Жил в Москве в то время полицейский врач Дмитрий Павлович Кувшинников. Он был женат на Софье Петровне. Жили они в казенной квартире, под самой каланчой одной из московских пожарных команд. Дмитрий Павлович с утра и до вечера исполнял свои служебные обязанности, а Софья Петровна в его отсутствие занималась живописью (некоторые ее картины, между прочим, находятся в Третьяковской галерее). Это была не особенно красивая, но интересная по своим дарованиям женщина. Она прекрасно одевалась, умея из кусочков сшить себе изящный туалет, и обладала счастливым даром придать красоту и уют даже самому унылому жилищу, похожему на сарай. Все у них в квартире казалось роскошным и изящным, а между тем вместо турецких диванов были поставлены ящики из-под мыла и на них положены матрацы под коврами. На окнах вместо занавесок были развешаны простые рыбацкие сети.

В доме Дмитрия Павловича собиралось всегда много гостей: и врачи, и художники, и музыканты, и писатели. Были вхожи туда и мы, Чеховы, и, сказать правду, я любила там бывать. Как-то так случилось, что в течение целого вечера, несмотря на шумные разговоры, музыку и пение, мы ни разу не видели среди гостей самого хозяина. И только обыкновенно около полуночи растворялись двери, и в них появлялась крупная фигура доктора с вилкой в одной руке и с ножом в другой, и торжественно возвещала:

— Пожалуйста, господа, покушать.

Все вваливались в столовую. На столе буквально не было пустого места от закусок. В восторге от своего мужа, Софья Петровна подсакивала к нему, хватала его обеими руками за голову и восклицала:

— Дмитрий! Кувшинников! (Она называла его по фамилии.) Господа, смотрите, какое у него выразительное, великолепное лицо!

Были вхожи в эту семью два художника: Левитан и Степанов. Софья Петровна брала уроки живописи у Левитана.

Обыкновенно летом московские художники отправлялись на этюды то на Волгу, то в Саввинскую слободу, около Звенигорода, и жили там коммунально целыми месяцами. Так случилось и на этот раз. Левитан уехал на Волгу, и... с ним вместе отправилась туда же и Софья Петровна. Она прожила на Волге целое лето; на другой год, все с тем же Левитаном, как его ученица, уехала в Саввинскую слободу, и среди наших друзей и знакомых стали уже определенно поговаривать о том, о чем следовало бы молчать. Между тем, возвращаясь каждый раз из поездки домой, Софья Петровна бросалась к своему мужу, ласково и бесхитростно хватала его обеими руками за голову и с восторгом восклицала:

— Дмитрий! Кувшинников! Дай я пожму твою честную руку! Господа, посмотрите, какое у него благородное лицо!

Доктор Кувшинников и художник Степанов стали уединяться и, изливая друг перед другом душу, потягивали вино. Стало казаться, что муж догадывался и молча переносил свои страдания. По-видимому, и Антон Павлович осуждал в душе Софью Петровну. В конце концов он не удержался и написал рассказ «Попрыгунья», в котором вывел всех перечисленных лиц. Смерть Дымова в этом произведении, конечно, придумана.

М.П. Чехова. Из далекого прошлого

Приблизительно с середины «Поединка», главы с четырнадцатой, работа у Александра Ивановича <Куприна. — Е.Л.> пошла очень медленно. Он делал большие перерывы, которые беспокоили меня.

— Опять не удалось сесть за работу, — жаловался Куприн.

— Ты пропустил много времени, и тебе все труднее и труднее приняться за работу. Мириться с этим я больше не могу. И вот мое твердое решение: пока не будет готова следующая глава, домой не приходи.

И повелось так, что домой, «в гости», Александр Иванович приходил отдыхать, когда у него была написана новая глава или хотя бы часть ее.

— Пишу очень медленно, Маша. Как я закончу повесть — еще не знаю, и это мучает меня. Могу

приносить тебе не более двух-трех страниц новой главы.

Но написать даже две-три страницы ему не всегда удавалось. И вот однажды он принес мне часть старой главы. Утром я сказала Александру Ивановичу, что так обманывать меня ему больше не удастся.

После его ухода я распорядилась на внутренней двери кухни укрепить цепочку.

Теперь, прежде чем попасть в квартиру, он должен был рукопись просовывать в щель двери и ждать, пока я просмотрю ее. Если это был новый отрывок из «Поединка», я открывала дверь.

Прошло некоторое время, и опять случилось так, что нового у Александра Ивановича ничего не было, а побывать в семье ему очень хотелось, и он опять принес мне несколько старых страниц, надеясь, что я их забыла.

Я читала и удивлялась: «Ведь это еще балаклавский кусок “Поединка”?»

Александр Иванович ждал на лестнице.

— Ты ошибся, Саша, и принес мне старье, — сказала я, просунув ему рукопись. — Спокойной ночи! Новый кусок принесешь завтра.

Дверь закрылась.

— Машенька, пусти, я очень устал, и хочу спать. Пусти меня, Маша...

Я не отвечала.

— Какая ты жестокая и безжалостная... — говорил Александр Иванович на лестнице.

Я поставила на плиту табурет, взобралась на него и через круглое окно с железной решеткой смотрела вниз.

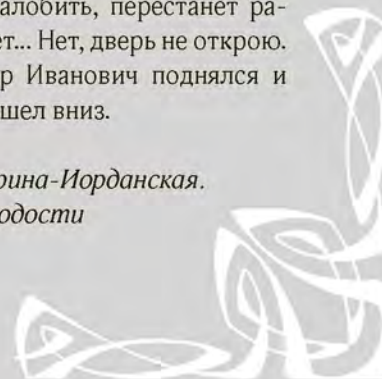
Александр Иванович сидел на ступеньке, обхватив голову руками. Его плечи вздрагивали. Я тоже плакала: мне было бесконечно жаль его. Впустить? Тогда он решит, что меня можно разжалобить, перестанет работать, запьет... Нет, дверь не открою.

Александр Иванович поднялся и медленно пошел вниз.

*М.К. Куприна-Иорданская.
Годы молодости*

И. Балестриери. Таеть — примирение. J. Balestrieri. Il dégèle.

«У

всех опускаются руки со мной, — сказал он <М.А. Волошин. — Е.Л.>, — самая моя сущность надоедает очень скоро женщине, и у нее остается ко мне только раздражение. У меня же трагическое раздвоение: когда меня влечет женщина, когда я духом близок ей и между нами возникает дружба — я *не могу* ее коснуться, мне кажется кошунством даже поцеловать руку той, кого я люблю. (Его брак). И с другой стороны — когда я физически приближаюсь к женщине — мне кажется оскорбительной самая возможность заговорить с ней и общаться с духом». Он рассказал, что до 27 лет он был девственен, потом сблизился *случайно*, но никогда не мог отдаться, хотя бы временно, разврату и упиваться чувственностью, хотя его влекло мучительно к этому. «Во мне нет жеста разврата! — почти со слезами сказал он, — я не могу пьянствовать, не могу курить, не могу взять продажную женщину... Нет таких форм разврата и сближений, кот<орые> бы я не пережил в желании и в мечтах, но когда дело доходит до свершения — мной овладевает безумный стыд, я чувствую, что буду смешон, безобразен в этом, что это для меня *неверно*, и отступаю».

— Почему же вы молчали об этом стыде в своей лекции о нормальности всех видов и проявлений сексуальности?

— Пот<ому> что я себя самого не считаю нормой. Я помнил, что *мое* чувство субъективно и я урод среди других, а моя теория — для всех. У меня не было ни одного раза близости с женщиной, после которой я не казался бы себе самому преступником и не плакал бы над ней. Как бы охотно она ни шла навстречу, мне всегда каза-

лось, что я унизил, осквернил ее. И все сближения кончались тем, что женщины утешали меня, — роли менялись, и я сам становился страдающей женщиной. Вообще скажите, мужчина ли я? или нет?

Этот вопрос он повторял с комическим отчаянием. И потом сказал, что до сих пор его в жизни понимали, хотя отчасти, только женщины, друзья у него только среди женщин, и единственный мужчина, с которым он меньше ощущает свою нелепость, — Бальмонт, у которого исключительно женственная душа.

Из письма Аделаиды Герцык к Е.К. Герцык

Jef LEEMPOELS, Pinxit
Жеф Лемпальс

Tendres Aveux
Нежные признания

Большее всего, как я уже говорила, Бальмонт любил женское общество. Он любил женщин, как любил цветы. «Все цветы красивы», — сказал он в одном своем стихотворении. И все женщины казались ему привлекательными. Я бы затруднилась сказать, какой тип женщин ему нравился больше: и белокурые нравились ему, и брюнетки, хорошенькие и некрасивые, маленькие, юркие и полные, спокойные, чувствительные и холодные. Не нравились ему определенно только очень высокие, толстые и мужеподобные. От них он просто бежал. Ему и во мне не нравилось, что я была выше его ростом. Больше всего он ценил в женщинах женственность, желание нравиться, кокетство и любовь к поэзии. Он не оставался равнодушным ни к одному чувству,

которое к нему проявляли, будь то обожание подростка или интерес пожилой женщины. Он ухаживал за десятилетней девочкой, дружил со многими старушками (с мадам Ольстейн в Париже, с моей старшей сестрой, писательницей Александрой Алексеевной, и другими).

Влюблялся он мгновенно и первые дни своего увлечения не отходил обыкновенно от своего предмета. Он был несчастен, если не мог проводить каждый вечер у своей последней любви, сидеть с ней одной до ночи; он приглашал ее к себе или назначал ей где-нибудь свидание, ни с кем и ни с чем не считаясь, кроме ее и своего желания: ни с недовольством семьи, если эта была девушка, ни с ревностью мужа, если это была замужняя женщина.

Но такие романы длились недолго. Как они протекали, зависело всецело от лица, которым

Бальмонт был увлечен. Если это была пустая кокетка, он остывал к ней так же быстро, как быстро вспыхивал. Если же она отвечала ему искренне и пылко, его пламя разгоралось.

Я вмешивалась в его романы только в тех случаях, когда боялась, что увлечение Бальмонта может быть для нее трагическим. «Будет так, как она захочет, — говорил в этих случаях Бальмонт, — так, как она решит. Никого другого это не касается».

И я должна сказать, что я не знала романа Бальмонта, который бы кончился сколько-нибудь трагично. Конечно, многие переносили нелегко его «измены», страдали, но ни одна не чувствовала себя обиженной, тем более обманутой.

Е.А. Андреева-Бальмонт. Воспоминания

«Любовь- морковь»

Первая любовь.

Изъ за забора выльзла луна
И нагло сѣла на крутую крышу.
Съ надеждой, вѣрой и любовью слышу,
Какъ запирають ставни у окна.
Луна!

О, томный шорохъ темныхъ тополей,
И спѣлыхъ грушъ наивно-дѣтскій запахъ.
Любовь сжимаетъ сердце въ цѣпкихъ лапахъ,
И яблони смѣются вдоль аллея.
Смѣлѣй!

Ты тамъ, какъ мышь притихла въ тишинѣ?
Но взвизгнетъ дресь пустыннаго балкона,
Бѣлѣя и шумя волнами балахона,
Ты проскользнешь, какъ бабочка ко мнѣ.
Въ огнѣ...

Да—дверь поетъ. Дождался, наконецъ.
А, впрочемъ, хрипъ и кашель и сморканье
И толстыхъ ногъ чужія очертанья,
Все говоритъ, что это твой отецъ.
Конечъ...

О, носорогъ! Онъ смотритъ на луну,
Скребеть бока, животъ и поясницу
И, придавивъ, до плача половицу,
Зѣвотой нарушаетъ тишину.
Ну-ну...

Потомъ, въ туфляхъ спустился въ сонный садъ.
Въ аллеѣ яблоки опавшіе собираетъ,
Ихъ съ чавканьемъ и хрустомъ пожираетъ
И въ тьму вперяетъ близорукій взлядъ,
Назадъ!

Къ стволу съ отчаяньемъ и гнѣвомъ я приникъ.
Застылъ. Молчу. А въ сердцѣ кастаньеты...
Ты спишь, любимая? Конечно, нѣтъ отвѣта,

И не уходит медленный старикъ—
Привыкъ!

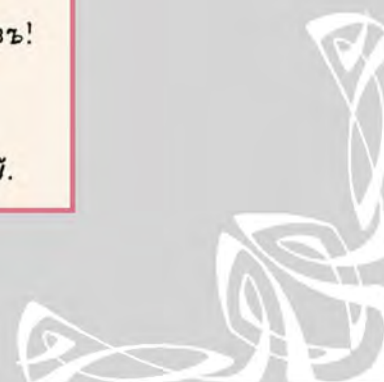
Мечтаетъ... Гадъ! Садится на скамью...
Вокругъ заборъ, а на заборѣ пики.
Ужель застряну и въ безсильномъ крикѣ
Свою любовь и злобу изолью?
Плюю.

Луна струитъ серебряную пыль.
Свѣтло. Прости... Въ тоскѣ пе-ре-лѣ-за-ю,
Твои глаза заочно ло-бы-за-ю
И.. съ тррескомъ рву штанину о костыль.
Рахиль!

Какъ мамонтъ бѣшеный, влачился я, хромой.
На улицахъ луна и кружево каштановъ...
Будь проклята любовь вблизи отцовъ тирановъ!
Кто утолитъ сегодня голодъ мой?
Домой

Саша Черный.

«Любовь—морковь»

МИНУТА.

Какая странная отрада
Въ исходѣ лѣта, яснымъ днемъ
Среди зеленыхъ кленовъ сада
Сидѣтъ съ Алиною вдвоемъ!
Откинувши рукавъ кисейный,
Какъ ей досадно поправлять
Рукою тонкой и лилейной
Волось отбившуюся прядь.
Кругомъ покой, рой мошекъ вьется,
А голубая твердь чиста,
Рисуясь въ ней, не шелохнется
Зигзагъ кленоваго листа.
Приносится зефирнымъ токомъ
Благоуханье позднихъ розъ.
Тамъ, въ водоемѣ неглубокомъ,
Чуть слышенъ стукъ хрустальныхъ слезъ.
Горитъ огнемъ лазурнымъ урна,
Вся синихъ васильковъ полна,
И бьетъ минута, пусть одна,—
Не вѣришь больше въ мощь Сатурна.

Ю. Сидоров

«Любовь—морковь»

МИРАЖЪ ВЪ ГОСТИНОЙ.

Когда Вы двигаетесь мѣрно
По шелестящему коври,
Всегда блѣдна, какъ свѣтъ невѣрный,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,
Мерцаютъ Ваши брилліанты,
Чуть дышитъ блѣдность на лицѣ,—
Тогда Вы кажетесь инфантой
Въ какомъ-то замкнутомъ дворцѣ.
Гдѣ вѣчно спущенныя шторы
Неколыхающихся пряжъ,
Гдѣ замираютъ разговоры,
Какъ потухающій миражъ.
Гдѣ строй остроконечныхъ башенъ
Воздвигъ грозящіе зубцы,
Гдѣ мракъ палатъ высокъ и страшень,
Гдѣ притаились мертвецы...
Какъ жутки древніе портреты
Всѣхъ, кто здѣсь властно обиталъ,
Скелеты, чьи-то силуэты
Дрожатъ въ бездонностяхъ зеркалъ.
Тамъ кто-то вѣчно правитъ брашна...
Ахъ, отводя пугливый взглядъ,—
Мечтать такъ сладостно и страшно
Во мглѣ покинутыхъ палатъ.
Въ нихъ все звенитъ, какъ сновидѣнье,
Все совлекается въ миражъ.
О, какъ люблю я обольщенья,
Тоскующій и юный пажъ!
Я каждый день скрываюсь въ шторахъ,
И жду мучительно, пока
Я не слышу тихій шорохъ
Ея шаговъ издалека.
Всегда блѣдна и молчалива,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,
Она проходитъ горделиво
По шелестящему коври.

Но разъ, увидя взоръ унылый
 И какъ я слѣдовалъ дрожа,
 Она задумчиво спросила,
 Спросила бѣднаго пажу.
 Съ улыбкой ласковой и блѣдной,
 Взоръ затѣнившей, какъ вуаль,
 Она шептала: «бѣдный, бѣдный,
 Скажи мнѣ всю твою печаль,
 Зачѣмъ грустишь уединенно,
 И на щекѣ твоей слеза?»
 Остановилась у колонны,
 Поднявъ прекрасные глаза.
 — «Какъ въ каждой грани брилліанта
 Весь блескъ созвѣздій заключенъ,
 Такъ въ васъ, инфанта, въ васъ, инфанта,
 Весь міръ мой чудно воплощенъ.
 Всю жизнь держать вамъ брилліанты,
 За вами слѣдовать, молю...
 Инфанта, гордая инфанта,
 Я васъ безпомощно люблю!»...
 Остановились у колонны.
 Въ коврахъ и шторахъ все мертво.
 Задумчиво и потрясенно
 Она глядѣла на него

 Ахъ, міръ мечтательно-невѣрный
 Надъ сердцемъ празднуетъ игру,
 Когда Вы двигаетесь мѣрно
 По шелестящему коврику.

В. Гофман

«Любовь—морковь»

ДВА РЫЦАРЯ И ОДНА ДѢВА.

(Нравоучительная баллада).

Любили два рыцаря дѣву,
Считали ее за кумиръ.
И волю давъ дикому гнѣву,
Затѣяли смертный турниръ.
Сверкали, какъ молніи, копья,
Мечей потрясающъ былъ стукъ,
Летѣли отъ рыцарей хлопья
И лопались пряжки у брюкъ.
Сопернику правую ногу
Одинъ отрубилъ и унесъ,
Другой откромсалъ понемногу
Врагу оба уха и носъ.
Кровавые эти трофеи
Сулившіе рыцарямъ рай,
Подвергли къ ногамъ они феи
И рывкнули ей: „выбирай“.
Но дѣва къ такимъ обезьянамъ
Склонить не осмѣлилась взгляды...
Зачѣмъ женихи ей съ изъязомъ?!
И третій—здоровый,—былъ взятъ.

Голубка моя! ты не волнуйся.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Когда тебя женщина бросить,
Мой другъ, не рыдай и не плачь,—
Судьба лихсдѣйка приносить
Не мало для насъ неудачъ..

Пусть горе тебя не изложетъ,
Впередъ безъ печали бреди,—
„Она“ возвратится, быть можетъ,—
Слезъ время еще впереди!!!

КЪ БРАЧНОМУ СЕЗОНУ.

Гимена праздникомъ назвать бы
Пришлось въ дни нынѣшней поры:
Повсюду—свадьбы, свадьбы, свадьбы
И съ ними пышные пиры.
Но средь гостей толпы довольной
Смотрю на каждый новый бракъ
Я съ чувствомъ зависти невольной,
Зане я—старый холостякъ.
Противникъ ярый чувствъ свободныхъ,
Я жаждалъ брака,—но, увы!
Встрѣчалъ лишь куколъ въ платьяхъ модныхъ,
Фальшивыхъ съ ногъ до головы.
Текли года. Съ мечтой желанной
О бракъ я ужъ не знакомъ,
Бранюсь весь день съ кухаркой Анной
И—остаюсь холостякомъ...

Невскій житель.

Старая дѣва.

Лобъ покрытъ глубокими морщинами,
Съ полудня ужъ хочетъ отдохнуть,
Но еще жеманится съ мужчинами,
Пудритъ щеки и шнуруетъ грудь.

За окномъ весенній день кудрявится,
Молодцемъ пришелъ румяный мартъ.
Можетъ быть, она сосѣду нравится,—
Надо будегъ выпросить у картъ.

Цѣлый вѣеръ на столѣ раскинула.
Интересъ имѣетъ къ ней старикъ.
И, помедливъ, снова карту вынула,
И легла на сердце дама пикъ.

Жарко печки въ комнатахъ натоплены,
Котъ слѣдитъ за ней, полулежа.

На остатокъ жизни деньги скоплены
И она боится грабежа.

Было время, бѣгала съ студентами,
Разгорались щеки ярче розъ.
По утрамъ голубенькими лентами
Убирала золото волосъ.

Шаловливой ручкой надъ ботинками
Подымала кружевной подолъ.
Вечера смѣнялись вечеринками,
Отъ мазурки колыхался полъ.

И она глядитъ глазами сонными...
Смутно тѣни прошлаго видны.
Скучно жить мечтами унесенными,
Всѣ мужчины—дряни и вруны.

За стѣной сосѣдъ бренчитъ гитарою,
Опустила руки и встаетъ.
И лѣниво за хозяйкой старою
Старый котъ по комнатамъ идетъ.

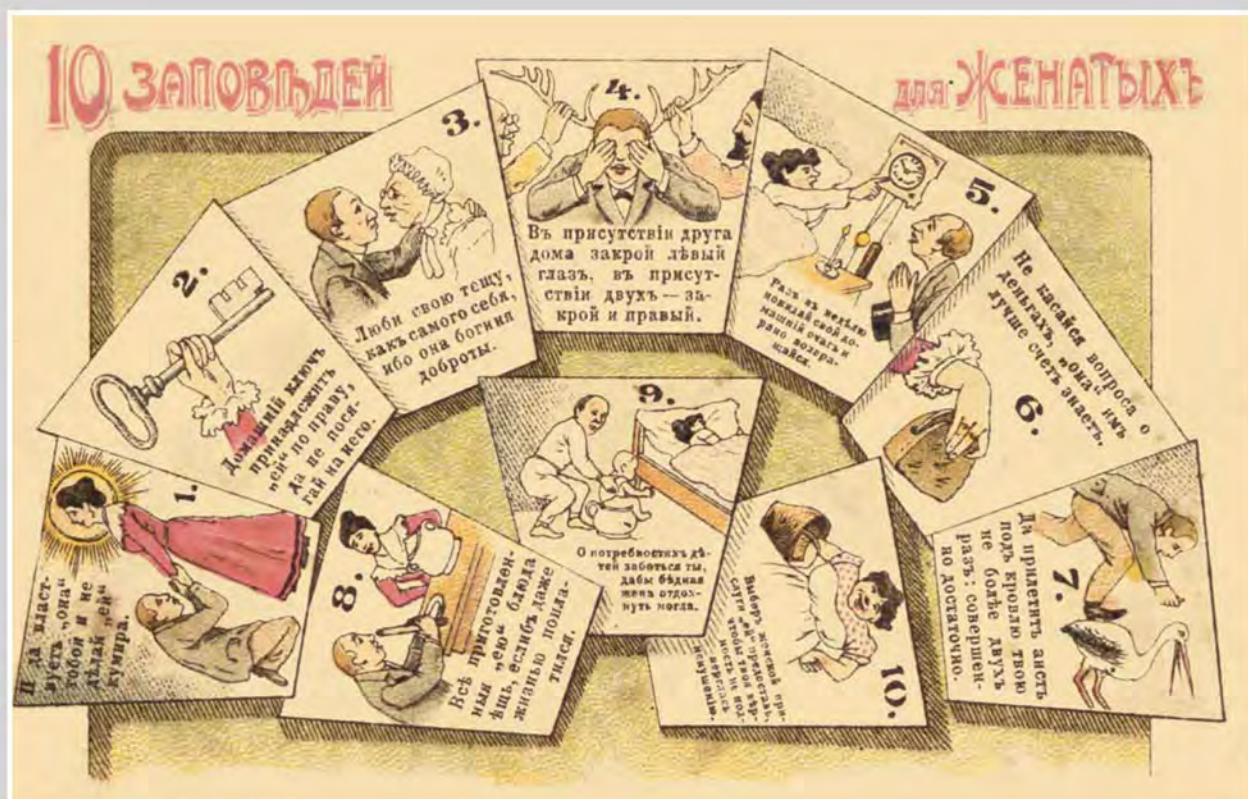
В. Башкинъ.

«Любовь—морковь»

«Любовь—морковь»

ОНЪ И ОНА.

(Свадебная мелодия).

1.

Чертогъ сиялъ .. кричали „горько!“
Онъ цѣловалъ ее смущенный...
Она краснѣла словно зорька,
Багровѣлъ онъ какъ ракъ варенный...

2.

Ушли изъ свадебнаго зала...
Наединѣ онъ съ ней остался,
Она подумала: „Поймала!“,
А онъ подумалъ: „Эхъ! попался!“

3.

На третій день (довольно скоро!)
Случилась съ ней и съ тещей ссора.
Онъ плакалъ: „Безъ жены, безъ тещи
Жилось мнѣ гораздо проще!“..

ПОДСНѢЖНИКЪ.

Я весенній подснѣжникъ сорвалъ
 На прогалинѣ влажной и черной,
 Гдѣ съ зари до зари цѣловалъ
 Солнца лучъ его вѣнчикъ узорный.
 И тебѣ я съ любовью принесъ
 Этотъ первый порывъ увлеченья,
 Первый трепетъ разбуженныхъ грезъ,
 Первый дѣвственный даръ вдохновенья.
 И я видѣлъ, какъ губками ты
 Къ лепесткамъ прикоснулась украдкой,
 И съ тѣхъ поръ этотъ перлъ чистоты
 Служить... въ кухонной книгѣ закладкой.

Стрижъ.

«Любовь—морковь»

МЕЧТЫ.

О, милый другъ! Вдвоемъ съ тобою
Умчимся мы въ чудесный міръ—
Туда, гдѣ бурною волною
Несется съ горъ Гвадалквивиръ.

Тамъ, въ Андалузіи далекой,
Гдѣ все сіяетъ красотой,
Полны поэзіи высокой
Мы будемъ счастливы душой,

Мы поселимся близъ Гренады,
Гдѣ все о прошломъ говоритъ,
Гдѣ сладко льются серенады,
Гдѣ лѣтъ минувшихъ слава спитъ.

Дворецъ—созданье храбрыхъ Мавровъ,
Блестящая роскошью причудъ.
Подъ сѣнью благовонныхъ лавровъ
Намъ дастъ таинственный пріютъ.

И въ нашемъ Patio прохладномъ
Мы чашу счастья будемъ пить.
Въ уединеніи отрадномъ
Одной любовью станемъ жить.

Рисунокъ смѣлый арабесокъ,
Изящество старинныхъ вазъ,
Узоры мавританскихъ фресокъ—
Все будетъ новостью для насъ.

Тамъ мраморъ розовый фонтана,
Сбирая влагу чистыхъ слезъ,
Въ тѣни цвѣтущаго каштана
Сулитъ намъ міръ волшебныхъ грезъ.

Дыханье розы, лилій чистыхъ,
Гарденій тонкій ароматъ
И запахъ миртовъ серебристыхъ
Насъ нѣгой сладкой опьянятъ.

Часовъ счастливыхъ не считая,
Подъ шепотъ ласковый струи,
И день и ночь, не уставая
Мы будемъ думать о любви.

«Любовь—морковь»

БЕЗКОРЫСТІЕ.

Передъ дѣвой нѣжно-юной
Восклицалъ поэтъ, сгорая:
„Я на лирѣ многострунной
Воспою тебя, драгая.
Отъ Невы до самой Оби
Я тебя въ стихахъ прославлю
И до гроба, даже въ гробѣ
Пѣть тебя я не оставлю.
Ты не знаешь сколь богаты
Въ пѣснопѣніяхъ поэты.
Я отдамъ тебѣ безъ платы
Всѣ міры и всѣ планеты.
Я сложу къ ногамъ-малюткамъ
Въ римахъ перлы всей вселенной.
Лишь въ своемъ сердечкѣ чуткомъ
Дай мѣстечко страсти плѣнной!“
Отвѣчала барду дѣва:
„Милый другъ, я не корыстна,
Я душой—не королева,
Мнѣ величье ненавистно.
Мнѣ съ землею не будетъ сладу,
Съ небесами жъ наипаче.
Вмѣсто этого, въ награду
Ты устрой меня на дачѣ“.

Стрижъ.

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ.

Она бряцала на роялѣ,
Съ азартомъ forte выбивая,
А онъ сидѣлъ, главу понутивъ,
Порой украдкой лишь вздыхая.

Она—играла очень долго,
Затѣмъ спросила осторожно:
„Зачѣмъ вы грустны?“ Онъ отвѣтилъ:
„Безъ слезъ васъ слушать—невозможно“!

A. Edelfelt

Göteborgs Museum

Vid Pianot
Au piano
Am Klavier

Чулокъ.

Я сегодня рано встала,
Точно ранній голубокъ,—
Сразу нужный отыскала
Правый шелковый чулокъ.

И обтягивая тѣло
И нашептывая: встань!—
Медленная заскрипѣла
По холодной кожѣ тканьъ.

Солнце ярко, ярко свѣтитъ...
Крыша снѣжная бѣла...
Сразу милый мой замѣтитъ,
Что сегодня я мила.

Я нарочно встану съ правой,
Съ правой, съ ласковой ноги.
Знаю, спросить онъ лукаво:
Мы друзья или враги?

Но окончить эту фразу
Ни за что ему не дамъ,
Проскользну губами сразу
По щекѣ и по усамъ.

Пусть узнаетъ, отгадаетъ,
Пусть разсудитъ: да... иль нѣтъ...
Ну, а если не узнаетъ,
Такъ какой же онъ поэтъ?..

Погоди-ка! Что такое?
Ты не можешь отгадать?
И лицо совсѣмъ другое,
И улыбки не узнать!

Посмотри въ глаза мнѣ! Гдѣ ты,
Гдѣ и съ кѣмъ ты былъ вчера?
Скажешь: все свои сонеты
Сочинялъ ты до утра?

Почему ты такъ сіяешь?
Почему ты слишкомъ милъ?
Ну, конечно! Измѣняешь!
Ну, признайся: измѣнилъ?

Да? Ну, что-же цѣловала
Та мой милый уголокъ?
А я то надѣвала
Правый ласковый чулокъ!

Впрочемъ, что я! Да вчера же
Онъ весь вечеръ былъ со мной,
Возвращаясь вмѣстѣ, даже
Я зашла къ нему домой.

Ахъ, какая я смѣшная!
Растровожилась сама:
Нѣтъ!.. Онъ—милый! Я вотъ—злая!
А всему виной зима!

И чулокъ—причина гнѣва!—
Какъ же сразу не понять—
Нужно прежде было лѣвый,
А не правый надѣвать!

Потемкинъ.

«Любовь—морковь»

Я каждый вечеръ въ часъ обычный
Иду туда, гдѣ на углу
У вывѣски „Ломбардъ Столичный“
Могу припасть лицомъ къ стеклу.
Тамъ у дверей съ окномъ зеркальнымъ,
Гдѣ парикмахеръ изъ Москвы,
Брожу влюбленнымъ и печальнымъ
Въ лучахъ вечерней синевы.
И тамъ въ окнѣ, обвита шелкомъ,
На тонкой ножкѣ, холодна,
Спиною къ выставочнымъ полкамъ,
Меня манить къ себѣ она.
Такъ каждый вечеръ, съ тѣмъ же взглядомъ,
Сулящимъ мнѣ одну любовь,
Она стоитъ съ помадой рядомъ,
Слегка поднявъ тугую бровь.
Но, на парикъ парикъ мѣняя,
Она, что день, уже не та,
И я ревную, твердо зная,
Измѣны нѣтъ—она мечта.
И каждый разъ я съ новой мукой
Стою у милаго окна,
Гдѣ и безногой, и безрукой
На тонкой ножкѣ ждетъ она.

На вокзалѣ.

Вокзальный залъ. Въ окнѣ кіоска
Склоненный женскій силуэтъ:
Фигурной тыквою прическа
И ловко схваченный корсетъ.
Все пишетъ нимфа по осанкѣ,
Къ бумагѣ личико склоня;
Кругомъ Grosbuxi, счеты, бланки;
Плакать: „!Страхуютъ отъ огня!“
Я подошелъ. Поднявъ головку,
Она взглянула на меня:
„Что вамъ угодно?“— „Я... страховку..
Хочу отъ страстнаго огня!“...
И сердце замерло въ волненьи...
Она жъ въ отвѣтъ на страсть мою:
„Pardon, въ пожарномъ отношеньи...
Не огнестойки вы, мусью“...

Красный.

THE SWEETEST FLOWER THAT BLOWS.

К.Ф. Ундервуд

«Любовь—морковь»

Птичка пѣвчая не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Жизнь проводить въ опереттѣ,
Мѣсяцъ радостный взойдетъ,—
Смотришь,—птичка въ кабинетѣ
За бутылками поетъ.
Красотой своей природной
Счастье смертному дарить,
Въ лапкахъ птички кто угодно
Очень скоро прогорить.
Прогорѣвшимъ скука, горе,
Птичка къ новому порхнеть,
Вновь порхаетъ на просторѣ,
Веселится и поетъ.

Ф. Резничекъ, Свиданіе.

F. von Reznicek, Rendezvous.

К Э Т Ъ.

Спать... полуоткрыла губки...
Тише... подойду...
Миренъ сонъ моей голубки
На травѣ въ саду.

Въ знойный день и розы словно
Въ полуснѣ цвѣтутъ...
Какъ малютка дышитъ ровно,
Какъ ей славно тутъ!..

Сколько нѣги, сколько лѣни...
Безмятежна высь...
Свѣта отблески и тѣни
Въ кружева сплелись...

Поцѣлую... Не проснется!
Кэтъ, люблю... люблю...
— Ая!..

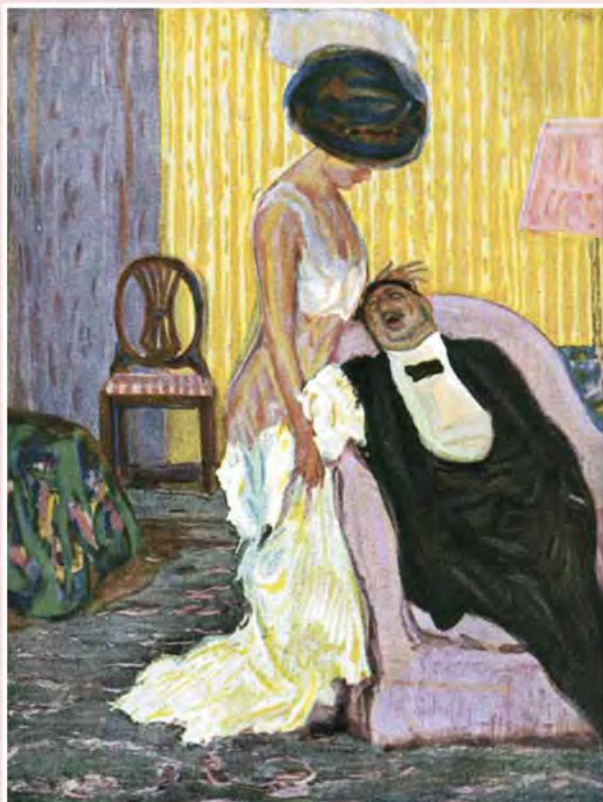
Вскочила—и смѣется:
„Думаете, сплю“?

С. Сафоновъ.

«Любовь—морковь»

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

(Баллада).

Дождь суровый на балконѣ
Съ молодой сидитъ женою,
Смотритъ, какъ на небосклонѣ
Тучки носятся тѣлою.
Мѣсяцъ всплылъ въ дали туманной.
Дышетъ нѣгой воздухъ Мая,
И полна тревогой странной
Догаресса молодая.
Тишина ее чаруетъ,
Про любовь ей шепчетъ сказки;
Молодая кровь бунтуетъ,
Сердце жадно проситъ ласки.
Догаресса, пламенѣя,
Смотритъ въ даль,—и ей сдается,
Будто въ этотъ часъ сильнѣе
Даже сердце дождя бьется.
На лицѣ его томленье,
Взоры по небу блуждаютъ...
Словно снова впечатлѣнья
Юныхъ дней его смущаютъ.
И звучитъ, какъ струнъ бряцанье,
Голосокъ ея унылый:
— „Въ этотъ сладкій часъ мечтанья
Что ты думаешь, мой милый?“
Дождь въ отвѣтъ ей молвитъ:— „Донна
Мысль мою узнать могла бы...
Эта мысль: уйдемъ съ балкона,
Мнѣ всхрапнуть давно пора бы“...

ЖЕСТОКІЙ РОКЪ

(Изъ житейскихъ параллелей).

I.

Давно ль въ мечтахъ моихъ она
Была поэзіи полна;
О ней я думалъ день и ночь,
Жить было безъ нея не въ мочь...
И былъ готовъ, чтобъ не страдать,
За мигъ свиданья жизнь отдать...
Такъ проклиная злой свой рокъ,
Я говорилъ:—Какъ онъ жестокъ!"

II

Теперь не то... Теперь она—
Моя законная жена
И потому, чуть утра свѣтъ—
Я слышу рѣчи про обѣдъ,
А цѣлый день вокругъ меня
Идетъ ужасная возня:
„Бебе“ реветъ, визжитъ щенокъ .
— О. Боже! Какъ жестокъ мой рокъ!

ВЫ КУРИТЕ!

И такъ Вы курите—напрасно,
Вамъ это не къ лицу совсѣмъ.
Вы сами знаете прекрасно,
Что это вредъ приносить всѣмъ.
Мнѣ кажется, изящной дамѣ,
Какъ Вы—кумиру всѣхъ людей—
Парить достойнѣй въ оиміамъ
Похвалъ и пламенныхъ рѣчей,
Чѣмъ пачкать ротикъ свой прелестный,
Опустошая портсигаръ,
И портить цвѣтъ лица чудестный.
Куря день цѣлый, какъ гусаръ.
Положимъ, жизнь не что иное,
Какъ только дымъ—все пропадетъ...
Все намъ когда-то дорогое
Забвенья пепель погребъ тѣ.
Но я жалѣю Ваши зубки—
Къ чему имъ траурный нарядъ?
Зачѣмъ коралловыя губки
Впиваютъ никотина ядъ?
Тѣ губки, чьей отравой сладкой
Упиться всякій бы мечталъ,
Съ которыхъ хоть бы разъ украдкой
Я поцѣлуй сорвать желалъ,
Вы безпощадно осквернили—
Онѣ свѣжѣе были розъ,
И такъ заманчиво сулили
Волшебный міръ блаженныхъ грезъ!

Муха.

МЕЧТА.

Бѣдень я—бѣдна Анета,
 Но взаимная любовь
 Намъ судьбой дана за это,
 Согрѣвая духъ и кровь.
 Рано свыклись мы съ нуждою,
 Нашъ обѣдъ—не каждый день.
 И смущаетъ насъ порою
 Горя сумрачная тѣнь.
 Но не шлемъ тогда проклятья
 Мы съ Анетой долъ злой:
 Поцѣлуи и объятія
 Примираютъ насъ съ судьбой.
 Лишь проносятся мечтанья:
 Хорошо бѣ, когда въ рубли
 Наши пылкія лобзанья
 Превратиться бы могли...
 Суммой круглою, большою
 Обладали бѣ мы теперь—
 И нужда своей клюкою
 Не стучала бы къ намъ въ дверь...
 Вакхъ С.

Прогулка въ горахъ. Крымъ.

Въ криму.

Въ Оріандѣ, поздней ночью
При сіяющей лунѣ,
Шепчетъ рыцарь современный
Юной дѣвѣ въ тишинѣ:
— Ты, кумиръ, источникъ счастья,
Страсть зажгла въ моей крови!
Ты—самъ геній воплощенный
Чудодѣйственной любви!
Ты—души моей святыня,
Ты—восторгъ моей мечты,
Представительница дивной
Идеальной красоты!
Я влюбленъ въ тебя безумно
И клянусь тебѣ луной,
Чернымъ моремъ, Оріандой,
Четырдагомъ, Дерикой,
Чуфуть-Кале, Кизиль-Коба,
Ай-Тодоромъ, Учанъ-Су,
Ай-Петри, Бахчисараемъ,
Аюдагомъ, Карасу,
Паркомъ, рошей, виноградомъ,
Всѣмъ, чѣмъ я теперь лечусь!
Каждымъ листикомъ на вѣткѣ
Каждой вѣткою клянусь...
Не подумай, что въ приданомъ
Упоенія секретъ!?
Для меня ты—все земное:
Слава, жизнь, любовь и свѣтъ!
Знаю я, „не въ деньгахъ счастье“,
Предъ любовью деньги—тля!
Хоть, конечно, крѣпко вѣрю
Въ силу глупаго рубля.
Но твои сто тысячъ, право,
Съ пыломъ сердца не сравнять...
Дѣва томно перебила:
— Нѣтъ, за мною только пять!
— Пять? Какъ пять?.. А мнѣ сказали...
И-да, другой тутъ разговоръ...
И ушелъ, сказавъ съ улыбкой:
— *Je vous aime, je vous adore!*

М. Шевляковъ.

Бабые лѣто.

I.

Что за чудная картина!—
 Сверху солнце такъ и льетъ!..
 Вся домашняя скотина
 Дикимъ голосомъ оретъ!
 Быкъ—мычить, мычать коровы,
 Боровъ радостно визжитъ
 И подъ темный сводъ дубровы,
 Хвостъ задравъ, стремглавъ бѣжитъ!

II.

Бабые лѣто! бабые лѣто!
 Буйно прыгая въ груди,
 Сердце нѣжнаго поэта
 Дорогой кричить: „Приди!“
 Но... не выйдетъ дорогая!
 Не придетъ въ твой темный садъ!—
 Ибо, мужу помогая,
 Няньчить грязныхъ поросятъ!

III.

Да! Прошла пора иллюзий;
 Пахнетъ въ воздухѣ зимой..
 Былъ я: „милымъ, скромнымъ Кузей“,
 Сталъ „назойливымъ Кузьмой!“
 И—какъ скоро: въ двѣ недѣли!
 Въ двѣ недѣли стать другимъ!—
 Ну, не чудо-ль, въ самомъ дѣлѣ?...
 Честь и слава „дорогимъ!“

IV.

Честь и слава милымъ дѣвамъ!
 Да цвѣтутъ изъ года въ годъ,
 Незнакомыя съ припѣвомъ:
 „Благодѣтельный расчетъ!“
 Честь и слава, дорогая!
 Да поетъ со мною всякъ,

Гимны звучные слагая
Въ честь тебя, законный бракъ!

V.

Свѣтлоокая Мадонна,
Дѣтской грезы идеалъ—
Растолстѣла, какъ колонна,
Въ мірѣ теплыхъ одѣялъ.
Вѣчно возится съ печеньемъ,
Носить трепаный халатъ
И съ великимъ увлеченьемъ
Фабрикуетъ поросятъ!

VI.

На деревья—солнце льется,
Золотя верхушки липъ;
У колодца раздается
Монотонный, долгій скрипъ...
Гдѣ дождей недавнихъ слякоть?..
Vivat, яркіе лучи!..
Но... Однако,—будетъ плакать!
Слышишь, сердце?—замолчи!..

Василій Нязевъ.

«Любовь—морковь»

Неожиданный выводъ.

Дочь, блондиночка живая,
И рѣзка и весела,
Въ кабинетъ вошла, сіяя,
И къ папашѣ подошла:
„Папа, папа, какъ ни странно,
Я довольна этимъ днемъ:
Петръ Петровичъ мнѣ неожиданно
Написалъ сонетъ въ альбомъ“!

Но съ заботой очевидной
На нее взглянулъ отецъ:
Хочетъ онъ, дѣлецъ солидный,
Чтобы зятемъ былъ дѣлецъ.
Въ руки взявъ альбомъ тревожно,—
Чтобы дѣло разузнать,
Сталъ стихи онъ осторожно
И внимательно читать.

Онъ читалъ,—и отчего-то
Съ просвѣтлѣвшаго чела
Понемножечку забота
Исчезала—и прошла;
И отбросивши тревогу,
Онъ отбросилъ и сонетъ:
Нѣтъ, женихъ твой, слава Богу,
Совершенно не поэтъ“!..

Лель.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ВЪ АЛЬБОМѢ БАРЫШНИ.

Альбомъ не начать Вашъ. Листы
Его свѣжи—какъ Вы душою;
Какъ мѣсяца лучи чисты,
Бѣлы, какъ ландыши весною.
Его страницы будутъ жить
О прошломъ Вамъ напоминая—
Не разъ придется имъ служить
Любовь иль ревность отражая!
Смотря на нихъ, хочу мечтать
О разсужденьяхъ длинныхъ, скучныхъ,
Иль о стихахъ, гдѣ воспѣвать
Васъ станутъ въ риѣмахъ благозвучныхъ!
Жизнь Ваша, какъ и Вашъ альбомъ —
Въ ней рядъ пустыхъ страницъ найдется:
Въ Васъ сердце спитъ спокойнымъ сномъ,
Пока въ немъ чувство не проснется!

Подъ вѣткой сирени.

(Безконечное стихотворение).

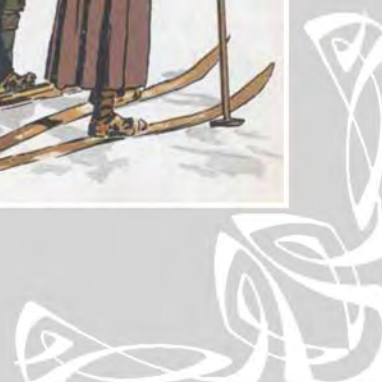
Подъ душистою вѣткой сирени
Предъ тобой я упалъ на колѣни;
Ты откинула кудри за плечи,
Ты шептала мнѣ страстныя рѣчи,
Ты склонила стыдливо рѣсницы...
А въ кустахъ заливались птицы,
Стрекотали немолчно цикады...
Сливъ уста и объятъя и взгляды,
До зари мы съ тобою сидѣли
И такъ сладко-мучительно млѣли...
А когда золотистое утро
Показалось въ лучахъ перламутра,
Ты сказала, открывъ свои очи:
„Милый, вновь я приду къ полуночи,
Вновь мы сядемъ подъ вѣткой сирени,
Ты опять упадешь на колѣни,
Я закину вновь кудри за плечи
И шептать буду страстныя рѣчи,
Опущу я стыдливо рѣсницы,
И въ кустахъ защебечутъ вновь птицы...
Просидимъ мы, о милый мой, снова
До утра, до утра золотого...
И когда золотистое утро
Вновь заблещетъ въ лучахъ перламутра,
Я скажу, заглянувъ тебѣ въ очи:
„Милый, вновь я приду къ полуночи,
Вновь мы сядемъ подъ вѣткой сирени...
(И такъ далѣе, безъ конца).

В. П. Буренинъ.

«Любовь—морковь»

БАРКАРОЛЛА.

Золотистымъ заревомъ заката
Даль небесъ расцвѣчена богато.
День угасъ... Давно замолкли въ селлахъ
Звуки пѣсенъ шумныхъ и веселыхъ,
Все вокругъ насъ спитъ крѣпко, непробудно..
Милый другъ, садись скорѣй на судно!
Скоротечна ночь на сѣверѣ, Лизета!
Вонъ полоска алая разсвѣта
Заблестала ярко на востокѣ.
Чу! Бѣгутъ шумнѣе съ горъ потоки,
Хоры птицъ запѣли въ рощахъ чудно..
Милый другъ, садись скорѣй на судно!
О, спѣшимъ! Ты чувствуешь ли, Лиза,
Дуновенье ласковаго бриза?
Намъ пора! Проснутся люди вскорѣ,
Мы должны, не медля, выйти въ море,
Ждать на рейдѣ дольше безразсудно..
Нѣжный другъ, спѣши скорѣй на судно!

Жарко вѣтъ вѣтеръ душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною сводъ воздушный,
Словно синее стекло.
Сухо пахнуть иммортели
Въ разметавшейся кость,
На стволѣ корявой ели—
Муравьиное шоссе.
Прудъ лѣниво серебрится,
Жизнь по новому легка...
Кто сегодня мнѣ приснится
Въ легкой сѣткѣ гамака?

А. Ахматова

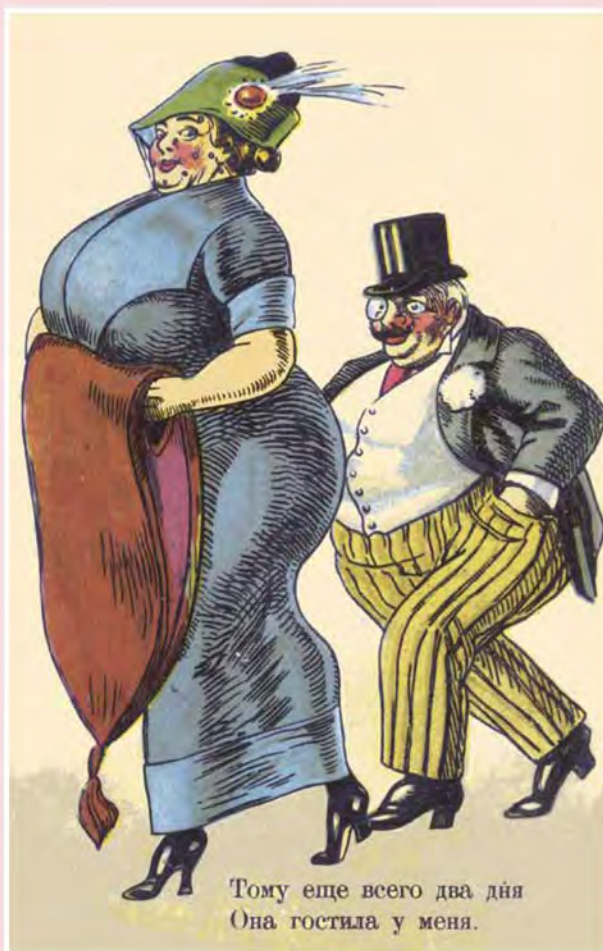
ГРЕЗЫ ВЪ СВАДЕБНЫЙ СЕЗОНЪ.

Обычный свадебный сезонъ.
Запахло флеръ д'сранжемъ,
И снится мнѣ подъ свѣтлый звонъ:
Блаженный сонъ, чудесный сонъ
Вѣнчаюсь я съ монъ анжемъ.

—
То было десять лѣтъ назадъ,
Но сонъ времянь не знаетъ.
Я счастьемъ точно Крезъ богатъ,
И, какъ дуракъ вѣнчанью радъ,
Лицо какъ блинъ сияетъ.

—
Увы, не дологъ сонный бредъ!
Я слышу голосъ звѣря
(Имъ анжъ мой сталъ чрезъ двадцать лѣтъ).
„Ты встанешь, наконецъ, иль нѣтъ?
О, сонная тетеря!“

Мужъ.

Тому еще всего два дня
Она гостила у меня.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

То было тридцать лѣтъ назадъ...
Съ тобой я встрѣтился случайно,
И помнится, что чрезвычайно
Тогда я встрѣчѣ той былъ радъ...

.....
Но тридцать лѣтъ не малый срокъ...
Вчера мы встрѣтились вторично:
Ты улыбнулась политично,
И я улыбки скрыть не могъ!..

WALTZ ME AROUND AGAIN WILLIE.

СОКРАТЪ И Я.

Есть много общаго съ Сократомъ у меня:
Во-первыхъ—знаю я, что ничего не знаю;
Затѣмъ: я—лысь, я—старъ; спокойствіе храня,
Я рѣчи мудрыя охотно расточаю.
И я не разъ давалъ дорогу дуракамъ;
И, наконецъ, жена моя—того-же типа,
Такая-жъ милая и кроткая мадамъ,
Какой была покойная Ксантиппа...

РОМАНСЪ.

Я голубемъ воркую,
Пою тру-ля-ля-ля,
Въ свою Перепетую
Влюбленъ безумно я.

—
Пусть лысь я, какъ колѣно,
Пусть носъ мой толстъ и сизъ,
Она—моя Елена,
А я—ея Парисъ!

—
Въ ея объятяхъ жарко,
Какъ въ кухнѣ! тру-ля-ля!..
Она—моя кухарка,
Столоначальникъ я!..

Аликберъ.

И НЕ ДУМАЛЪ НЕ ГАДАЛЪ
ЧТОБЪ НА ФРУКТЪ ТАКОЙ НАПАЛЪ

«Любовь—морковь»

А. Гильом. Соболезнование

Дальнозоркость.

Предусмотрительныхъ на свѣтъ много женъ!
Вотъ фактъ вамъ, вѣрьте, иль не вѣрьте:

Жестокою чухоткою сраженъ,
Супругъ лежалъ на ложѣ смерти;
А вблизи него, супруга молодая
Сидѣла бѣдная, въ отчаяньи рыдая...
„Ну, полно, Саша, горевать!“
Сказалъ ей мужъ полу-серьезно,
„Вѣдь рано ль, душенька, иль поздно
А всѣмъ придется умирать...
Моя голубка, другъ безцѣнный,
Тебя предъ смертью я молю,
Дай слово мнѣ, что непременно
Исполнишь волю ты мою:
Съ Петромъ Петровичемъ друзьями
Росли мы чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ:
Онъ опытенъ и знаетъ свѣтъ,
Умень, не старѣ еще годами.
Съ деньжонками, а главное—добрякъ.
Дай слово, что меня зарывши
И трауръ вдовій свой отбывши,
Съ нимъ во второй ты вступишь бракъ!“
— „Все, кромѣ этого, исполнить я готова!“

Moderne Barmherzigkeit.
Nackte bekleiden.
ROBERT SCHIFF pinx.

Les sept Actions de Miséricorde.
Habillant ceux qui sont nus.

ROBERT SCHIFF.

Die Tugenden der Menschheit.
Furcht des Herrn.

Moderne Barmherzigkeit.
Trauernde trösten.
ROBERT SCHIFF pinx.

Les sept Actions de Miséricorde.
Consolant ceux qui pleurent.

Городская сказка.

Профиль тоньше камен,
Глаза, какъ спѣлыя сливы,
Шея бѣлѣ лилеи
И станъ, какъ у лэди Годивы.

Дѣву съ душою бездонной,
Какъ первая скрипка оркестра,—
Недаромъ прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Пришелъ къ мадоннѣ филологъ,
Фаддѣй Семеновичъ Смяткинъ.
Разсказъ мой будетъ недологъ:
Филологъ влюбился по пятки.

Влюбился жестоко и сразу
Въ глаза ея, губы и уши,
Цѣдилъ за фразою фразу,
Томился какъ рыба на сушѣ.

Хотѣлось быть ея чашкой,
Братомъ ея или теткой,
Ея эмалевой пряжкой
И даже зубной ея щеткой!..

—Устали, Варвара Петровна?
О, какъ дрожать ваши ручки!
Шепнулъ филологъ любовно,
А въ сердце вонзились колючки.

„Устала. Вскрывала студента:
Трупъ былъ жирный и дряблый.
Холодъ... Сталь инструмента—
Руки, конечно, иззябли.

Потомъ у Калинкина моста
Смотрѣла своихъ венеричекъ,
Устала: ихъ было до ста.
Что съ вами? Вы ищете спичекъ?

Спички лежатъ на окошкѣ.
Ну, вотъ. Вернулась обратно,
Вынула почки у кошки
И зашила ее аккуратно.

Затѣмъ, мнѣ съ подругой достались
Препараты гнилой пуповины.
Потомъ... былъ скучный анализъ:
Выдѣленье въ мочѣ мочевины...

Ахъ, я! Прошу извиненья:
Я роль хозяйки забыла—
Коллега! Возьмите варенья,—
Сама сегодня варила“.

Фаддѣй Семеновичъ Смяткинъ
Сказалъ беззвучно: „спасибо!“
А въ горлѣ комъ кислосладкій
Бился, какъ въ неводѣ рыба.

Не хотѣлось быть ея чашкой,
Ни братомъ ея и ни теткой,
Ни ея эмалевою пряжкой,
Ни зубной ея щеткой!

Саша Черный

«Любовь—МОРКОВЬ»

ВЕСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ.

У брандмейстера Сыся
 Есть невеста-дочка Зоя.
 Зацвели въ саду цвѣточки,
 Соловьи въ кустахъ запѣли,—
 У Сысоевой у дочки
 Глазки страстью заблестѣли.
 Всполошился старичина:
 Не влюбилась ли дивчина?
 Не весны ли чаровницы
 Чары чувствуетъ сердечко?
 Не купить ли для дѣвицы
 Обручальное колечко.
 Не къ родителямъ ли хватовъ
 Засылатъ Сысю сватовъ?
 Но къ кому? Вопросъ Сыся
 Этотъ мучить, жжетъ и гложетъ.
 А хорошенькая Зоя
 Даже словомъ не поможетъ!
 И не знаетъ старичина,
 Что сама еще дивчина
 Не пойметъ, кого такъ любить
 Въ ночи сладостнаго Мая,
 И пока равно голубить
 Митю, Степу, Ермолая...

А.

Современный романъ.

Изъ дневника курсистки.

I.

Кто онъ, безшумный, словно тѣнь
За мною ходитъ ночь и день?
Кто онъ? Брюнетъ, шатенъ, блондинъ
Высокій, стройный господинъ
Вчера, слѣдя за мной, промокъ,
Найти извозчика помочь.

II.

Вчера, чтобъ виду не подать,
Съ городовымъ вдругъ разсуждать
Пустился онъ о семь, о томъ.
За мною двинулся потомъ,
Но я, храня дѣвичью честь,
Въ трамвай одна успѣла сѣсть.

III

Вчера спросила:—гдѣ пройти
Въ театръ и какъ его найти?
Глаза расширивъ словно ракъ,
Онъ мнѣ отвѣтилъ: точно такъ!..
Смущенъ, бѣдняжка, вѣрно былъ...
Немного глупъ, но очень милъ.

IV.

Звонокъ.—„Письмо“! Открыли дверь.
(Дрожу отъ страха и теперь)...
Отрядъ полици и... ахъ!..
Я на моментъ забыла страхъ...
Изумлена: ихъ ввелъ блондинъ,
Высокій стройный господинъ.

Трель.

ИЗЪ ЖЕНСКИХЪ МОНОЛОГОВЪ.

Отчего межъ нами ссора
Вдругъ вчера произошла?
Помню лишь, что изъ за вздора
Я была немного зла.

* * *

Злости не былъ онъ причиной,
Но не во время пришелъ
И меня съ суровой миной,
Съ гнѣвной рѣчью онъ нашелъ.

* * *

Гнѣва кризисы жестоки,
И пришлось тогда ему
Слышать грозные упреки,
Неизвѣстно почему.

* * *

Онъ простился безъ возврата,
Сжавши голову свою...
Я, конечно, виновата,
Откровенно сознаю.

* * *

Впрочемъ, врядъ ли приключится
Изъ за этого бѣда:
Онъ придетъ и... извинится...
Я... прошу его тогда...

Л.

«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

АПЕЛЬСИНЪ.

Вы сидѣли въ манти на скалѣ,
Обхвативши руками колѣна.
А я—на землѣ,
Тамъ, гдѣ таяла пѣна,—
Сидѣлъ совершенно одинъ
И чистилъ для васъ апельсинъ.
Оранжевый плодъ!
Терпко-пахучій и плотный...
Ты наливался дремотно
Подъ солнцемъ гдѣ-то на югѣ,
И долженъ сейчасъ отправиться въ ротъ
Къ моей серьезной подругѣ.
Судьба!
Пепельно-сизыя финскія волны!
О чемъ она думаетъ,
Обхвативши руками колѣна
И зарывшись глазами въ шумящую даль?
Принцесса! Подите сюда.
Вы не поэтъ, къ чему вамъ смотрѣть,
Какъ вѣтеръ колотить воду по чреву?
Вотъ вашъ апельсинъ!
И вотъ вы встали.
Раскинувъ малиновый шарфъ,
Отодвинули вѣтку сосны
И безмолвно пошли подъ смолистымъ навѣсомъ,
Я за вами—умильно и кротко.
Вашъ вѣтеръ изящно билъ комаровъ—
На бѣлой шеѣ, щекахъ и ладоняхъ.
Одинъ, какъ тигръ, укусилъ васъ въ проборъ,
Вы вскрикнули, топнули гнѣвно ногой
И спросили: «Гдѣ мой апельсинъ?»
Увы, я молчалъ.
Задумчивость, мать томносонной мечты,
Подбила меня на ужасный поступокъ...
Увы, я молчалъ!

Саша Черный

Нѣмецкая любовь.

Ночь тиха, туманъ на рѣчкѣ,
Звѣзды на небѣ горятъ.
Готлибъ съ Мальхенъ на крылечкѣ
Нѣжно, сладко говорятъ...
Не о томъ, что небо ясно,
Что сіяютъ звѣзды въ немъ,
Не о томъ, что ночь прекрасна,—
Говорятъ они о томъ,
Что провизія ужасно
Дорожаетъ съ каждымъ днемъ.

П. В. Шумахеръ.

Ф. Резничеъ.
Ай! — не, входите.

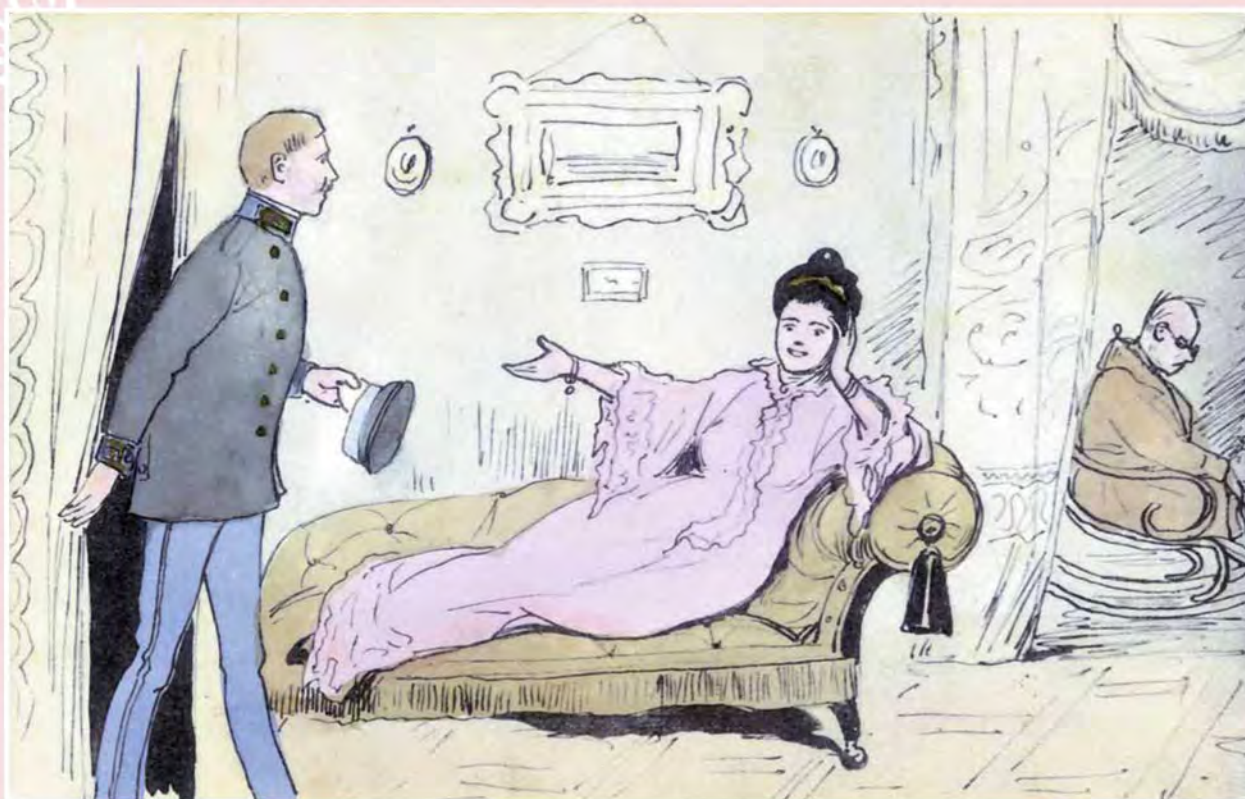
F. v. Reznicek
Später Besuch

Ф. Резничеъ.
До свиданія.

F. v. Reznicek. Au revoir.
F. v. Reznicek. Auf Wiedersehen.

Послѣдній поцѣлуй.

(Разсказъ прислуги).

Какъ это было—сейчасъ разскажу:
 Барыня съ гостемъ шу-шу да шу-шу,
 Гость нашу барыню—чмокъ!
 Баринъ съ кровати какъ—скокъ!
 Барыня—въ кресла и—ахъ!
 Баринъ на гостя и—трахъ!
 Гость; „О го-го!“
 Да—на него!
 Только... того!
 Баринъ нашъ—во!
 Гость передъ бариномъ—тьфу!
 Баринъ его здѣсь,—и ну!
 Ужъ и сюда!
 Ужъ и туда!
 Знай, только хлопъ все, да хлопъ
 Послѣ за шиворотъ цопъ!
 Въ двери—и похъ!
 Гость только: „Охъ“!
 Съ лѣстницы слышимъ мы, тар-тарфарффы!
 — И не видать съ той поры.

Жуковъ.

ПРІЯТНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Я помню чудное мгновенье:
Сидѣлъ въ саду съ тобою я
И объяснялъ любви значенье,—
Ты жъ млѣла, милая моя...

Я помню страшное мгновенье:
Я цѣловалъ тебя въ уста—
Явился, вдругъ, какъ привидѣнье,
Твой мужъ-атлетъ изъ-за куста...

Я помню цѣлый рядъ мгновеньй,
И вѣчно помнить буду ихъ:
Когда твой мужъ привелъ въ движеніе
Всю силу мускуловъ своихъ...

ВОПЛЬ.

Ты зрѣла ли сердце въ зіяющей щели
Истерзанной страшно груди?
Могла ли обѣдать въ тотъ день ты, ужели,
Въ виду столь кровавой бѣды!
Зачѣмъ же ты глачешь? Зачѣмъ не хохочешь?
Зачѣмъ же, злой духъ красоты,
Меня ты слезой крокодиловой мочишь?
О, дѣва коварная ты!!

Леля.

Р
азсказать вамъ, что ли
О Лелѣ?

Звалась она Лелей.
Съ какою охотой и волей
Ее выбирали
И съ ней танцовали,
Еще въ институтѣ,
Кадеты,
Корнеты
И tutti
Quanti—
Все франтъ на франтъ!

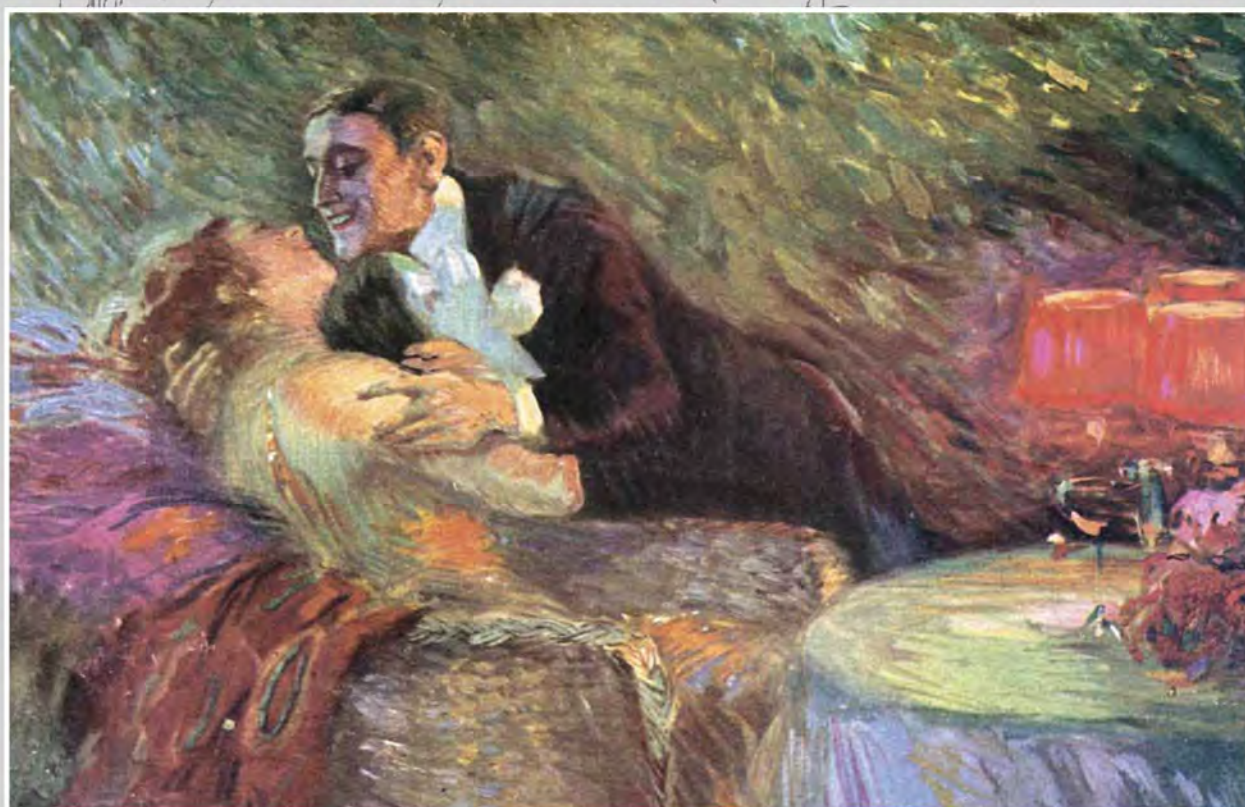
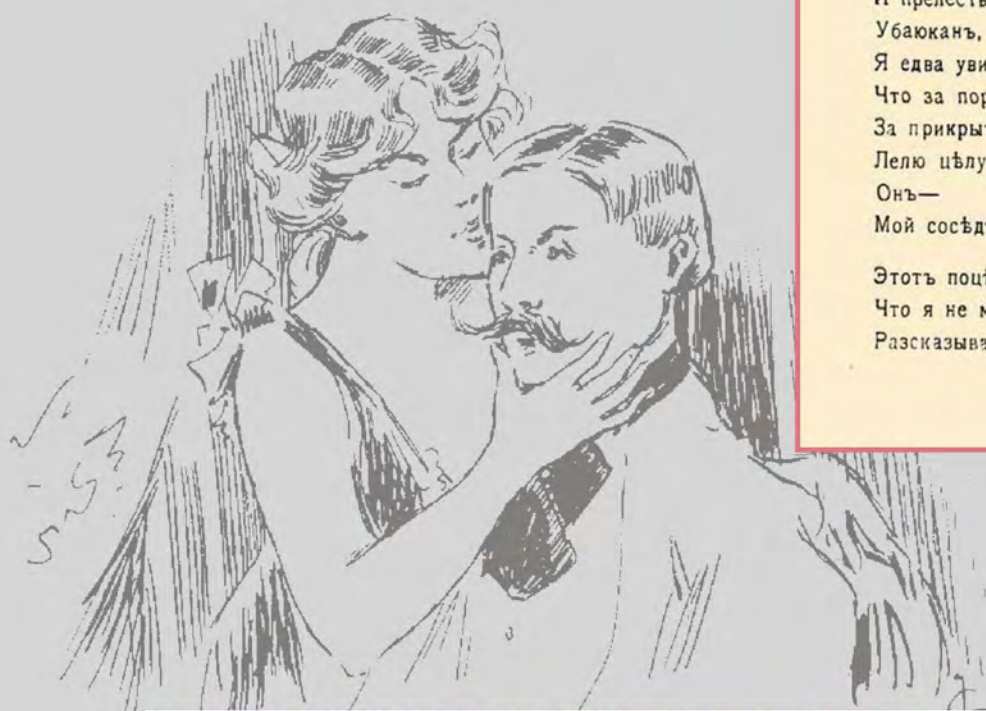
Свѣтлой блондинкой
Голубоглазой
Она родилась.
Когда предо мной,
Этой весной,
Она появилась—
Единой фразой
И половинкой
Мнѣ данной груши
Плѣненъ я былъ,
Развѣсилъ уши
И позабылъ
И о Надюшѣ,
И о Катюшѣ.
Развалившись въ креслѣ,
Мечталъ я, что будетъ, если
Я женюсь на Лелѣ?
Будутъ у меня дѣти—
Все Лели да Пети,
Будутъ учиться въ школѣ...
Буду ходить въ халатѣ,
Спать на двуспальной кровати,
Буду ѣсть пирожки за обѣдомъ,
Играть въ винтъ съ сосѣдомъ,

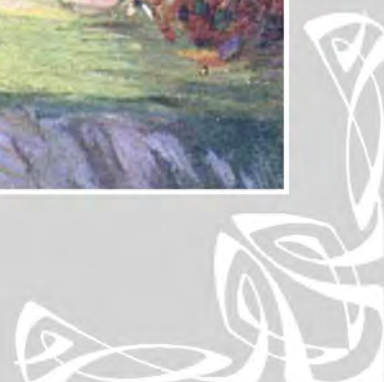
Цѣловать мимоходомъ
 Лелю и въ шейку и въ глазки,
 Не смущаясь народомъ...
 И прелестью сказки
 Убаюканъ,
 Я едва увидѣлъ,
 Что за портьерой,
 За прикрытіемъ суконъ,
 Лелю цѣлуетъ безъ мѣры
 Онъ—
 Мой сосѣдъ—баритонъ...

Этотъ поцѣлуй меня такъ обидѣлъ,
 Что я не могу безъ боли
 Рассказывать больше о Лелѣ.

Потемкинъ.

«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Обыкновенная исторія.

Глава I.

Взявъ манеру газетъ въ образецъ,
За разсказъ свой примусь безъ печали я,
А сюжетъ самъ придетъ подъ конецъ...
(Продолженіе слѣдуетъ далѣе.)

Глава II.

Заразителенъ всякій примѣръ,
Какъ мыслитель одинъ проповѣдуетъ.
Разъ забрелъ въ Царскосельскій я скверъ...
(Продолженіе далѣе слѣдуетъ.)

Глава III.

То былъ вечеръ холоднаго дня,
Но вѣдь пылокъ я самъ, какъ Италия,
И Везувій въ груди у меня...
(Продолженіе слѣдуетъ далѣе.)

Глава IV.

Я подъ шляпки смотрю и иду
Съ думой: „кто же со мной побесѣдуетъ?
Вдругъ блондинка мелькнула въ саду...
(Продолженіе далѣе слѣдуетъ.)

Глава V.

Незнакомка воздушна, какъ тѣнь;
Стебель розы—изящная талія,
И я сталъ неподвижно, какъ пенъ...
(Продолженіе слѣдуетъ далѣе.)

Глава VI.

Дама сѣла—сосетъ апельсинъ,—
Кто она, это Богъ только вѣдаетъ...
Съ ней оставшись одинъ на одинъ...
(Продолженіе далѣе слѣдуетъ.)

Глава VII.

Растерялся я... даже во рту
 Не могла удержаться регалия,
 Но поймавши ее на лету...
 (Продолжение слѣдуетъ далѣе.)

Глава VIII.

Я передъ дамой согнулся въ серсо,
 А она мнѣ: „monsieur гдѣ обѣдаетъ?
 Не хотите ли ѣхать къ Дюссо?“
 (Продолженіе далѣе слѣдуетъ.)

Глава IX.

Я конечно, былъ радъ отъ души,—
 Погасилъ съ нею скуку въ бокалѣ я;
 А потомъ въ полуночной тиши...
 (Продолженіе нужно ли далѣе?)

Д. Д. Минаевъ.

«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

ДРУЖЕСКИЙ СОВѢТЪ.

Другъ! Если хочешь вкушать наслажденья
Гирляндами радостной жизни обвитый,
Тогда, безъ изытъя и безъ исключенья
Всѣхъ женщинъ люби ты.
Но если желаешь не знать безмятежной
Спокойной, счастливой единой минуты,
Люби безразлично, глубоко и нѣжно
Лишь только одну ты.

Т.

MARY JANE'S MEMOIRS BY GEO. R. SIMS.
№ 6. Fetching the Doctor (Memoir XXI)

ПРИЧИНА.

Я на дняхъ плутовку Лизу
Вздумалъ грозно упрекнуть:
—«Признаюсь, не ждалъ сюрприза!
Ты къ другому стала лнуть»?!

Изумленная дѣвица,
Защищаясь, говорить:
—«Виноваты «третьи лица»
Въ томъ, что сердце мое спить».

—«Виновато въ этомъ — лѣто,
Безпрестанные дожди...
Какъ пройдетъ лишь только это —
Ворочусь я, подожди».

—«А пока — всѣ ощущенья
И лобзаній нервный жаръ
Залилъ дождикъ, нѣтъ сомнѣнья,
Потушивъ любви пожаръ»...

А.

ОБМАНУТАЯ МЕЧТА.

На росистой травѣ вечеркомъ
Мы съ Володей присѣли тайкомъ,
И Володя, любезенъ и милъ,
О любви мнѣ своей говорилъ.
Онъ шепталъ мнѣ: «Блаженство насъ ждетъ»!—
Но загадывать трудно впередъ:
Не блаженство любви ждало насъ,
А, увы, поджидалъ... ишіасъ!

В.

ОШИБОЧКА.

Съ кузиной мы малину рвали.
Кузина сильно дэкольтэ.
Я близорукъ. Очки упали...
Кричу: «Кузина, permettez!
У васъ двѣ ягодки малины,
Пристали здѣсь, на кружева»!
И пальцемъ до груди кузины
Коснулся я чуть-чуть... едва...
Кузина глазки опустила
И вся зардѣлась со стыда.
Меня догадка осѣнила...
Да, близорукимъ быть—бѣда!

Р.

ВСЕ РАВНО!

Ты на каткѣ зимой каталась,
Въ твоей душѣ былъ холодъ, ледъ,
И ты суровѣ казалась
Всѣхъ зимнихъ вьюгъ и непогодъ...

— — —
Пришла весна; лучами свѣта
Растопленъ ледъ, бѣжитъ волна,
И грудь твоя полна привѣта,
И ты чаруешь, какъ весна...

— — —
Тутъ все—поэзія, но прозы,
Другъ! съ плечъ я все же не страхну:—
Зимой платилъ я за морозы,
Теперь плачу я за весну...

ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

Весь исполненный экстаза,
Страстию сгорая,
Палъ предъ ней я на колѣни,
Чувства изливая.

Но она, вскочивъ проворно,
Вдругъ меня прервала:
— «Что вы! что вы! какъ не стыдно!
Вотъ не ожидала!

«Вы? пріятель близкій мужа!
Развѣ такъ ведется?
Хорошо, что мужъ сегодня
Рано не вернется...

«А вѣдь ставни не закрыты,
Вотъ бы вышло мило!»
И затѣмъ, какъ бы случайно,
Лампу погасила...

ЭТИМЪ НЕ ШУТЯТЪ.

Онъ пылалъ любовью тайно,
Ждалъ удобнаго момента;
Дождался его случайно
И сказалъ два комплимента.

Награжденъ онъ былъ улыбкою,
Но вполнѣ не ободренный
Шелъ онъ словно почвой зыбкою,
Ближе къ цѣли, но смущенный.

Озадачена не мало
Нерѣшительностью тона,
Наконецъ, она вскричала
Словно римская матрона:

«Вы заходите далеко:
Неумѣстны эти шутки...
Мужъ проучить васъ жестоко
За такія прибаутки».

Выраженіе было грозно...
Онъ, рѣшившись, бухнулъ смѣло:
«Я не въ шутку, а серьезно».
— Ну, тогда другое дѣло...

ПОДЪ КАРТОЧКОЙ СОВРЕМЕННОЙ КРАСАВИЦЫ.

Да! прическа ваша—идеаль, конечно!
Коса безподобна—это общій голос!
Но признаться долженъ вамъ чистосердечно:
Вашимъ волосамъ не вѣрю ни на волос!

А вашъ цвѣтъ лица-то, вашъ румянецъ свѣжій,
Вашихъ пухлыхъ щечекъ колоритъ античный?..
Головой клянусь: надо быть невѣждой,
Чтобъ не восхищаться химіей фабричной.

Все тѣлосложение первообразъ нормы;
Всѣ статьи такъ пышны, красотой богаты!
Знать однако-жъ надо-бъ для оцѣнки формы;
Гдѣ конецъ натуры и начало ваты?

Любопытный.

ПОЧЕМУ?

На другого меня промѣняла,
Улыбаешься нѣжно ему...
Не приходишь ко мнѣ, какъ бывало...
Скажи, почему?

Мы клялись быть съ тобой неразлучны..
Сердцу вѣрилъ я такъ твоему!
Надобѣлъ я тебѣ, стало скучно?..
Скажи, почему?

Или золоту, камнямъ, нарядамъ,—
Въ угоду, чортъ знаетъ чему
Измѣнила ты собственнымъ взглядамъ?..
Зачѣмъ? Почему?

Но, прости, меня гложетъ сомнѣнье...
И я все-таки вѣрю тому
Что сама ты придешь къ заключенью:
— «Зачѣмъ? Почему?».

N.

Угаръ любви проходитъ быстро.

ХОТЬ.

Я скучаю... Я устала...
 Надоѣлъ мнѣ этотъ «свѣтъ»:
 И концертъ, и пышность бала,
 И катанье, и банкетъ.
 И побѣды мнѣ постыли...
 Гдѣ же счастье найти?
 Въ монастырь ли скрыться или,
 Въ филантропію пойти!
 Иль отдать себѣ наукѣ,
 Иль поэму сочинить!?.
 Или попросту, отъ скуки,
 Хоть ужъ мужа полюбить!

ЭЛЕМЕНТЫ ЖИЗНИ.

Изъ элементовъ двухъ сложилась
 Жизнь міровая и, ей-ей,
 Нѣтъ смысла ныть намъ, что случилось
 Тебѣ женою стать моей:—
 Я—мракъ, ты—свѣтлый лучъ—во мракѣ,
 Я—ледъ, а ты огня полна;
 Тебѣ я вѣренъ какъ собака,
 Ты измѣняешь, какъ волна...
 И вотъ,—бой жизни неустанный,
 Двухъ элементовъ жизни споръ...
 И все-жъ разлука, другъ мой странный,
 Для насъ грознѣе, чѣмъ топоръ:—

ПОСЛѢ БРАКА.

Ночь свѣтла. Ты такъ красива,
Мы вдвоемъ.
Соловьи поютъ на диво
За окномъ.
Но на что намъ эти трели
И весна?
Я—супругъ твой съ той недѣли,
Ты—жена...

Тоже поэтъ.

ЗАТРУДНЕНИЕ.

И тебѣ, моя милая крошка, въ альбомѣ
Написать непременно мнѣ надо?
Но стишокъ мой, хоть стукайся объ стѣну лбомъ,
Не выходитъ—такая досада!

Для другихъ я пишу все одно, да одно,
Выхваляя ихъ прелести вѣчно:
Увѣряю, что все имъ природой дано,
И безсовѣстно лгу все конечно.

Но тебѣ мнѣ хотѣлось бы правду сказать,
Востроглазая, рѣзвая крошка!
Много прелестей могъ бы въ тебѣ я сыскать:
У тебя неподобная ножка.

Подбородокъ, и ротикъ, и носикъ такъ милъ,
Сформированъ и бюстъ твой недурно.
Но... что больше всего я въ тебѣ полюбилъ,
Не могу написать... нецензурно!

ЦВѢТЫ ПОЛЕВЫЕ.

Отъ своей неврастеніи
Я рѣшился отдохнуть
И въ деревню, въ глубь Россіи
На іюль направилъ путь,
Какъ ребенокъ, радъ я волѣ:
Въ лѣсъ иду, или въ кусты,
Или рву въ зеленомъ полѣ
Яркопестрые цвѣты.
Но хотя они красивы—
Мой букетъ выходитъ плохъ:
Жгутъ меня листы крапивы,
Колетъ злой чертополохъ.
И тогда, любя живыя
Проявленія красоты,
Я принялся за другіе
Деревенскіе цвѣты:
Хороши Феклуша съ Домной,
Двѣ двоюродныхъ сестры...
Улыбались дѣвы томно,
Отъ меня принявъ дары...
Но когда я сталъ смѣлѣе,—
Плохи сдѣлались дѣла:
Фекла съѣздила по шеѣ,
Домна—въ ухо мнѣ дала.

МАРГАРИТА.

«Хоть стали пошлы и избиты
Всѣ чувства нѣжныя у насъ,
Но гетевскія Маргариты
Еще встрѣчаются подчасъ.

Одну изъ нихъ на дняхъ я встрѣтилъ,
Она мнѣ озарила міръ:
И цвѣтъ волосъ ея такъ свѣтелъ,
И глазки сини, какъ сафиръ;

Какія нѣжныя мечтанья,
Какой наивный разговоръ!
Такого чистаго созданья
И не встрѣчалъ я до сихъ поръ.

Сначала были всѣ старанья
Мои смѣшны въ ея глазахъ...
Но я настойчивъ, и свиданье
Уже назначено на дняхъ.

(Положимъ, что достигъ я цѣли
Мольбами страстными, съ трудомъ)».
—Когда-же?—«Да на той недѣлѣ,
Между средой и... четвергомъ».

Си.

ДОКУМЕНТЪ.

Въ уголкѣ далекомъ парка;
 Пробираясь между вѣтокъ,
 Солнце намъ свѣтило ярко.
 Я явился на свиданье
 И сперва не безъ тревоги
 Нѣжной темы я касался:
 Появленія мамыши
 За кустами опасался.
 Но подумалъ: пусть приходитъ,—
 Отверчусь—вѣдь пунктъ безлюдный.
 И невольно я увлекся
 Предъ моей красоткой чудной...
 На другой же день являюсь
 Къ нимъ на дачу я, и что же:
 На меня ея родитель
 Посмотрѣлъ Катона строже.
 Фотографіи любитель
 Онъ, увы... Съ тоской во взглядѣ
 Вижу я себя на снимкѣ—
 На колѣняхъ предъ Надей.
 Снимокъ чудный (солнце, солнце!)
 Документъ—вполнѣ безспорный,
 И вѣнчанья день назначилъ
 Я, судьбѣ своей покорный.

ЗЕРКАЛО.

Врасплохъ засталъ я, какъ училась
 Она предъ зеркаломъ своимъ:
 То будто хмурилась и злилась,
 То улыбалась передъ нимъ.
 То былъ овалъ довольно длинный
 Рѣзьбой украшенный съ боковъ,
 Работы чудной и старинной
 Венеціанскихъ мастеровъ.
 Отъ современницъ Тиціана
 Его граненое стекло,
 Красавицъ видя постоянно,
 До вѣка нашего дошло.
 Скрывая тайну молчаливо,
 Что нынѣ, какъ и въ тѣ года,
 На взоръ небрежный, жестъ красивый
 Не мало тратится труда;
 И какъ тогда, въ тотъ вѣкъ архивный,
 Хоть онъ теперь отъ насъ далекъ,
 На эту фальшь простакъ наивный
 Идетъ, какъ рыбка на крючекъ.

Заграничная ХРОНИКА

Наследник английского престола, несмотря на то что ему исполнилось всего 19 лет, пережил несколько любовных идиллий. Несколько времени тому назад бабушка принца Уэльского, вдовств. королева Александра, была приятно польщена одним открытием: принц Эдуард все чаще и чаще делает ей визиты и не проходило дня, чтобы он не посетил ее по крайней мере два раза. Но вскоре ей пришлось испытать тягостное разочарование. Оказалось, что внук посещает ее столь часто не столько ради нее, сколько ради ее придворной дамы, леди Далькет. Сердечная тайна наследного принца раскрылась при следующих обстоятельствах. В один прекрасный день портрет леди Далькет исчез с письменного стола вдовствующей королевы. Немедленно были приняты меры к выяснению личности похитителя портрета. Юный принц чистосердечно сознался матери в том, что он «безумно» любит леди, вступившую, кстати сказать, в 5-е десятилетие, что для него нет красивее ее женщины в мире и т. д. Конечно, леди была удалена с пути юного принца, но братья принца Эдуарда долгое время смеялись над его столь неудачно кончившейся идиллией.

Принц, как говорится в старинных романах, зажал рукой сердце и вскоре влюбился в дочь крупного помещика, с которой он свел знакомство совершенно случайно. Застигнутый сильной бурей во время охоты, он вынужден был искать убежища у ее отца и, влюбившись в прелестную провинциальную барышню, весь потонул в лучезарном сиянии ее глаз. С тех пор он стал часто охотиться в прекрасных местах, где обитала его Джульетта. Но и на этот раз будущему королю Англии не удалось скрыть от света свою любовь. Опьяненный волшебным напитком второй по счету любви, он захотел высказать свои чувства в сонете, который он послал на прочтение одному своему другу. Письмо принца попало в руки его воспитателя, и тот не замедлил довести об этом до сведения королевы. Принц немедленно был отозван в Сэндрингам, где он должен был выслушать длинную и отнюдь не занимательную проповедь придворного духовника, не поскупившегося на риторические красоты для того, чтобы убедить принца в необходимости научиться крепко держать в узде свои чувства. Принц обещал исправиться.

Женское дело, № 4, 1914

А. Гильом. Сцена

В Америке одной из предприимчивых американок, Кюртис Лесли, основан особый институт для девиц, где преподается искусство быть женою. Лесли пришла к заключению, что в Америке слишком много разводятся, и поэтому девушек нужно обучить жить в супружестве.

Институт открыт в Рено, в штате Невада. Каждая девица, достигшая совершеннолетия и предполагающая выйти замуж, поступает в институт на шесть месяцев, где проходит семь важных курсов, которые делают из нее идеальную супругу.

На первом курсе внушается твердая уверенность, что прочность семейного очага зависит не от красоты лица супруги и не от каких-либо других физических качеств.

На втором преподается домашнее хозяйство и поварское искусство; он находится в ближайшей связи с третьим курсом, на котором наглядно показывается, как не следует вести домашнее хозяйство, и для большей убедительности студенток водят по домам разведенных жен, целая колония которых находится поблизости института.

На четвертом курсе девушки знакомятся с разными местами увеселений, чтобы видеть, как именно и при каких обстоятельствах женщины легче всего доходят до тех проступков, которые влекут за собою развод.

Но самым важным курсом является пятый. В течение целого месяца студентки ходят в суд и записывают стенографически все бракоразводные процессы, чтобы затем делать психические анализы.

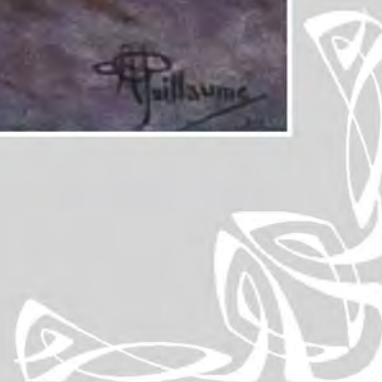
Шестой курс, о котором основательница института говорит не совсем ясно, отучает ее учениц от ревности, одного из самых страшных пороков супружеской жизни.

На седьмом – студенткам внушается мысль, что счастливый брак основывается, главным образом, на взаимном уважении супругов. Это тоже нечто совершенно новое для американок, которые привыкли думать, что, вступая в брак, они оказывают тем самым своему мужу большую честь.

Женское дело, № 9, 1913

А. Гильом. Неравный брак

Полмесяца назад в Вене, в одном из кафе, началось «профессиональное» голодание некоей Греты Эмилон. Для нее был устроен особый стеклянный павильон, в котором поставили кровать, качалку, кресло, лампу, стол с книгами и целую батарею бутылок минеральной воды, единственной пищи голодающей.

Артистка должна была поститься, не принимая никакой пищи в течение 25 дней. Кафе все время посещали любопытные, рассматривавшие Грету Эмилон и читавшие ее объяснение, каким образом было ею усвоено искусство голодания.

«В первый раз мне пришлось голодать поневоле, — гласила записка Греты, прикрепленная на одной из стенок павильона. — В 1908 году, незадолго до страшной катастрофы, я прибыла в Мессину вместе с одной артистической группой. Ночью, когда случилось землетрясение, я оказалась погребенной под развалинами дома и пролежала без пищи десять суток, после чего меня откопали солдаты. Очутившись опять на свободе, я была поражена тем, что мне во все время моего заточения не хотелось есть. Я стала развивать эту новую свою способность и постепенно дошла до того, что могу находиться без пищи от 10 до 25 дней. При этом я все время чувствую себя вполне здоровой как физически, так и духовно».

Все шло отлично, и кафе зарабатывало деньги на голодавшей актрисе, как вдруг на шестнадцатый день постница исчезла.

При осмотре павильона оказалось, что одна из стенок была вынута кем-то снаружи, и из этого теперь выводят заключение, что миловидная Эмилон сбежала, соблазненная кем-нибудь из посетителей кафе, не дотянув до конца поста девяти дней.

Женское дело, № 21, 1911

Америка не перестает сообщать об эксцентричностях своих архимиллионеров. На этих днях, в Филадельфии, состоялась торжественная свадьба одного из местных миллионеров, молодого человека Джорджа Барзая, с молоденькой девушкой, служившей в одной из филадельфийских контор и с которой знакомство у Барзая завязалось совершенно случайно.

Филадельфийские газеты сообщают все обстоятельства, предшествовавшие этому неравному браку. Барзай в течение нескольких месяцев ухаживал за девушкой, и та охотно принимала ухаживания, тем более что молодой человек вел себя не только корректно, но даже робко. По крайней мере, прошло около года, когда он наконец собрался с духом попытаться поцеловать свою возлюбленную.

Он обратился к ней с этой просьбой во время какой-то поездки при нескольких свидетелях.

– А что мне за это будет? – спросила, смеясь, молодая девушка.

– Взамен поцелую я предлагаю вам себя самого и мой капитал.

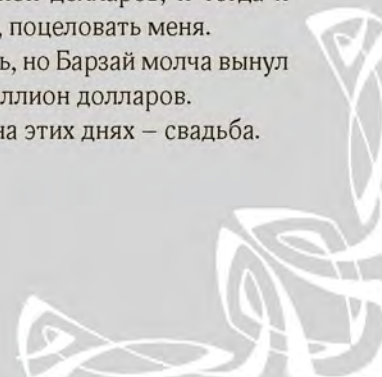
Барзай этими словами хотел сказать, что делает предложение, но девушка не поняла и, думая, что он шутит, в свою очередь сказала:

– Вас мне не нужно, но напишите мне чек на миллион долларов, и тогда я соглашусь поцеловать вас и позволю вам, в свою очередь, поцеловать меня.

Присутствующие, конечно, на это только расхохотались, но Барзай молча вынул чековую книжку и с поклоном передал девушке чек на миллион долларов.

Через несколько времени состоялось их обручение, а на этих днях – свадьба.

Женское дело, № 18, 1912

Некто Мюллер, житель Мюнхена, страховой агент, не более года женатый, встретил на дороге подругу своей жены, которой так увлекся, что предложил ей поселиться в Мюнхене, чтобы чаще видиться. Спустя немного он уже сам нанял ей по соседству квартиру, а когда о том узнала жена и уехала к матери, то без дальнейших церемоний переселил ее в свой собственный дом.

Такой скандал не мог остаться в тайне. Добродетельные мюнхенские дамы возмутились. Все женщины околотка, ближайšie соседки Мюллера, числом 300, собрались на другой же день утром к его дому, выломали двери, проникли во внутреннее помещение, разыскали «разлучницу» и вытолкали ее из чужого дома. Затем заставили мужа подписать такую телеграмму жене: «Возвращайся! Дом очищен!» — и отправили ее по адресу.

Молодая супруга вернулась в тот же день, вечером. Все дамы околотка пришли ее встретить на вокзал и с триумфом проводили ее до дома. Манифестации были до того шумны, что полиции пришлось вмешаться.

Женское дело, № 11, 1914

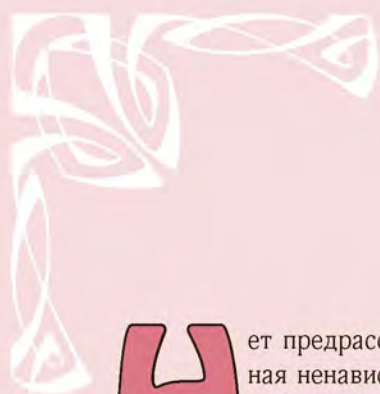
Румынская королева Кармен Сильва напечатала «десять заповедей» для молодых женщин, благодаря которым они могут счастливо прожить со своими мужьями. Десять заповедей заключаются в следующем: никогда не начинай ссоры с мужем, но если иной раз доходит до такой ссоры, не сдавайся до тех пор, пока не останешься правой; если ты видишь, что можешь победить, ты должна использовать свою победу надлежащим образом, никогда, однако, не забывай, что ты жена человека, не Бога, и поэтому не удивляйся его слабостям и недостаткам; не проси очень часто у мужа денег, старайся обходиться тем, что он тебе дает в начале недели; если ты замечаешь, что у твоего мужа широкое, любвеобильное сердце, помни также, что у него есть и желудок, тогда ты завоюешь и его сердце; от времени до времени, но не очень часто, пусть твой муж поставит на своем и последнее слово будет за ним, это его порадует и тебе отнюдь не повредит; читай всю газету, и твой муж тогда охотно будет с тобою беседовать о политике и других злободневных вопросах; остерегайся огорчать мужа, даже когда ты на него сердишься; делай ему от времени до времени комплимент и говори ему, что он лучший и благороднейший из всех мужчин, и вместе с тем дай ему понять, что ты также не свободна от недостатков; если твой муж умен и энергичен, будь ему хорошей подружкой; если он ленив и неспособен, будь ему другом и советчицей; показывай по преимуществу уважение к своей свежести и помни, что твоего мужа она любила раньше того, чем он тебя полюбил.

Женское дело, № 16, 1911

**Плачь, плачь... Это тебе́ очень идетъ.
Кстати, изъ всего, что тебе́ идетъ,
— это мнѣ обходится дешевле...**

Нет предрассудка более укоренившегося, чем традиционная ненависть к теще. Ни над чем так охотно не хохочет публика в театре, как над ссорами тещи с зятем. И это не только во всех странах Европы. Зулусы до смерти боятся тещи: религия запрещает им и говорить с ней, и смотреть

на нее, и есть с ней за одним столом. В Новом Южном Валлисе о браке договариваются отец невесты и жених. Матери не спрашивают, и ей строго запрещено разговаривать с мужем дочери и до свадьбы ее, и после свадьбы. Она даже не смеет показать ему свое лицо и при случайной встрече закрывается хоть бы пучком травы. В Полинезии тещу не выгоняют из дому только потому, что там обычай позволяет съесть ее, когда она состарится. Зато в Китае теща окружена уважением и почетом. Она «ангел-хранитель» домашнего очага. Она учит дочь хозяйничать, быть экономной, ласковой и почтительной с мужем. Если вы спросите китайца, почему он мало бывает дома, он нередко отвечает: «Потому что у меня нет тещи». По-видимому, возможно, что этот «небесный» взгляд на тещу может привиться и у нас, белокожих.

Известно уже несколько случаев, когда жених дочери влюблялся... в ее мать. Один случай завершился трагедией: молодой рабочий (во Франции) застрелил тещу и застрелился сам. Другой — разводом, после которого бывший муж дочери женился на ее матери: «молодому» — 45 лет, «молодой» — 56. Надо ли добавлять, что это было в Америке.

20-й век, № 50, 1913

К. Гейденъ. — Милая теща.

№ 1656, Париж, салон.
Отдых натурализм.—Г-жа Р. М. Гильотт.

Во французской Каене имел место такой случай. Один студент влюбился в молодую артистку. Та отвечала ему взаимностью. На днях он предложил своей возлюбленной запечатлеть ее формы в виде статуи. Артистка согласилась. Новоявленный скульптор тут же раздобыл гипс и приступил к снятию слепка с лица и бюста артистки.

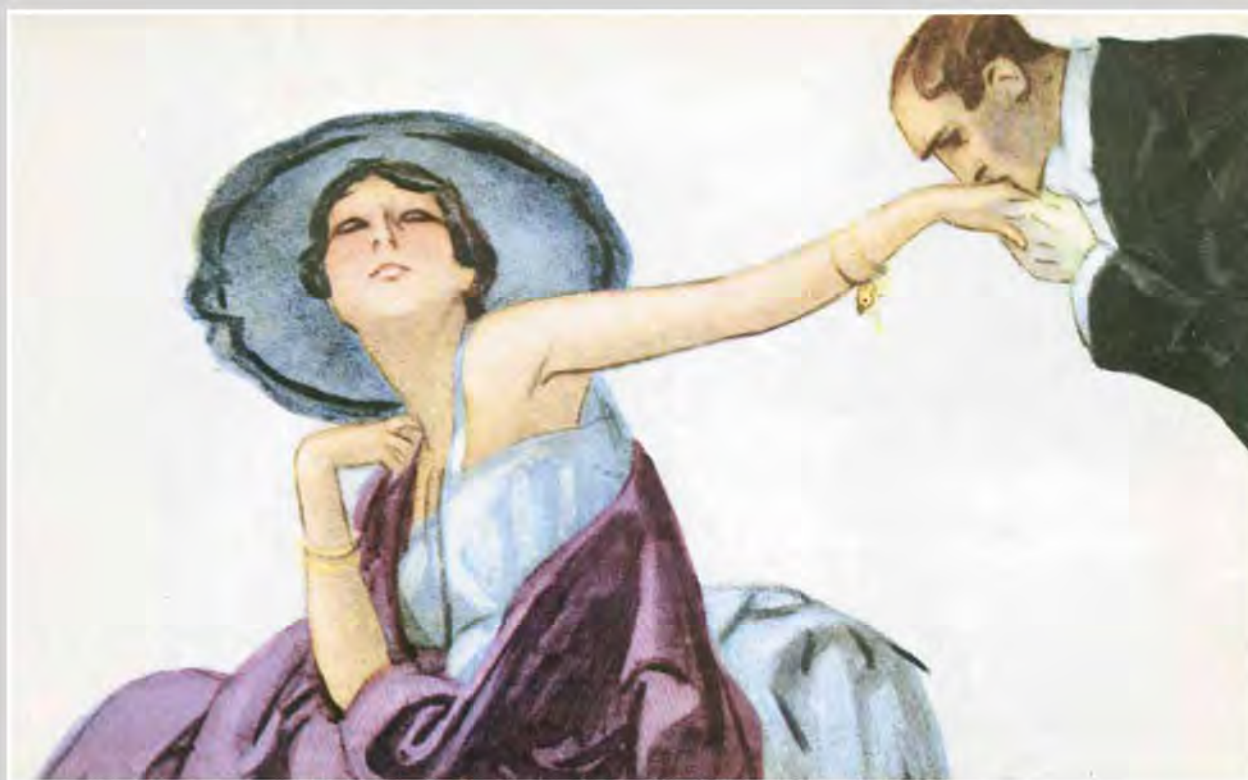
Через несколько минут артистка стала обнаруживать признаки беспокойства. Гипс, высыхаясь, сильно давил на лицо и тело модели. Чувствуя, что она лишается чувств, артистка стала просить студента снять гипс, но это оказалось невозможным. Обезумевший студент бросился за врачом. Последний только покачал головой и сказал, что здесь нужен не врач, а каменщик. И только когда был найден каменщик, удалось освободить несчастную артистку. Эта операция причинила ей немало боли, и молоток каменщика оставил следы на ее теле.

Жизнь, № 10, 1913

Некая Ирма Блеер, уроженка Вены, содержит в Нью-Йорке фешенебельное свадебное бюро. Клиентами у нее состоят исключительно представители высшей австрийской аристократии. Вот перечень этих кандидатов, в изложении сотрудника нью-йоркского «World(a)», посетившего на днях г-жу Блеер. «На складе» у нее имеются два принца, один 23 лет, другой – 25, состоящие на действительной службе в одном из венских гвардейских полков. У каждого из них имеется по два замка в Богемии и три миллиона гульденов. Условием для вступления в брак они поставили минимальное приданое в 15 миллионов долларов. Далее следует 38-летний богемский граф, несколько тирольских баронов, в возрасте 30–40 лет, занимающих видное положение при дворе, и, наконец, один чешский граф, друг одного из австрийских эрцгерцогов. Характерным кандидатом на американские доллары выступает граф Уто Кристаллинич, 30-летний лейтенант, обладатель старинного замка. Как сообщила г-жа Блеер, граф Кристаллинич уже завел знакомство с некоторыми «наследницами». Он остановился пока на двух, но и они очень мало импонируют ему; первая, прежде всего, отличается такой «корпуленцией», что она, пожалуй, перевесит ее миллионы, вторая же – ест жареный картофель руками, что, быть может, позволительно американской миллиардерше, но не воспитанному европейцу...

В общем, по заявлению г-жи Блеер, дела ее идут весьма успешно. Австрийская аристократия охотно «прилипаёт» к американским долларам.

Женское дело, № 9, 1911

Она&ОН

Представительницы высшего парижского света смотрят сквозь пальцы на маленькие слабости своих отцов и братьев, «дружественные» отношения которых к пикантным демимонденкам никогда не остаются в тайне. Кроме того, за последнее время у светских дам обнаружилось стремление узнать все, что касается «этих дам»: как устроены их будуары, как они причесываются, какие духи употребляют и т. д. и т. д. Несколько дней тому назад одна молодая и из хорошей семьи маркиза дошла в своем любопытстве до такой степени, что написала одной танцовщице, прежней любовнице одного из королей, следующее письмо: «Mademoiselle! Маркиза С. очень наслушалась от маркиза и других друзей о вашей восхитительной квартире и хотела бы лично осмотреть ее. Можно ли мне рассчитывать на исполнение моего желания?» Тотчас же был получен ответ: «С величайшим удовольствием, маркиза, предоставляю в Ваше распоряжение мою квартиру для осмотра. Я выезжаю каждый день от 5 до 6 час. Если Вы пожелаете в этот час, то моя горничная покажет Вам мое помещение».

А. Гильом. Быть может да, быть может нет

А. Гильом. Подход

Маркиза с восторгом рассматривала помещение актрисы и никак не могла расстаться с роскошным будуаром в мавританском стиле, на стенах которого красовались портреты артистки в самых обольстительных костюмах и грациозных позах. Наконец вырвалась маркиза из квартиры, сунула в руки хорошенькой горничной двадцатифранковик и поспешила в ожидавшую перед домом карету. На другой день маркиза получила надушенную записку от танцовщицы, в которой та выражала желание осмотреть гордый дворец маркизы с неоценимыми сокровищами искусства. Это было разрешено: «Моя горничная с удовольствием Вам покажет мой отель завтра утром, когда я с мужем уеду на утренний концерт». Красивая танцовщица появилась во дворце под густой вуалью и в скромном выходном костюме. Она вошла по мраморной лестнице, портретной галерее и заглянула в покои маркизы. С скучающей миной обратилась она к служанке, которая была поражена сунутым ей в руку банкнотом в 100 франков, и сказала: «Здесь не уютнее, чем в огромном сарае». Когда маркиза услышала, какое впечатление произвел на сильфиду ее роскошный дворец, то глубоко, очень глубоко вздохнула.

Огонек, № 46, 1900

А. Гильом. Послеобеденный визит

Америка – страна самых поразительных контрастов. При полной свободе нравов в одних штатах, в других царит самый суровый пуританизм. В Атлантик-Сити поцелуи вне дома караются как бесстыдное действие. Полиция ходит по паркам и, заметив какую-нибудь уединившуюся парочку, подкравшись к ней, неожиданно освещает фигуры потайным электрическим фонарем, находящимся в трости, и горе возлюбленным, если они в это время целуются: штраф неукоснительно взимается полицейским за оскорбление... общественной нравственности.

Жизнь, № 6, 1913

Молодой садовник Дж. Рид, в поисках заработка, отправился в дом управляющего огромным садом в Лондоне. На звонок вышла хорошенькая горничная, и после короткого разговора с нею Рид – в приливе ли нежности или с целью завоевать симпатии горничной – обнял ее за талию и крепко поцеловал в щеку.

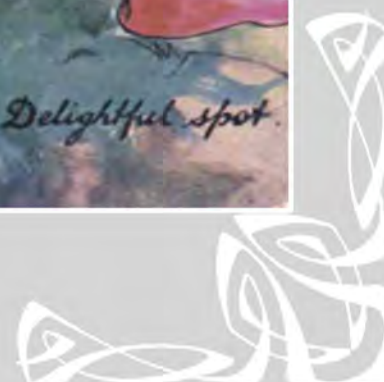
Увы! – эта демонстрация горячего порыва садовника не принесла ожидаемых результатов. Возмущенная девица позвала городского, и Рида отправили в участок.

Оправдываясь перед строгим судьей мэрибонского участка, Рид говорил, что он не мог противиться чувству любви, мгновенно завладевшему его сердцем, и невольно поцеловал девушку, но судья отверг такое объяснение и назвал его поступок «самым нахальным и постыдным», приговорив Рида к шести месяцам каторжных работ.

Женское дело, № 18, 1912

Существует несколько городов, в которых влюбленным запрещено законом целоваться. В прошлом году в Милане семьсот влюбленных парочек были приговорены судом к шести лирам штрафа за то, что поцеловались в черте города. Вне стен Милана, по всей Италии влюбленные могут целоваться сколько им угодно, не опасаясь штрафа. Закон, воспрещающий публичное выражение нежных чувств, относится ко временам Сфорца и не отменен до сих пор. Самая строгая страна для влюбленных – это штат Коннектикут в Северной Америке, в котором применяется закон, относящийся ко времени короля Карла II, когда Коннектикут еще принадлежал Англии. В прошлом году студент Яльского университета поцеловал свою невесту в одном из бостонских кафе, и оба нарушителя закона были приговорены к пятнадцатидневному тюремному заключению. Несколько недель тому назад в Нью-Хавене один влюбленный молодой человек произнес несколько нежных слов своей невесте по телефону, и за это суд приговорил его к штрафу в 10 долларов, так как он оскорбил стыдливость телефонной барышни.

Вокруг света, № 13, 1903

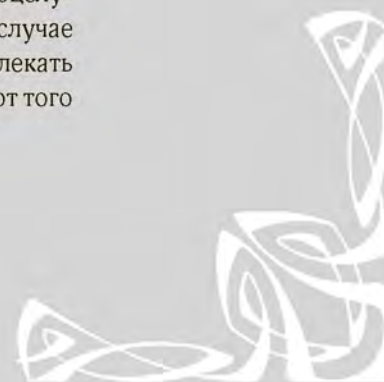
В Милане один овдовевший муж предал сожжению труп своей любимой жены и, тщательно собрав затем золу, доставил ее в химическую лабораторию, где после просьбы извлекли все находившееся в сожженных останках железа. Полученный таким образом кусочек железа он вделал в перстень и носил его постоянно на руке, с гордостью заявляя всем, что он никогда не расстанется с умершей женой.

Жизнь, № 5, 1913

Американское законодательство признает, как известно, достаточными основаниями для развода такие обстоятельства, которые европейскими бракоразводными законами совершенно не принимаются в резон. Трансатлантическим судам зачастую приходится поэтому ведаться с преоригинальными супружескими конфликтами. Одно такое довольно деликатное дело разбиралось на днях в Джерсей-Сити. Некая г-жа Шотт привлекла своего законнейшего мужа к ответственности за то, что он простер свою дерзость до того, что позволял себе целовать ее вопреки ее желанию и несмотря на энергичнейшее ее сопротивление. Судья должен был таким образом решить вопрос, вправе ли супруг вообще целовать свою супругу, когда ему заблагорассудится. После зрелого размышления джерсейский кади дал на этот вопрос отрицательный ответ, тут же наложив на г-на Шотта штраф в 200 руб. на том основании, что «супруг, желающий целовать свою супругу, обязан предварительно осведомиться у нее, угоден ли ей в данный момент поцелуй».

У другого судьи, в Мильвоки, другая дама жаловалась на то, что муж ее слишком часто целует, и просила либо умерить его пыл, либо дать ей развод. Не признав в обстоятельствах дела достаточных оснований к разводу, судья обязал чересчур нежного мужа выдать своей жене следующее обязательство: «Я, нижеподписавшийся, Ричард Борроу, сим обещаю и клянусь отныне и впредь целовать свою супругу Александру Борроу не чаще чем по десяти раз в день, и притом с таким расчетом, чтобы первые пять поцелуев приходились на предобеденное, а вторые на полуденное и ночное время. В случае же нарушения мною сего обязательства, я признаю за своею супругой право привлекать меня за то к судебной ответственности и изъявляю готовность нести все имеющие от того произойти последствия». И муж сие обязательство беспрекословно подписал!

Женское дело, № 14, 1911

El Bonjoir de

Брак в облаках. Высший суд в гор. Сан-Антонио в штате Техас рассматривал на днях дело по иску г-жи Лины Брукинс к мужу ее Вальтеру Брукинсу, известному американскому летчику, о разводе.

Г-жа Брукинс обвенчалась всего три месяца назад. По ее словам, она увлеклась ловкостью и смелостью авиатора Брукинса и полетела с ним на аэроплане. На высоте 3500 футов он ей сделал предложение, и она согласилась с тем, чтобы и венчание произошло в воздухе. Так и было сделано. Смелый пастор взлетел с ними на «Фармане» и благословил их союз. Однако на земле Брукинс оказался вовсе не таким героем, как в воздухе, и г-жа Брукинс быстро в нем разочаровалась. Суд согласился с доводами истицы и признал, что брак, начало которого положено в облаках и совершенный не на земле, не может считаться браком, и потому развел слишком передовых супругов.

Женское дело, № 13, 1913

Н а днях в Христиании одна супружеская чета отпраздновала балом свой развод. Все лица, присутствовавшие за шесть лет до этого на свадьбе супругов, получили приглашение на празднество, только на карточках вместо «на торжество бракосочетания» стояло «на торжество развода». На банкете разведенный супруг поднял бокал за свою «бывшую» супругу и благодарил ее за те счастливые годы, которые они прожили вместе.

Женское дело, № 15, 1914

Брак многими передовыми людьми признается учреждением устарелым, требующим коренной реформы. Вследствие этого от времени до времени являются охотники преобразовать брак, внести в него что-нибудь свое, что-нибудь новое. В Америке несколько времени тому назад большую сенсацию произвело «этическое супружество» внука Лонгфелло Эдмонда Дана с «художницей и социалисткой» Джесси Голидэй. Брачная церемония была в высшей степени проста. Жених поднес своей невесте золотое кольцо, она же ему – массивное серебряное, и при этом оба произнесли следующие слова: «Я хочу жить с тобою, как с моею законною женою (с моим законным мужем). Надеюсь, ты будешь мне верным товарищем. В знак этого я даю тебе это кольцо». После этого парочка исчезла. Оба, как потом оказалось, решили пройти курс лечения голодом. В этом состоял их медовый месяц. «Он» постился семнадцать дней, «она» же провела целых сорок дней, питаясь только водою и фруктовым соком. Этого, оказывается, требуют законы этического брака. Теперь внук знаменитого поэта выступает кандидатом в сенат, а молодая возвратилась обратно в Англию к своим родителям, чтобы слушать лекции этики, философии и экономических наук. Кроме того, она намерена пропагандировать в газетах «этический брак» как самый рациональный в наше время. По слухам, однако, брак, несмотря на свою «этичность», оказался неудачным, и молодые уже подумывают о разводе. Надо думать, что это тоже будет совершенно столь же просто, как и брачная церемония перед тем.

Женское дело, № 23, 1912

A Wing Shot.

Недавно была сделана попытка похищения возлюбленной на аэроплане, попытка, потерпевшая неудачу благодаря расторопности родителей девицы. Героиня романа – дочь богатого домовладельца, а герой – смелый пилот, с которым она нередко летала в качестве пассажирки. Во время полетов молодые люди влюбились друг в друга, но отец девушки был неумолим, и влюбленные решили улететь. К несчастью для них, чтобы достигнуть аэродрома, пришлось воспользоваться прозаическим автомобилем; родители, увидевшие в окно автомобиль с беглецами, мигом сообразили, в чем дело. Отец тотчас же бросился в погоню на другом автомобиле, а мать протелефонировала полиции, настигшей беглецов в ту самую минуту, когда они готовились сесть на аэроплан.

Женское дело, № 1, 1915

Л. Балестриери. Прощание

Клео де Мерод сделалась предметом нападения, единственного в своем роде. Недавно она прогуливалась по бульвару Капуцинов с представителем парижской аристократии. Вдруг пред ней, как из-под земли, вырос громадный рабочий и закричал: «Ты моя, дорогая». Затем рабочий без лишних слов, без дальних фраз схватил Клео де Мерод за талию и привлек к себе. Спутник актрисы ударил его палкой, но получил от него такой удар кулаком, что свалился на землю. На глазах всех проходящих рабочий принялся обнимать и целовать вопившую от ужаса танцовщицу. Не раз ее поцеловал страст-

ный пролетарий, прежде чем прохожим удалось вырвать из его рук де Мерод. Гаспарден – так звали этого рабочего – был привлечен к полицейскому суду. Там он совершенно чистосердечно рассказал, что влюблен в танцовщицу и поклялся при первой же возможности обнять и поцеловать ее. Теперь он этого достиг и совершенно доволен. Несмотря на такую защиту, Гаспардена приговорили к аресту, но Клео де Мерод уже успокоилась и хлопочет через влиятельных друзей об освобождении ее пылкого поклонника.

Огонек, № 21, 1900

На днях в Бостоне происходило бракосочетание дочери богатого владельца рудников с простым кельнером. Молодая девушка познакомилась со своим теперешним мужем в ресторане театра, где она часто бывала в сопровождении своих родителей. Однажды, в то время, как герой романа подавал гостям прохладительное питье, ей удалось незаметно сунуть ему в руку записку, где она назначала ему свидание. Кельнер не придавал ей значения, полагая, что богатая девушка желает над ним посмеяться. Но на другой и третий день приглашение было повторено, и кроме того высказаны упреки за невнимание. Он пошел и встретился с ней. Она объяснилась ему в любви и заявила, что если родители воспротивятся ее браку с ним, то она согласна даже бежать и обвенчаться тайно. Но отец согласился, и на днях состоялась свадьба миллионерши с бывшим лакеем. Венчальный обряд происходил в главном соборе Бостона, в присутствии двух епископов и двадцати священников. За свадебным столом сидело ни более ни менее как тысяча человек гостей.

Женское дело, № 20, 1913

Граф Бони де Кастеллане – личность, известная не только во Франции, но и в Америке. И вот, несколько лет тому назад, сей высокородный муж вдруг очутился в довольно незавидном положении, близком к нищете... Больше двух миллионов долгов! Что делать, когда за тобой охотятся беспощадные кредиторы?

Разночинец и вообще всякая мелкая сошка обыкновенно кончает в таких случаях самоубийством. Граф де Кастеллане отправился в Америку, где, благодаря чарующей внешности и громкому историческому имени, ему удалось добиться руки дочери миллиардера – Джея Гульда. Мадемуазель Гульд получила в приданое 100 миллионов и, сверх того, ежегодную ренту в несколько миллионов на булавки.

Говорят, что не в деньгах счастье. По-видимому, это справедливо, ибо чета Кастеллане-Гульд не была счастлива. После нескольких лет шумной, безумно роскошной жизни супруги развелись, но только граждански. Экс-графиня вышла замуж за князя де Талейран-Перигор. Вообще дочери миллиардеров в своем роде королевской крови и никогда не вступают в неравные браки.

Граф же де Кастеллане-Гульд не женился на какой-нибудь мешаночке, он не сказал в подражание философу доброго старого времени: «Сердце и хижину!..» Сердце не оставляло равнодушным, а хижина показалась недостаточно комфортабельной. Словом, де Кастеллане захотел жениться на дочери Пирпонта-Моргана, обладающего неисчислимыми богатствами, а мадемуазель Пирпонт-Морган согласилась отдать ему руку, сердце и кошелек, чтобы получить взамен право на визитную карточку с громким именем...

Но граф де Кастеллане, верующий католик, а гражданский развод церковью не признается. С религиозной точки зрения брак считается расторгнутым только после специального эдикта папы, а этого трудно добиться. Были пущены в ход все средства, и усилия увенчались успехом. На днях ожидается постановление папы. Рим склонен аннулировать брак. Церковь объявит в торжественном заседании, что Гульд и Кастеллане никогда не были венчаны! Великолепно, не правда ли? И это тем любопытнее, что от этого несуществующего брака родилось двое детей... живых и здоровых. Уж не собирается ли Рим аннулировать и их? Ведь он все может!..

Синий журнал, № 13, 1913

Немецкие женщины не имеют больше права худеть! Так постановил строгий председатель суда в Бреслау. Какой-то чиновник добивался развода на том основании, что его жена, стремясь иметь красивую фигуру, искусственно потеряла в весе за один год около полупуда, вопреки протестам и просьбам мужа. Исходя из того соображения, что уменьшение в весе вызвало также уменьшение привлекательности его дражайшей половины, чиновник потребовал развода. В своем вердикте суд заявляет, что, если бы исхудание было естественным, оно не могло бы послужить поводом к разводу, но так как оно явилось результатом злой воли, требование мужа считается справедливым и подлежащим удовлетворению.

Синий журнал, № 26, 1913

Американский суд более чем либерально относится к вопросу о разводе. За последнее время суд в Рено «развел» на основании таких ультрафантастических причин, что на это обратил внимание весь культурный мир. Особенно забавен следующий случай. Некий американец из Рено подал заявление в суд о желании развестись с женой только потому, что у нее холодные, как лед, ноги... В своих показаниях несчастный муж жаловался на то, что жена, желая согреть свои ноги, клала их на спину своего господина, отчего у последнего оказалась простуда в горле и появились ревматические боли.

Суд постановил удовлетворить ходатайство мистера Говарда Гулда. Жалобы жен рассматриваются с таким же вниманием. Так, некая Эллен Альдрих развелась с мужем только потому, что он мчал ее на автомобиле с такой быстротой, что у нее кружилась голова. Ходатайство ее о назначении ей пенсии, равняющейся половине годового дохода мужа — в размере 5000 долларов, — удовлетворено судом. В то же время Мари Эрни добилась развода по той причине, что муж ее, интендант, принципиально не признавал бань.

Именно благодаря этой доступности разводов количество их за последние двадцать лет достигло цифры в 1 000 000 на 12 832 044 брака.

Синий журнал, № 5, 1913

В Мельбурне умер в возрасте восьмидесяти двух лет одинокий холостяк, в спальне которого найдено тысяча триста штук любовных писем от разных женщин. Все письма разложены в пачки по 50 штук в каждой и перевязаны серебряными цепочками, украшенными драгоценными камнями. Самое давнее по времени письмо помечено 1839 г. Каких только коллекционеров не бывает на белом свете!

Синий журнал, № 48, 1912

Необычайная мена произошла недавно в Бирмингеме. Две женщины среднего класса, недовольные своим жребием, вытянутым в брачной лотерее, обменялись мужьями: и одна из женщин, родом шотландка, потребовала еще приданого 200 руб., потому что ее муж был гораздо слабее мужа ее приятельницы, а следовательно, и содержание его было дешевле. После долгого торга мена, к пассивному удовлетворению мужей, состоялась; мужчины, очевидно, думали, что хуже, во всяком случае, им быть не может. Но это далеко не единственный случай торговли мужьями.

Один ливерпульский житель оставил своей жене после смерти гостиницу. Так как женщина одна не могла справиться с таким трудным делом, то она стала искать себе мужа и, наконец, нашла подходящего в лице одного валлийца. К сожалению, избранник этот был уже женат, но вдову это не испугало; она вступила в переговоры с женой валлийца и предложила уступить ей мужа и господина за известное вознаграждение. Та согласилась. И сделка была заключена, к общему удовольствию всех участников.

На одной ярмарке в Брюнне сотрудник английской газеты увидел англичанина-великана 7 футов росту, проданного своей прежней женой владелице кочующей лавчонки за 420 руб. Торговка купила его не только как приманку для своей лавки,

но и женила его на себе, а слабый и добродушный великан флегматично на все согласился.

Некий Чарльз Пельтье, показывающийся на ярмарках как необыкновенной толщины человек, был перепродан ни более ни менее как четырем женам. Он умер вскоре после того, как его перекупила четвертая владелица.

Одна бостонская вдова познакомилась как-то с человеком, поразительно похожим на ее покойного мужа. Она предложила ему свою руку; к несчастью, человек этот, отвечающий ей взаимностью, оказался женатым. Тогда вдова вступила в переговоры с женой и добилась желаемого согласия на развод, за что обязалась выплачивать ренту в 1500 р.

Женщина, 1913

Подобает ли даме, выходящей из дому без провожатых, показывать, что она оскорблена, если ее преследует какой-нибудь назойливый кавалер? И какие имеются верные средства, чтобы дать ему понять неуместность его погони? Эти щекотливые вопросы поставлены и обсуждались в «Figaro». Одна читательница передает: «Моя почтенная бабушка умела-таки справляться в таких случаях. В молодости, говорят, у нее были глаза, на которые заглядывались все прохожие. Однажды, когда она возвращалась из предместья Сен-Жермен, на мосту Согласия она вдруг заметила, что ее преследует какой-то дэнди или “лев”, как тогда принято было называть. Она ускорила свои шаги, дэнди сделал то же самое. Перейдя площадь Согласия, она быстро свернула на улицу Риволи, надеясь, что он отстанет, но все напрасно: молодой человек повернул вслед за ней.

Чтобы добраться до улицы Труше, где она жила, она сделала крюк через улицы Сен-Флорентин, Сен-Оноре и Рояль. И ловелас шел за ней по пятам. Тогда она бросилась в булочную, купила хлеб в 2 су и, обратившись к своему преследователю, ожидавшему ее у дверей, сказала, подавая ему этот хлеб: “Вот, любезнейший. Можете утолить свой голод”. — “Но, сударыня...” — “О, не извиняйтесь, любезнейший.

Упорство, с каким вы меня преследовали, убедило меня, что вы застенчивый бедняк”. И “лев” моментально скрылся».

Не менее успешным оказалось следующее средство: «Две сестры, обе очень красивые женщины, не могли никогда показаться на улицу без того, чтобы к ним не пристали провожатые. В случае чрезмерной назойливости таких кавалеров, обыкновенно одна довольно громко замечала другой, бросая недоверчивый взгляд на преследователя: “Шарлотта, береги свой кошелек!” И обыкновенно любезник, которого принимали как бы за мазурика, сворачивал в первую попавшуюся улицу».

«Figaro» дает еще следующие наставления: «Не советуем ходить в кондитерские. Спасаться в фиакре — значило бы искать защиту у кучера, что весьма неприятно. Обращаться к покровительству блюстителей порядка — смешно и грубо. Омнибус открыт для всех, но когда его нужно, он обыкновенно бывает битком набит публикой. И потому лучшее средство войти в ярко освещенный магазин золотых изделий: мужчина, бегающий за дамами, ни за что не войдет в магазин золотых вещей. И такой преследователь дам, не желая казаться скрягой, как раз обратится в бегство, как сатана от святой воды».

Женщина, № 5, 1914

По любопытному исследованию американского писателя Ф. Морриса, незамужние женщины оказываются гораздо более долговечными, чем их более счастливые сестры. Этот факт Моррис объясняет тем, что незамужние женщины, по большей части, ведут более спокойный и регулярный образ жизни, свободны от забот о детях, никакой мужчина не делает их жизнь невыносимой, не приходится им вечно быть в состоянии напряжения, чтобы, во что бы то ни стало, нравиться мужу, — все это, взятое вместе, дает возможность женщинам, свободным от брачного ярма, быть более долговечными, чем подневольные жены и матери.

Женщина, № 5, 1914

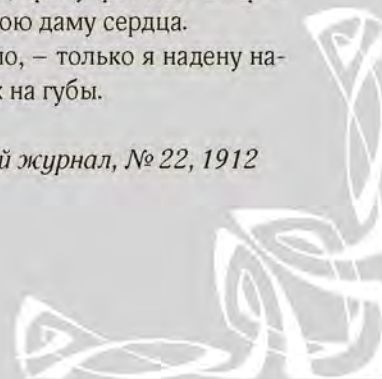

Брезгливые янки так заняты всякими гигиеническими приспособлениями, что изобрели даже предохранители для... губ во время поцелуя. Зная, что во время поцелуев с губ на губы переносится масса микробов, американцы надевают себе и своим возлюбленным особые губные намордники из тонкой сетки.

— Милая, я хочу поцеловать тебя! — наверное, предупреждает американец свою даму сердца.

— Хорошо, — только я надену намордник на губы.

Синий журнал, № 22, 1912

Американские газеты занялись собиранием статистических данных за последние 10 лет о суммах, увезенных из Нового Света в виде приданого европейскими аристократами. Рекорд побивает Германия. Она вывезла из Америки пять принцесс или герцогинь, восемь графинь и 13 баронесс, заплативших за свои титулы в общей сложности 150 миллионов рублей. Второе место занимает Великобритания, где за это время насчитывают 28 американок, приобретших титулы путем «выгодных» браков. Затем идет Италия, Франция и, наконец, Россия, где «импорт» американок сравнительно мал – всего только шесть.

В общей сложности за 10 лет Европа вытянула, таким образом, у Америки около трехсот миллионов рублей...

Синий журнал, № 13, 1913

Один французский женский журнал устроил среди своих читательниц интересную анкету, предложив им ответить на вопрос: «Что именно не нравится им в нынешнем мужчине». Ответов было получено много и весьма не лестного для сильного пола свойства. В очень резких выражениях написала известная французская писательница Жюльетта Адан. Она говорит, что главными отрицательными качествами современного мужчины являются «тщеславие, не имеющее ничего общего с гордостью, и бедность чувств. Последняя видна хотя бы из того, что нынешние мужчины беспрестанно ищут развлечений».

Другой ответ, принадлежащий также женщине-писательнице, г-же Брутель, гласит: «Современный мужчина имеет слишком большой желудок и слишком маленькое сердце».

Госпожа Додэ, вдова знаменитого писателя, высказала мнение, что в натуре нынешних мужчин преобладает отвратительная суетливость, с которой они стремятся, без разбора, ко всяким житейским благам.

Женщина, № 17, 1914

В Париже большую популярность приобрел продавец цветов, который при каждом проданном букете предлагает, в виде бесплатной премии, написать любовные стихи в честь той дамы, которой предназначаются цветы...

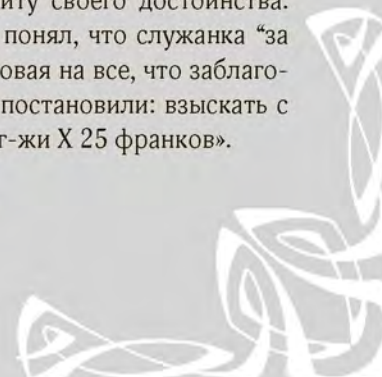
При этом поэт-цветочник просит только дать ему маленькую характеристику женщины, которую он должен воспеть; и через пять минут стихотворение уже готово, не длинное, но всегда новое, всегда полное ярких образов и самых пламенных чувств...

Клиенты «цветочного поэта» уверяют, что стихи его, помимо литературных достоинств, имеют еще свойство приворотных талисманов и действуют почти без промаха.

Синий журнал, № 18, 1913

Н а днях мировому судье в Ниме (Франция) пришлось разбирать дело по жалобе горничной на избыток внимания со стороны ее хозяина. Вот отрывок из постановления судьи по этому курьезному делу: «Принимая во внимание, что господин N принял госпожу X на службу “за все”, что с первых же дней она заметила, что ее хозяин выказывает ей слишком много внимания; что вскоре вышеупомянутый г. N сделал попытку перейти от слов к делу; что оскорбленная госпожа X ответила на оскорбление действием; что в результате сего действия ей было отказано от места: она требует возмещения убытков за потерю места не по служебной провинности, а за законную защиту своего достоинства. С другой стороны, г. N не понял, что служанка “за все” вовсе не значит — готовая на все, что заблагорассудится хозяину, — мы постановили: взыскать с г. N в пользу потерпевшей г-жи X 25 франков».

Женщина, № 17, 1914

Как надо выходить замуж?! Английские мисс разрешили этот вопрос. В Wellesby существует колледж, посещаемый англичанками высшего общества. Эти юные девицы учредили клуб «Don't wed» («Не выходите замуж!»). В клубе всего 40 членов, правила его таковы: члены клуба должны выходить замуж не ранее 21 года или спустя 3 года после последнего экзамена; ни один член клуба не имеет права выйти замуж за человека, обладающего менее 25 тысяч годового дохода. До сих пор все члены сдержали данное себе слово...

Синий журнал, № 34, 1913

Молодой богатый англичанин, родители которого обладают значительным имением, был отправлен для поправления здоровья в Монреаль, влюбился там в небогатую и скромную девушку, уговорил ее выйти за него замуж и поехать с ним в Англию, но мать невесты решила отложить брак, так как невеста была еще очень молода. В прошлом году жених вернулся в Лондон, но здоровье его становилось все хуже, и медики советовали ему быть крайне осторожным. Он чувствовал, что умирает, но хотел непременно жениться на любимой женщине. На 3 марта назначена была их свадьба. Не обращая внимания на океанические мартовские бури, на просьбу отца, на уверения доктора, что он не переживет путешествия, влюбленный больной отправился в Нью-Йорк, сопровождаемый отцом, доктором, священником и одним другом. Он приехал в Нью-Йорк умирающим. Телеграфировали невесте, чтобы она встретила жениха на промежуточной станции. Жених и невеста сели вместе в сани и отправились в дом отца невесты. Но на дороге наступила агония. Тогда умирающий потребовал от священника, чтобы немедленно был совершен обряд брака, и в сани, под открытым небом, они были торжественно объявлены мужем и женою. Молодой муж умер через 2 минуты после брака.

Женщина, № 1, 1914

На допросе этот несчастный человек по имени Лионель Марбурри признался честосердечно, что он за сравнительно короткий промежуток времени женился на трех англичанках, одной итальянке, одной индианке, одной мексиканке, одной французенке, одной испанке, португалке, американке и негритянке...

Началась его матримониальная карьера в 1872 году в Лондоне. По профессии он был портным. Женился и безбедно жил до 1892 года. Тут с ним случился грех: украл на большую сумму товар. Судили и посадили в тюрьму на несколько месяцев. По выходе оттуда поехал путешествовать. В Риме женился вторично. Затем повторилась та же история: кража, тюрьма, отъезд – и в Калькутте – третья жена. Его дальнейшие этапы: Токио, Мексика, Рубэ, Гренада, Лиссабон, Нью-Йорк, Сидней, Бристоль и опять Лондон. Когда он вторично предстал пред судом родного города, судьи задались вопросом: почему такая странная связь существует между новым браком этого необыкновенного человека и новой кражей? Или, может быть, это средство избавиться от новой подружки?

Синий журнал, № 53, 1912

ВГермании мужа, бьющие своих жен, наказуются тюремным заключением. Но чтобы наказание это не падало косвенно и на потерпевших, лишая их кормильцев и поильцев, практичные немцы придумали отличный выход из этого затруднительного положения. В течение всех рабочих дней приговоренный пользуется полной свободой и может работать как всегда. Но в субботу вечером полиция препровождает его в тюрьму и выпускает только в понедельник утром. Умно придумано.

Синий журнал, № 22, 1912

Некто Вебб, аптекарь в Сиднее, прогуливался однажды вечером с мисс Чесборо, как вдруг подъехал изящный экипаж и остановился перед означенной парочкой. Два рослых субъекта выскочили из него, схватили Вебба, бросили его, как товар, в экипаж и посадили затем туда же мисс Чесборо. Затем лошади понеслись во весь дух и привезли Вебба в один дом, где он до утра находился под строгой охраной. Утром его насильно повели в часовню, где его уже ожидала мисс Чесборо. Здесь получивший хорошее вознаграждение пастор совершил над ними венчание. На обратном пути супругу удалось отделаться от насильно навязанной ему жены и спастись бегством. Он немедленно поспешил к судье и подал жалобу на Чесборо, обвиняя ее в похищении его.

Женищина, 1913

Из писем и фотографий

На обороте:

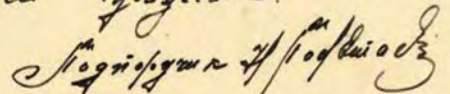
Милая Аня! Желая быть у Васъ
не могу, потому что у меня въ д. въ
уроки музыки. Встаю рано не от-
райтё у себя, а поспите и Васъ при-
едемъ... Вы знаете, что я не могу долго
спать... а Вамъ это вредно
мать, но шить того недостаточна,
мать, не составившая. Не отсылайте

пока есть время, пока жидко уль-
бается мать. — Всегда преданъ.
Людвигъ Агамовичъ
Срочинскій
Студентъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи.

ПОДПОРУЧИК
Николай Иванович
Полемаев.
11-го Финляндск. стр. полка.

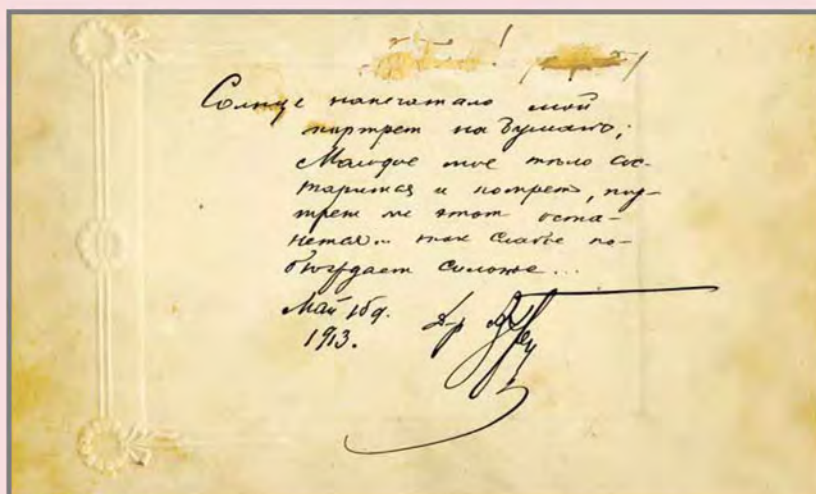
На обороте:

Многоуважаемая незнакомка!
Не будучи еще с Вами знакома,
осмелюсь предложить Вамъ свое
вниманіе и заведѣніе
вашей жизни.
Подпись

Солнце напечатало мой портрет на бумаге. Молодое мое тело состарится и помрет, портрет же этот останется... Так слабое побеждает сильное...

Май, 1913.

Солнце напечатало мой
портрет на бумаге;
Мое же тело рано со-
старится и помрет, пор-
трет же этот оста-
нется... так слабое по-
беждает сильное...
Май 1913. Л. Р.

Николай Адольфович Шмидт, и баронесса
Елена Иваковна Тизенгаузенъ, приглаша-
ютъ Васъ на бракосочетаніе ихъ которое состо-
ится 20го дня 10. Октября 1918 г.

Въѣздъ въ церковь св. Харитонія, что въ Хари-
тоньевскомъ пер. въ 5^{1/2} часовъ вечера.

Москва.

Честные люди. Милликовъ пер.
д. № 2 кв. 3.

На обороте: Моей дорогой Анечке дарю эту
карточку в день отъезда к себе на свадьбу.

24 ноября 1908 г.

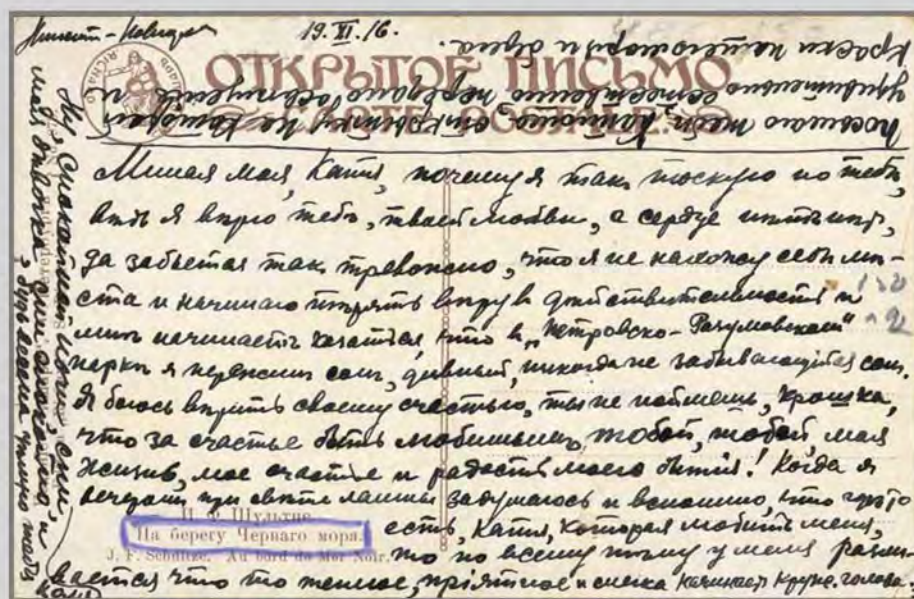

Милая моя Катя, почему я так тоскую по тебе, ведь я верю тебе, твоей любви, а сердце <не-разб.> да забьется так тревожно, что я не нахожу себе места и начинаю терять веру в действительность и мне начинает казаться, что в «Петровско-Разумовском» парке я переживал дивный, никогда не забывающийся сон. Я боюсь верить своему счастью, ты не поймешь, крошка, что за счастье быть любимым тобой, тобой, моя жизнь, мое счастье и радость моего бытия! Когда я вечерами при свете лампы задумываюсь и вспоминаю, что где-то есть Катя, которая любит меня, то по всему телу у меня разливается что-то теплое, приятное, и слегка начинает круж. голова.

Ну, спокойной ночи, спи, моя девочка, спи спокойно и будь весела. Целую тебя. Коля.

Посылаю тебе, Катюша, открытку, на которой удивительно естественно передано освещение и краски нашего моря и берега.

19. XI. 16.

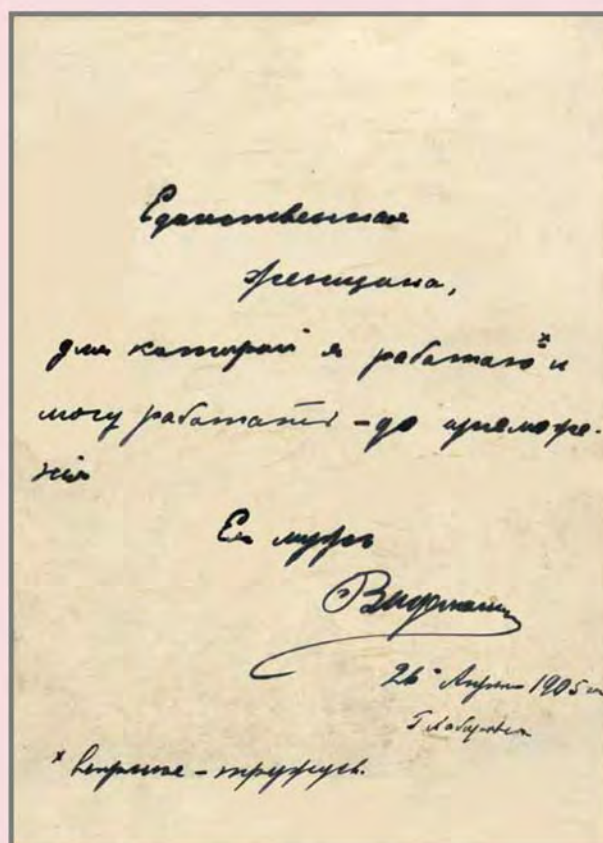

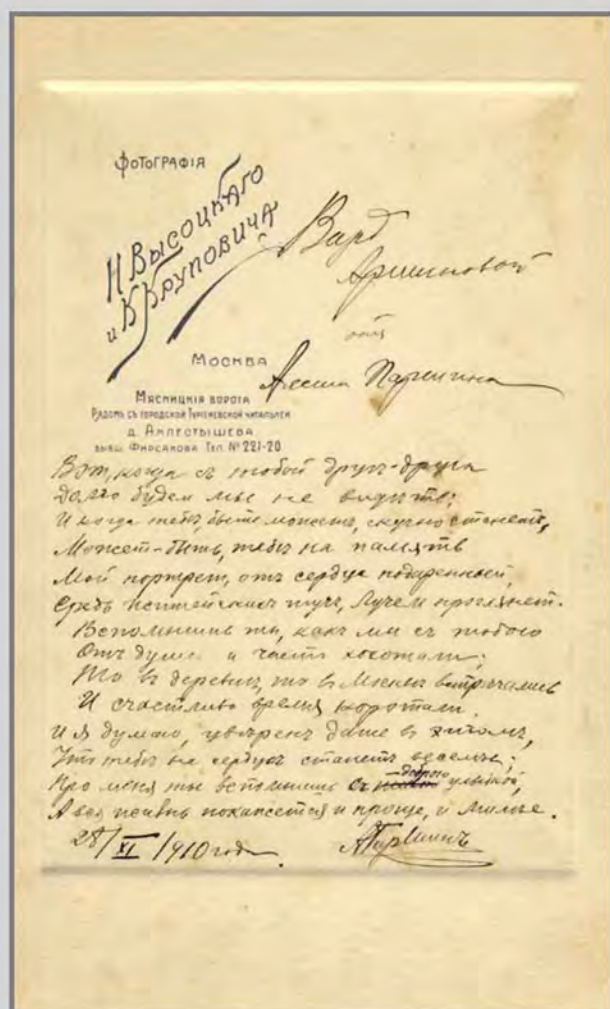
Из писем и фотографий

Единственная женщина, для которой я работаю* и могу работать – до изнеможения. Ея муж <подпись неразб.> 26 апреля 1905 г. Хабаровск

*вернее – тружусь

Вот, когда с тобой друг друга
Долго будем мы не видеть,
И когда тебе, быть может, скучно станет,
Мой портрет, от сердца подаренный,
Средь житейских туч лучом проглянет.
Вспомнишь ты, как мы с тобою
От души и часто хохотали.
То в деревне, то в Москве встречались
И счастливо время коротали.
И я думаю, уверен даже в этом,
Что тебе на сердце станет веселее,
Про меня ты вспомнишь доброю улыбкой,
И вся жизнь покажется и проще, и милее.

28/XI/1900

Из писем и фотографий

На обороте:
Вы меня уже давно забыли,
но я Вас еще нет. Сарра.

На обороте:
Дорогим моим Шуре и Коке на память от медички Киевского универ.
Лели К.

Ординарное.

На углу Ординарной и Малаго
Проживала медичка Завьялова,
Высыхая отъ бездны наукъ,
Отъ экзаменныхъ мукъ.

На комодѣ—тифозныя лекціи,
Беклинъ съ мухами, шприцъ для
инъекціи,
Альманаха истерзанный томъ,
Прошлогодній при томъ,

Вянетъ фуксія, подпертая палками,
На окошкѣ—стаканчикъ съ
фіалками
И дегтярное мыло рядкомъ...
Иногда, вечеркомъ

Забѣгали товарки къ ней скопами,
Всѣ унылыя, всѣ съ стетоскопами,
Говорили о тромбахъ, о швахъ,—
О туманныхъ вещахъ.

Но ночамъ же одна за муляжами,
Все мечтала о шляпѣ съ плюмажами
И о суженомъ—земскомъ врачѣ,
О родномъ Дергачѣ.

На углу Ординарной и Малаго
Увидала коллегу Бурчалова,
И скрестились двѣ пары ихъ глазъ
Въ самый разъ!

«Ужъ не онъ ли судьбою мнѣ
суженый?
Не спроста въ переулокъ
простуженный
Повлекло насъ отъ лекцій и книгъ
Въ этотъ мигъ!»

Но, увы!—было кратко сближеніе:
Отвели они взоры въ смущеніи,
Онъ къ витринѣ прильнулъ, а она
Убѣжала одна!

И корпитъ она вновь надъ
муляжами,
Таесть въ грезахъ о шляпѣ съ
плюмажами
И о земскомъ врачѣ... Боже мой,
Укатить бы домой!

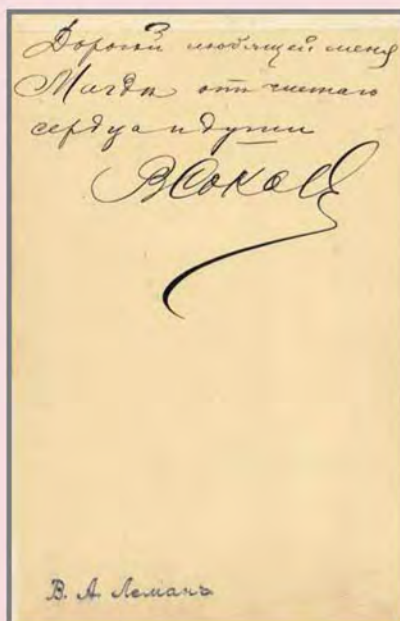
Л. Васнлевскій.

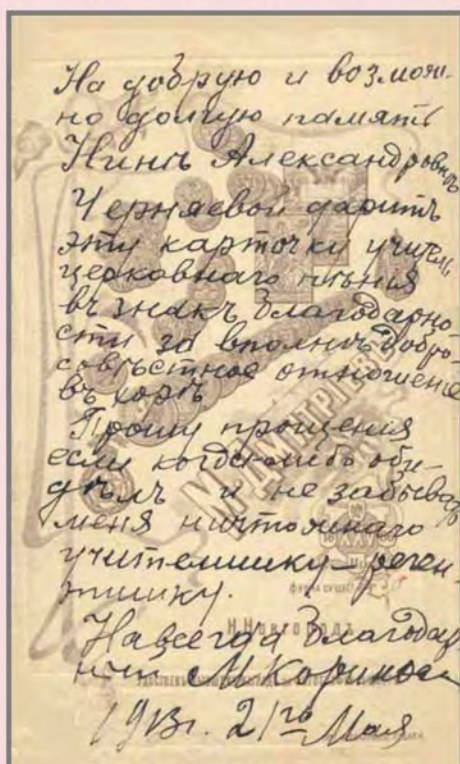

Cabinet Portrait.

Обратите внимание на название книги —
«Бедность не порок» <А.Н. Островский>

В. А. Леман

М. Дмитриев Н. Новгород

Из писем и фотографий

Из писем и фотографий

Счастие мое дороже, радость моя
 дороже, сегодня, прижавшись к тебе и
 первым делом спросил есть ли у тебя
 я сразу сразу получил три: одну
 открытку и два письма. Твое какую
 радость безконечною она мне дос-
 тавила, невольно вывалила море
 радости. Я закрыл дверь, когда
 читал и плакал и умолял мое
 долгожданное письмо, а твои
 дорогие ~~слова~~ и приветствия, были мне
 моей радостью. Твое письмо было.

Прими же, друг мой, в
дар портрет
и от меня и дружеский
совет.
Коммерцией не за-
нимаюсь,
много дел не расхо-
дись,
Как смогу и в твою
деловую
и в домашнюю
деятельность.

Александр

23/V - 1900 года
Ник. Ш. Поканов
писал.

Зачесть на право, а не вене
будетъ моя вѣнчанная
Убога, инос. и вѣнчанная
И вѣнчанная и вѣнчанная
Въ и вѣнчанная и вѣнчанная
Меня вѣнчанная и вѣнчанная
Но я вѣнчанная и вѣнчанная
Твоя вѣнчанная и вѣнчанная

ПОРТРЕТОВЪ ДО ЖЕЛЕЗНАГО РАЗМѢРА

Портретъ вѣнчанная

Из писем и фотографий

«Грехи МОЛОДОСТИ»

Это сказка любви дорогой,
А в финале –
 печаль безысходная.
Ах, как хочется быть роковой
И красивой, как Вера Холодная.

Положи на алтарь красоты
Пламя неба и пытку молчания.
И признайся, не хочешь ли ты
Ради счастья
 изведать страдания.

И еще: позабудь про камин,
Говорят, в нем погасли огни.
Если хочешь – останься один,
А не хочешь – мы будем одни.

Почему я безумно люблю? –
Ты не скажешь, Великий Немой?
Кто – под поезд, а кто-то –
 в петлю.
Это сказка любви, дорогой!

От разлуки нет спасенья,
От любви остались дыры.
Если хочешь – в воскресенье
Вместе сходим в Театр Сатиры.
А не хочешь – можно вечер
Провести в консерватории...
Как меня достали встречи
На нейтральной территории!

Сказка любви дорогой" В.Холодная
О.Рунин. Худож. Иза. М.Большакова.

У меня душевный кризис.
«Take it easy». – говорю.
Повторяю: «Take it easy».
И курю, курю, курю...

Ты мне друг родной и близкий.
И твои приятны ласки.
А не хочешь по-английски
Почитать мне на ночь сказки?

Я поставлю к изголовью
Ароматную свечу.
Но ответишь ты с любовью:
– Take it easy. Не хочу.

Весна благословила это утро.
Царит истома, барственная леность...
И секс тут ни при чем, и Камасутра,
И сладострастие, pardon, за откровенность.

Как королева, под лебяжьим пухом,
На шелковой тончайшей простыне
Я возлежу. И собираться с духом
В такое утро не пристало мне.

Как облако, рассеялась истома.
Досада! Невезение! Хоть плачь...
Кляня судьбу, я выхожу из дома
И вижу наяву Ваш серый плащ.

Так несудьба судьбою обернулась.
Сам Бог велел нам встретиться опять.
Я подошла и даже улыбнулась:
– ... А сколько младшему?
– В июле будет пять.

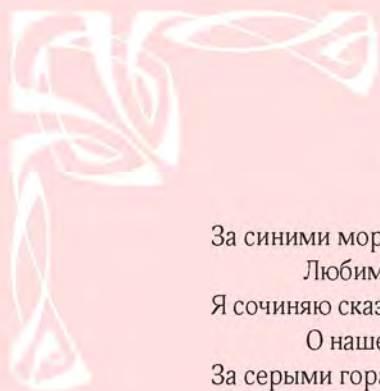
ЛАУТЬ. УСЛУГА

А. ЕЩЕРЯ

СТРАСТЬ

За синими морями...
 Любимый мой далече.
Я сочиняю сказку
 О нашей новой встрече.
За серыми горами...
 Он без оглядки скачет,
А в тереме высоком
 О нем девица плачет.
Добро восторжествует –
 Он победит дракона.
И ярче засияет
 Алмазная корона.
Я написала сказку,
 Что будет и что было.
Ее перечитала –
 И о тебе забыла.

Ничто не предвещало твой уход:
Упало зеркало, но, к счастью, не разбилось.
Не перешел дорогу черный кот,
И наша свадьба вроде бы не снилась.
И вещие часы не онемели,
И бабка не пророчила беду.
Неужто ты поверил, в самом деле,
Что я с тобой на каторгу пойду?!

Не чувствую зимы очарования.
Февраль ко мне в окно стучит настырно.
Деревья в снежном обмундировании
Стоят, не шевелясь, по стойке «смирно».

Назло любви я выберу разлуку.
И не благодаря, а вопреки
Я поднесу к губам чужую руку
Взамен любимой ласковой руки.

Тоску зимы не выразишь словами.
Снежинки обреченные кружатся...
Но как приятно жаркими губами
К руке холодной в тишине прижаться.

ЭКСПРОМПТ

Как несвоевременно
Я от Вас беременна.
На любви поставьте точку.
Ждите сына. Или... дочку.

После ссор, расставаний, разлук
Мы пришли к заключению мира.
Ты мне в первую очередь – друг,
С чуть заметным оттенком кумира.

Начинать все придется с нуля,
Оттого и растерян твой взгляд.
Неужели конец февраля?!
У людей еще елки стоят.

Ну, уж нет! Я тебя не прощу.
Потеряешь ты сон и покой.
Вот увидишь, за все отомщу,
Всем поведаю, кто ты такой!

Про тебя я всю правду скажу,
И на шею повешу табличку,
И, ей-богу, на ней напишу:
«Он меня превратил в истеричку!»

Заберусь под одеяло,
Повернусь к тебе спиной.
Человеку нужно мало:
Раз в неделю выходной.

Проведу его одна я:
Без свиданий, без интриги.
Я сегодня – выходная!
Мне нужны покой и книги.

Смотрю на мир из Ваших окон,
А на дворе стоит апрель.
«ОН ЕЙ слегка поправил локон –
И вызван мужем на дуэль.
И вот уже зовут: “К барьеру!”,
И вот уже сочится кровь...»
Не следуйте его примеру.
Храните бережно любовь:
Не поправляйте локон деве.
Тем более, чужой жене.
И как Адам грустил о Еве,
Грустите, милый, обо мне.

Как банально влюбиться в женатого!
А не лучше послать мне (туда) его?!
Интересно, что скажет Ахматова?
Как на это посмотрит Цветаева?

Фарфоровый маркиз разбился на осколки.
Признаться, господа, здесь нет моей вины.
Его слова ко мне порою были колки,
Он надо мной шутил в присутствии жены.

Не проронив слезу, прекрасная маркиза
В таинственную думу с тех пор погружена.
А я бы не смогла сносить его капризы,
Но, к счастью, господа, не я его жена.

«Маркиз-то Ваш тю-тю!» – ни капли не жалея
Прекрасную маркизу, я вслух произношу.
Я на него, увы, не стану тратить клея,
Поскольку запах клея совсем не выношу.

Ну что скажу я Вам, маркиза, в утешенье?
Я познакомлю Вас с милейшим толстяком.
Немного подвело его происхождение.
Он молод и хорош, но ходит босиком.

Угодно ли в буфет? Ключом закрою дверцы,
Оставлю толстяка и Вас наедине.
Сама пойду искать украденное сердце,
Что завещал тайком маркиз любимый мне.

Я прямо скажу: ни к селу и ни к городу
 Вы время от времени носите бороду.
 И в облике Вашем, породистой внешности
 Есть кое-какие, простите, погрешности.
 Вы – яркой натуры образчик типичный,
 Но Вы мне давно глубоко безразличны.
 Я сердце закрыла свое на засов:
 От Вашей улыбки и Ваших усов.

Что ты пророчишь, неистовый Май?
 В маленькой церковке – маленький рай.
 Ангелы смотрят с улыбкой на них:
 Вылитый Гамлет – мой бывший жених.
 Светится счастьем подруга Офелия.
 И не боится она суеверия:
 «В мае жениться – до старости маяться».
 Может, кино по Шекспиру снимается?!

Для всяких зверушек
 открылась аптека.
 У новой витрины –
 лишь два человека:
 Я – в розовой кофточке,
 он – в пиджаке.
 Я, кажется, зонтик
 держала в руке.
 Высокого роста
 и с виду хорош.
 И на Федерико
 Феллини похож.
 Он долго стоял
 и смотрел на витрину.
 А я воплощалась
 в Джульетту Мазину.
 Бывают на свете
 счастливые браки!
 Но он торопился
 к любимой собаке.

«Грехи молодости»

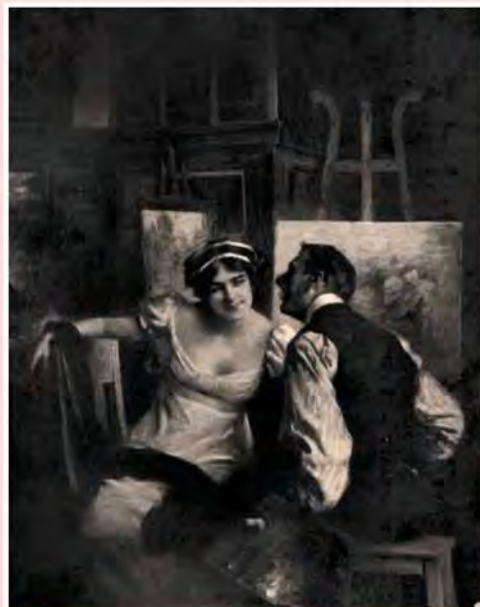

Нет, я замуж за Вас не пойду.
Объяснить постараюсь отказ.
Только, милый, имейте в виду,
Что люблю я по-прежнему Вас.
Но жена из меня никакая:
Никогда не сварю Вам рассольник.
Вас накормит обедом другая –
Будет пошлый у нас треугольник.
Назвала бы я больше причин,
Но от этого станет не меньше:
Ни женатых несчастных мужчин,
Ни замужних безрадостных женщин.

Кто соткан из полутонов,
Кто писан яркими мазками...
Мне не хватает нужных слов,
Чтобы остаться рядом с Вами.
Я – не подарок, но, признаться,
Я – друг собак и враг халтуры.
Так разрешите мне остаться:
Я буду Вас писать с натуры.

Любовь меня поцеловала,
Обняв руками хрупкими.
И вдруг ушла в разгаре бала,
Прошелестела юбками.
Нарушив светский этикет:
Не доплясав кадрили,
Я бросилась за нею вслед...
И обо мне забыли.

Париж. Салон.
Прерванная работа. — Лассеманъ.

Старуха гадала. Безумные страсти
 Ложились на скатерть во всей наготы.
 И снова мне выпали черные масти.
 И снова – валеты. И снова – не те.
 – Каких же валетов ты, девка, хотела? –
 Спросила старуха в полночной тиши.
 – Червового – для усмирения тела.
 Бубнового – для утешенья души.

Когда Амур бросался стрелами,
 Мы были от него далече.
 И потому остались целыми
 Сердца при нашей первой встрече.

И будет все красиво, как в кино:
 Мы выпорхнем тайком из бальной залы
 Туда, где льется рейнское вино
 В старинные зеленые бокалы.

Окажемся в заоблачном Тироле,
 А там, гляди, рукой подать до Вены.
 Мы вырвались из плена. Мы на воле!
 Нам выпали благие перемены.

В Туманный Альбион? Потом в Варшаву?
 Исколесим без усталости планету.
 Я заслужила все это по праву.
 Карету мне! Волшебную карету!

Французы, чехи, немцы и прибалты
 Нам будут бескорыстно улыбаться,
 А я не прочь по набережной Ялты
 Весенним утром с Вами прогуляться.

Мне happy end наивной мелодрамы
 Милее многоточия в финале.
 Прощайте, друг! Не лишнее для дамы
 Знать правила приличья на вокзале.

Я сил душевных попусту не трачу
 И не томлюсь многосерийной жвачкой.
 Я до сих пор, как в молодости, плачу
 Над чеховскою «Дамой с собачкой».

«Грехи молодости»

Обиды, слезы, ссоры, перепалки...
Ты стал мне, как сосед по коммуналке.
И нынешнее наше равнодушие
Не вызывает признаков удушья.
Но прежде, чем сказать: «прости-прощай»,
Я заварю на кухне крепкий чай
И сяду, как всегда, на табуретку,
И дам на счастье медную монетку.

Мы сказали друг другу, что песенка спета,
Что ушло навсегда голосистое лето.
Что с деревьев уже отлетели одежды,
Что у нас не осталось ни капли надежды...
Но душа закалилась зимой и окрепла,
И любовь возродилась, как Феникс — из пепла.
И теперь нам решать не придется задачу,
Как делить хомяка и любимую дачу.

Говорят, что Лиза П. («пэ»)
Стала вдруг эмансипэ.

Огорчился кавалер,
Отставной поручик Р. («эр»):

— Я давно сказать хотел,
Что я Вас — на букву «эл».

От волнения Лиза П. («пэ»)
Села вдруг на канапэ:

— Буду Вам хорошей ж... («жэ»)... —
Вот и свадьбка уже!

Париж Салон — Долги Поцѣлуй. — Левекъ.

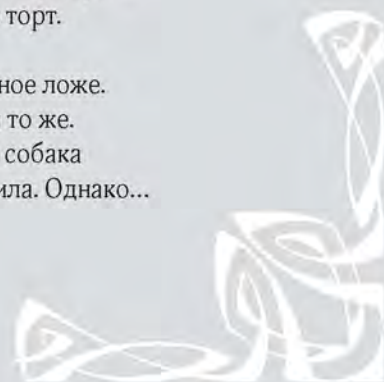
Живу я в белокаменной столице,
Пишу стихи в Серебряном бору,
Но вырывается из рук, подобно птице,
Мой зонтик одинокий на ветру.
Все чувства я в стихах запечатлела:
Любовь, печаль, смятение, разлуку...
И нету ни малейшего мне дела,
Какую ты испытываешь муку.
Ты одинок — душою не криви! —
Как заключенный, ждешь со мной свиданья.
Я соглашаюсь, но не из любви,
А так, из милости, из чувства состраданья.
Свою печаль я прогоняю прочь,
Как гонит тучи беспокойный ветер,
Чтоб наступила царственная ночь
И краски заиграли на рассвете.

Что жизнь прекрасна! — снова говорю.
Не нужно мне теперь твое участие.
И без него судьбу благодарю
За радость бытия и жажду счастья.

Я Вас у порога встречала.
Какое, однако, начало!
Тянули мы нить разговора,
Идя по тропе коридора.

Потом мы сидели в гостиной.
И Вы восхищались картиной:
— Однако, какой натюрморт! —
Потом разрезала я торт.

Потом было спальное ложе.
Короче, одно все и то же.
В отсутствие наше собака
Весь торт проглотила. Однако...

«Прости, прощай!» –
сказал мне старый год.
Хороший повод –
все начать сначала.
А дом напротив –
белый пароход –
Мигает окнами
у снежного причала.
Кусок ночного
города в окне.
И время на часах,
полночно-точное.
Рисует, будто ты
грустишь по мне,
Мое воображение
порочное.

Однообразна жизни колея,
Но гонит вечный поиск креатива.
Вдруг выплыл, словно из небытия,
Потертый ящик старых негативов.

Десятка три таинственных стекляшек,
В моих руках оживших у окна.
Вот юноша, кудрявый, как барашек.
Вот барышня, печальна, как луна.

Какое мне до них, скажите, дело?!
Мне до влюбленных этих дела нет.
В реке ЕЁ найдут, быть может, тело,
А может, проживет с НИМ много лет.

Смотрю на незнакомую усадьбу.
Вот – ива у реки, вот – стройный тополь.
Заманчиво сыграть здесь летом свадьбу.
Потом – в Москву! Потом – в Константинополь...

Д. Еччаверри. Волки

– Не сотвори себе кумира! –
 Меня учила тетя Фира. –
 О ком ты, детка, сохнешь прямо?!
 Будь выше всех, как дядя Зяма!

– А если б жираф был лиловым?
 – Подумаешь, был бы и был!
 Пленял своим видом хипповым
 Пасущихся в поле кобыл.

– А если б жираф был зеленым?
 – Подумаешь, был бы и был!
 Пленял своим видом холеным
 Лежащих на травке кобыл.

– А если бы жираф был пурпурным?
 – Подумаешь, был бы и был!
 Пленял своим видом гламурным
 Уставших от жизни кобыл...

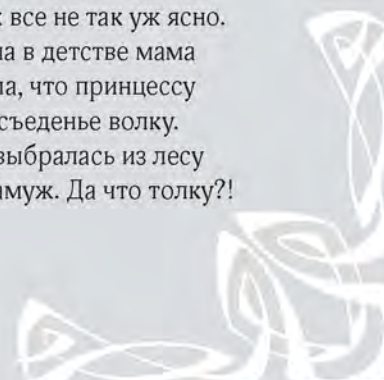

Ведет уходящее Лето
 Багряную Осень к венцу.
 И брюки брусничного цвета,
 Мой милый, Вам очень к лицу.

Закат был пьяным до рассвета.
 И ночь, подальше от греха,
 За водокачкой скрылась где-то.
 И слов банальных шелуха
 С влюбленных уст моих слетала:
 Мол, век любви давно отмерен.
 Ты на меня глядел устало,
 Но почему-то был уверен,
 Что будет ясная погода,
 Когда наступит этот день...
 Потом с рассвета до восхода
 Меня пугала ночи тень.
 Ах, эти фобии и мании!
 Душе – отравы, сердцу – яд,
 Но трепет первого свидания
 Напомнил мне твой детский взгляд.
 Мой милый сказочник! Напрасно
 Ты избегаешь слова «драма».
 И в сказках все не так уж ясно.
 Тебя жалела в детстве мама
 И не сказала, что принцессу
 Отдали на съеденье волку.
 Бедняжка выбралась из лесу
 И вышла замуж. Да что толку?!

«Грехи молодости»

Я далека, мой друг, от совершенства:
На Пасху не пою в церковном хоре.
Не верю в ад и райское блаженство
И афоризмами не сыплю в разговоре.

Мне непонятен культ Прекрасной Дамы
И симпатична фраза «Ну и пусть!»
Я в детстве не разучивала гаммы,
Но классиков читала наизусть.

В Ваш адрес я не выскажу упрека.
Начнем роман с пропущенной главы.
Я Вам клянусь святой любовью Блока,
Что выброшу всю чушь из головы.

Звучит-звучит божественная гамма
На самом верхнем в небе этаже.
И мне не жаль: ни капельки, ни грамма,
Что Вы, мой друг, – *еще*, а я – *уже*...

К Вам приду в два часа пополудни,
Опустив на ресницы вуаль, –
Скрасить Ваши промозглые будни.
Сразу сяду за старый рояль.
По-киношному брошу перчатки,
Крышку взмахом руки подниму.
Там, на клавишах, есть отпечатки,
Может быть, я Вас лучше пойму.

Разглядев тайным зрением знаки,
Дамских пальцев вдохнув аромат,
Я вдруг вспомню, что были мы в браке,
Может, век (может, больше) назад.
Я коснулась магических клавиш –
И не в силах о тайне молчать.
Вы вздохнули: – Судьбу не исправишь.
Дорогая, ну хватит брэнчать!

Друзья мои, книги! Прощайте!
Я вас покидаю навек.
И краски свои не сгущайте,
Поймите же, я – человек!

А если точнее, то – особа
Прекрасного женского пола.
Я вас оставляю до гроба:
Мне ваша наскучила школа.

С утра и до ночи уроки!
Нависла над сердцем угроза.
Преследуют книжные строки:
Стихи и особенно проза.

Довольно с меня всяких знаний!
Бросаю от знаний ключи.
Желаю любовных свиданий
И тайных объятий в ночи!

И я не напрасно мечтаю:
Уж близок мой рыцарь-прелестник.
Пока же – пойду почитаю
Журнал «Исторический вестник».

Елена Лаврентьева

«Грехи молодости»

СОДЕРЖАНИЕ

5 Предисловие

Е.В. Лаврентьева

9 Из мемуаров

55 «Любовь-морковь»

(юмористические стихи)

121 Заграничная хроника

(по страницам периодики)

155 Из писем и фотографий

173 «Грехи молодости»

Е.В. Лаврентьева

7038. YESTERDAY, TO-DAY AND FOREVER

© H.H.T.

Туда где ты ... и она

*Туры и бронирование отелей
по всему миру.*

*Туринфо группа РФР, WWW.TGT.RU
+7 050 213 1678 тел.*

Туда где ты ... и он

*Туры и бронирование отелей
по всему миру.*

Туринфо группа РФР, WWW.TGT.RU

+7 050 213 1678 тел.

АНДРЕЕВСКИЕ БОЛЬНИЦЫ НЕ+БОЛИТ

Дорогие друзья!

Правда жизни в том, что врачей, оборудования, методик и особенно лекарств, стало значительно больше! А заболеваемость, результативность лечения и смертность – примерно те же! Пора признать, что, как и тысячу лет назад, медицина хороша в экстренных случаях – кровотечения, инсульты, инфаркты, ножевые и огнестрельные ранения, и пр. и то, если успеваем вовремя! Во всех остальных случаях – симптоматическое лечение хронических процессов. За 10 лет работы нашего холдинга, очень четко обозначились две великие для нас задачи:

Первая – затормозить старение, которое (скрыто) начинается у некоторых с внутриутробного развития и отчетливо стартует в 25–30 лет. Из существующих, примерно 100 000 заболеваний, доминируют всего десять так называемых «нормальных болезней», т.е. тех, которые закономерно будут. Наша задача научить Вас контролировать свое внутреннее состояние и активной профилактике этих болезней. Нам необходимо избавить пациентов от нашей же фразы: «Для Вашего возраста это нормально». Норма – едина, если человек здоров! Всё остальное – компромисс с болезнью.

Правда, о которой не помнят: 50% здоровья – образ жизни, 40% – экологическая обстановка и только 10% – медицина! Вдумайтесь, прежде чем сказать, что медицина «Вам

должна!» Еще раз хочу Вам напомнить: мы категорически против ~~смысла~~ констатации болезни, как с Вашей, так и с врачебной стороны. Мы за активное внедрение контроля, самоконтроля и профилактики. Над здоровьем, как над карьерой – нужно РАБОТАТЬ!!! Постоянно! Итак, Уважаемые! Если кто-то ищет «таблетку здоровья» – мы не Ваши! Того, кто понимает, что болеть нельзя и просто экономически не выгодно – ждем!

Вторая, не менее важная задача – социально-психологическая. Теперь мы уже и не вспомним, когда появилась пропасть между людьми в белых халатах и пациентами. Нас и сейчас продолжают ссорить, увеличивая эту пропасть. Не поддавайтесь!!! Успех в лечении – это в первую очередь максимально доверительные и искренние отношения между врачом и пациентом. Пациент должен быстро получать ответы на свои вопросы, ни минуты не оставаться в тревоге. И последнее. Всегда вспоминайте величайшую фразу, которую мы слышим в самолетах: «В СЛУЧАЕ РАЗГЕРМЕТИЗАЦИИ САЛОНА САМОЛЕТА ОБЕСПЕЧЬТЕ КИСЛОРОДНОЙ МАСКОЙ СНАЧАЛА СЕБЯ, А ПОТОМ РЕБЕНКА!» Будет хорошо Вам – будет хорошо всем вокруг Вас. А мы обещаем помочь!

С великим уважением и верой в Вас,
Директор холдинга «Андреевские
больницы – НЕБОЛИТ»,
к. м. н. А. Кожушков.

Медицинский центр «Андреевские больницы – НЕБОЛИТ» открыл свои двери в 2002 году. Мы представляем сеть клиник медицинского холдинга «Андреевские больницы – НЕБОЛИТ» в Москве и Подмосковье.

На базе наших клиник представлены несколько основных направлений:

- Детское отделение
 - Взрослое отделение
 - Стоматология
 - Хирургия
 - Отделение вспомогательных репродуктивных технологий.
 - Комплексные программы ведения беременности и детские программы.
- Все отделения работают в тесной взаимосвязи, таким образом, предоставляя Вам возможность получить комплексное медицинское обслуживание всей семьи!

Клиника в Мытищах (для взрослых и детей)

141006, Россия, Моск. обл., г. Мытищи, Олимпийский проспект, 29
ВЗРОСЛОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: (495) 585-15-11
ДЕТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: (495) 585-15-12
www.nebolit.net

Клиника на Смоленской (для детей)

121002, Россия, Москва, Денежный пер., 24, стр. 3
Т (499) 241-03-06, (499) 241-04-21, (499) 241-66-82
www.detmed.ru deti@nebolit.ru

Клиника на Ленинском (для взрослых)

119296, Россия, Москва, Ленинский проспект, 66
Т. (495) 930-89-35 (36), (495) 651-21-45, (495) 651-21-46 (47)
www.nebolit.com info@nebolit.ru

Клиника в Троицке (для взрослых и детей)

142190, Россия, Моск. обл., г. Троицк, Академическая пл., 3
ВЗРОСЛОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: (499) 922-33-04 (01), (4967) 56-93-08 (09)
ДЕТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: (499) 922-33-02 (03), (4967) 56-93-10 (11)
ОТДЕЛЕНИЕ ХИРУРГИИ: (499) 922-31-01, (4967) 56-93-28
ОТДЕЛЕНИЕ СТОМАТОЛОГИИ: (499) 922-31-61, (4967) 56-93-29
www.nebolit.org

Проект «СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ»

«Эта коммунальная квартира, эта коммунальная страна...» Для большинства живущих сегодня это всего лишь строки из популярной песни. И хотя в нашей необъятной стране есть люди, все еще проживающие в коммунальных квартирах, большинство современников уже не представляют себе, что это такое. Чтобы рассказать об ушедшем и напомнить о сокровенном, этот альбом.

Все стремительнее мы отдаляемся от тех лет. Советское прошлое сегодня мифологизируется - одними, проклинается - другими и забывается - третьими, особенно молодыми нашими согражданами. Живые свидетельства современников эпохи сохранят для них историческую, человеческую и семейную память, помогут понять прошлое, жить в настоящем и мечтать о будущем.

В альбоме представлено около 340 дачных и усадебных фотографий конца XIX - начала XX века, сделанных как любителями, так и профессионалами. Среди них - не публиковавшиеся ранее работы А.С. Мазурина, мастера отечественной фотографии. Завершают книгу уникальные семейные архивы, посвященные дачной и усадебной жизни дореволюционной России.

«МЫ МНОГО ПУТЕШЕСТВОВАЛИ...»

Путевые впечатления в фотографиях и воспоминаниях

ЭТЕРНА

Альбом посвящен туристическому быту конца XIX – начала XX века, рассказывает о том, как путешествовали наши соотечественники, содержит богатый иллюстративный материал: фотографии русских туристов и открытки с видами зарубежных и российских городов, коллекцию почтовых марок, изображения популярных отелей, средств передвижения и т.д.

В альбоме использованы фотографии из семейных архивов и частных коллекций.

Героини книги — бабушки, наши ангелы-хранители. Судьба каждой из них неповторима, а истории любви достойны пера романиста. Наряду со свидетельствами мемуаристов XIX века в книге представлены воспоминания наших современников. Авторы объединяет «память сердца» и благодарность к тем, кто сумел предать внукам творческое отношение к жизни, сострадание к людям, любовь к искусству и природе.

БАБУШКА, GRAND-MÈRE, GRANDMOTHER...

Воспоминания внуков и внучек
о бабушках, знаменитых и не очень,
с выгравированными фотографиями
XIX-XX веков

Иллюстративно-художественное издание
Проект «Семейные архивы»

Лаврентьева
Елена Владимировна

Она и Он

Любовный быт
в мемуарах и периодике
конца XIX – начала XX века

Редактор
Н.В. Комарова

Дизайн проекта «Семейные архивы»:

А.Б. Архутик

Компьютерная верстка:

А.Н. Колганов

Сканирование, обработка фотографий и цветокоррекция:

А.Е. Комаров

Корректоры

О.В. Круподер, В.А. Нэй

Подписано с готовых диапозитивов 24.09.2013.

Формат 60х90/8. Гарнитура AdonisC.

Печ.л. 24, 5. Тираж 3 000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru